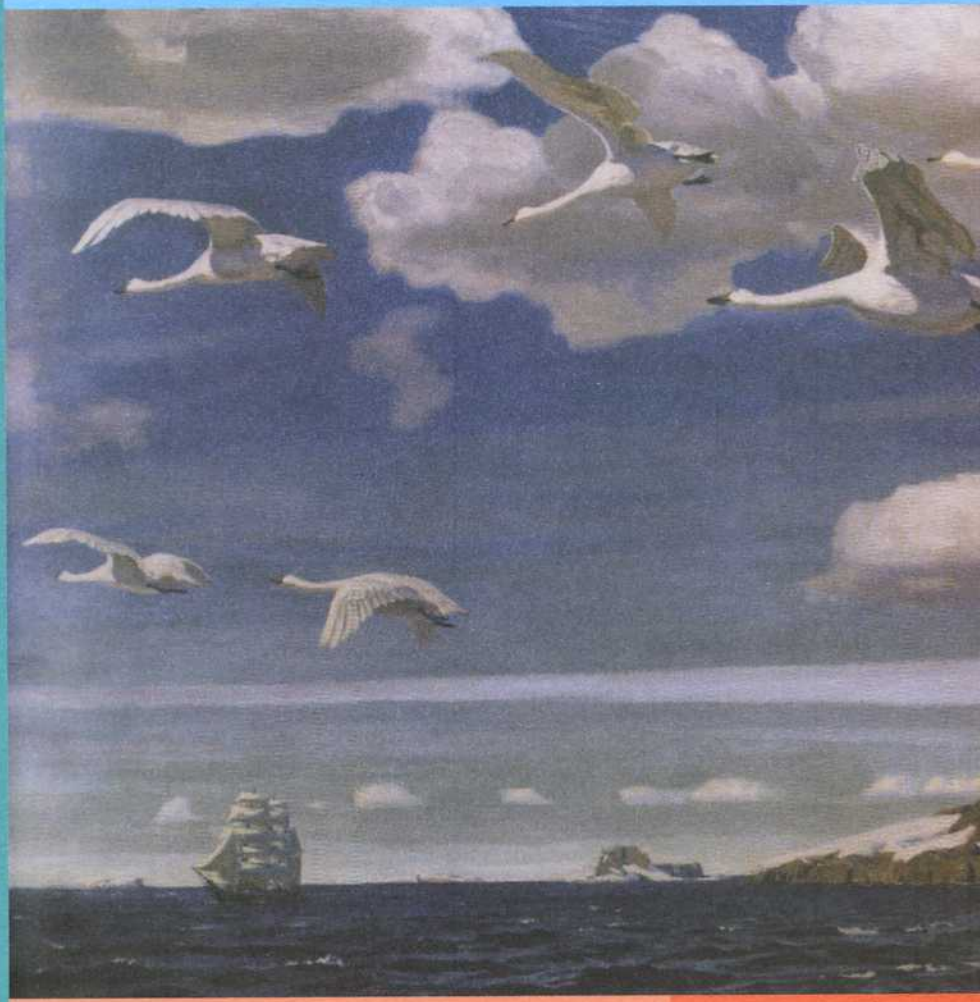
# ЛИТЕРАТУРА



Часть 2

6

CD +

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

# ЛИТЕРАТУРА

**6 класс**

**Учебник**

**для общеобразовательных учреждений**
**с приложением на электронном носителе**

**В двух частях**

**Часть 2**

Под редакцией В. Я. Коровиной

**Рекомендовано Министерством**
**образования и науки**
**Российской Федерации**

**Москва «Просвещение» 2012**

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3я72
Л64

Учебник получил положительные заключения Российской академии наук (№ 10106-5215/648 от 14.10-2011 г.) и Российской академии образования (№ 01-5/7д-279 от 17.10.2011 г.)

Авторы: ***В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин***

На переплёте — репродукция картины А. А. Рылова «В голубом просторе» (*фрагмент*)

*Условные обозначения:*

Вопросы и задания повышенной сложности

Проверьте себя

Обогащайте свою речь. Развиваем свою речь. Совершенствуйте свою речь

Учимся читать выразительно

Литература и другие виды искусства

Творческое задание

Фонохрестоматия

Размышляем о прочитанном

Литература и изобразительное искусство

**Литература**. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 2 / [В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин]; под ред. В. Я. Коровиной. — М. : Просвещение, 2012. — 288 с. : ил. — ISBN 978-5-09-020220-6.

Л64

Учебник переработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, Примерных программ по учебным предметам и Рабочих программ по литературе под ред. В. Я. Коровиной.

**УДК 373.167.1:82.0**
**ББК 83.3я72**

**ISBN 978-5-09-020220-6(2)**
**ISBN 978-5-09-020209-1(общ.)**

© Издательство «Просвещение», 2012
© Художественное оформление. Издательство «Просвещение», 2012
Все права защищены

# Произведения русских писателей XX века

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

*К. Г. Паустовский*

## Александр Иванович Куприн
1870—1938

Литературовед О. Н. Михайлов, определяя главную особенность таланта писателя Александра Ивановича Куприна, писал: «При мысли о Куприне хочется сразу сказать: «д о б р ы й т а л а н т». Все произведения писателя пропитаны этой бесконечной добротой или, говоря его же словами, любовью «ко всему живому — к дереву, собаке, воде, земле, человеку, небу». А. И. Куприн особенно остро ощущал необходимость доброго отношения к людям, волею судьбы оказавшимся в тяжелейших жизненных условиях, поскольку сам он в детстве и юности в полной мере испытал нехватку доброго отношения, понимания, поддержки.

Будущий известный писатель родился в маленьком городке в Пензенской губернии. Отца своего, служившего чиновником в местной канцелярии, он не помнил, потому что тот умер, ко-

гда Саше было около года. Детство Куприна прошло в Москве. Сначала во вдовьем доме, благотворительном учреждении для вдов чиновников, право на проживание в котором с большим трудом получила мать писателя Любовь Алексеевна. Крайняя бедность вынудила Любовь Алексеевну отдать семилетнего сына в сиротский пансион. В десятилетнем возрасте Александр Куприн сдал экзамены во Вторую московскую военную гимназию, которая вскоре после этого была преобразована в кадетский корпус. Жёсткая, порою жестокая казарменная обстановка сиротского пансиона, кадетского корпуса, а позднее юнкерского училища не озлобила, не ожесточила сердце и характер Куприна, а воспитала в нём сочувствие, сострадание к человеку, униженному бедностью, несправедливостью, грубой силой, укрепила в нём человеколюбие.

После окончания юнкерского училища Куприн несколько лет служил младшим офицером в отдалённых гарнизонах. Армейская служба тяготила его, всё больше времени он отдавал литературному творчеству, первые опыты которого относятся ещё ко времени учёбы в кадетском корпусе. В 1894 году он уходит в отставку, после этого сменил множество профессий — служил репортёром в газетах, актёром в бродячих театральных труппах, пытался заниматься сельским хозяйством, работал грузчиком, изучал зубоврачебное дело.

Из всех перечисленных профессий наиболее важным для начинающего писателя была профессия журналиста, газетного репортёра. Газета учила писать кратко, точно, выхватывая из ряда событий и обстоятельств наиболее значимые детали, позволяющие передать суть событий и характеры людей, в них участвующих.

Один из ранних рассказов А. И. Куприна «Чудесный доктор» был впервые напечатан в рождественском номере (25 декабря) газеты «Киевское слово» в 1897 году. Этому произведению присущи основные признаки святочного или рождественского рассказа. Святки — праздничное время от Рождества Христова до Крещения (с 25 декабря до 6 января по старому стилю). В дни праздников святочные рассказы и сказки, действие которых, как правило, происходит накануне Рождества, такие, как «Девочка со спичками» Х. К. Андерсена, «Мальчик у Христа на ёлке»

Ф. М. Достоевского, «Ванька» А. П. Чехова, напоминали читателям о тех, кто беден и нуждается в сочувствии и помощи. Нередко в таких произведениях беднякам помогает волшебная чудесная сила (как в сказке С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев»). В рассказе А. И. Куприна тоже происходит чудо, но писатель подчёркивает, что описал совершенно достоверную историю (первоначально рассказ имел подзаголовок «Истинное происшествие»).

## ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Всё описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдёт речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросёнок-то... Смеётся... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоявшие перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещённые ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копчёные и маринованные рыбы; ниже, окружённые гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солёными, варёными и копчёными

закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую, оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, — поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дёрнул брата за рукав и произнёс сурово:

— Ну, Володя, идём, идём... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжёлый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюблённо-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели ёлку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки весёлой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, всё малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие ёлки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, весёлый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам — всё осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещённые косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого, дома, стоявшего особняком; низ его — собственно подвал — был каменный, а верх — деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскали ощупью свою дверь и отворили её.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоп-

телым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрёпкам, сушившимся на протянутой через комнату верёвке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; её лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлёбываясь, грудной ребёнок. Высокая, худая женщина, с измождённым, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, женщина обернула назад своё встревоженное лицо.

— Ну? Что же? — спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переделанного из старого ватного халата.

— Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

— Отдал, — сиплым от мороза голосом ответил Гриша.

— Ну, и что же? Что ты ему сказал?

— Да всё, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

— Швейцар разговаривал... Кто же ещё? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь

внизу ответа подожду». А он говорит: «Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать...»

— Ну, а ты?

— Я ему всё, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа место найдёт, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда к чёрту! Чтобы духу вашего здесь не было!..» А Володьку даже по затылку ударил.

— А меня он по затылку, — сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив наконец оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

— Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на беспрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

— Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный, — разогреть-то нечем.

В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика — все трое даже побледнев от напряжённого ожидания — обернулись в эту сторону.

Вошёл Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щёки облипли вокруг дёсен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный, роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его

семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут ещё пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она подённо стирала бельё.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона[1], просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрёпанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

— Всё равно, сидением ничего не поможешь, — хрипло ответил он. — Пойду ещё... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошёл бесцельно вперёд. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пере-

[1] *Патро́н* — здесь: глава, хозяин.

жил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже пробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочёл ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй — его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесённых снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы[1], дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую верёвку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы испол-

[1] *Ри́за (поэтич.)* — одежда, одеяние. Так называется верхнее облачение священника при богослужении.

нить своё страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчётливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шёл по аллее. Сначала был виден огонёк то вспыхивающей, то потухающей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в тёплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. — Морозно... тихо, что за прелесть — русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свёртков). — Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребёнок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдёт, но он ошиб-

ся. Старик приблизил к нему своё умное, серьёзное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьёзным тоном:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне всё по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребёнка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только всё пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущённой души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

— Едемте! — сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. — Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчики хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слёзы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопчённый чугунок[1]. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошёл к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. — Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

---

[1] *Чугуно́к* — горшок из чугуна для приготовления пищи.

«Чудесный доктор». *Художник Н. Салиенко*

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить всё, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна оборачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумаги, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой вы пойдёте в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнёсся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, всё ещё не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

— Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнёс:

— Э! Вот ещё пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикреплённом к пузырьку с лекарством, чёткою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова»..

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слёзы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, слывя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая своё повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слёз:

— С этих пор точно благодетельный ангел снизошёл в нашу семью. Всё переменилось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казённый счёт. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор — это когда его перевозили мёртвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно.

## Размышляем о прочитанном

1. Какое впечатление произвела на вас история, рассказанная А. И. Куприным?
2. Как менялось ваше настроение, какие чувства вы испытывали по ходу чтения рассказа?
3. Как вы думаете, почему А. И. Куприн опубликовал рассказ с подзаголовком «Истинное происшествие»?

4. Какие признаки рождественского или святочного рассказа присущи произведению А. И. Куприна?
5. Почему писатель так подробно описывает витрины гастронома? Какие другие примеры иной, недоступной героям рассказа жизни окружают их в предпраздничный вечер в центре города?
6. Перечитайте внимательно описание жилища Мерцаловых. Какой художественный приём воздействия на читателя использует писатель, давая столь подробные описания витрины магазина и жилища семьи Мерцаловых?
7. Какой факт биографии одного из сыновей Мерцалова свидетельствует о том, что известный врач и педагог Николай Иванович Пирогов стал для него примером для подражания на всю жизнь?

## Совершенствуем свою речь

Подготовьте пересказ содержания рассказа от лица одного из героев (Мерцалова, одного из его сыновей, Елизаветы Ивановны).

## Обогащайте свою речь

Рассказ учит нас *сострадать, сочувствовать*. Как вы думаете каково значение приставки *со* в этих словах? Приведите примеры других слов, в которых приставка *со* имеет то же значение.

## Творческое задание

Найдите в фондах детской библиотеки или в ресурсах Интернета сборник рождественских (святочных) рассказов, подготовьте письменный отзыв на один из рассказов этого сборника.

## Александр Степанович Грин

1880—1932

А. С. Грин (настоящая фамилия — Гриневский) родился в городе Слободском Вятской губернии. Детство и юность он провёл в Вятке. Отец его, польский дворянин, оказался в Вятке после ссылки за участие в польском восстании. Там он служил в разных должностях и на разных работах — был и помощником управляющего пивным заводом, и счетоводом в земской больнице. Мать умерла, когда мальчику было 12 лет. Мачеха не любила пасынка, и отношения его с родными не сложились. Мальчик вообще отличался трудным, угрюмым и нелюдимым характером. Он был почти начисто лишён практической смётки и чувства реальности.

Начальное образование Грин получил дома. Затем его отдали в Вятское земское реальное училище. Учился он средне: успевал по гуманитарным наукам и не успевал по математике. За дурной проступок Грин был исключён из реального училища. Его перевели в другое училище, но какого-либо специального образования он так и не получил. Неуспехи в науках Грин восполнял усердным чтением. В это время он много читал, главным образом фантастику и приключенческую литературу. Его воображение рисовало ему дальние страны, загадочные берега, морские просторы. Ему захотелось путешествовать, и он попытался стать моряком. Из родительского дома в 16 лет он убежал в Одессу, устроился на судно, ушёл в плавание и... подвергся беспощадным насмешкам всей судовой команды. За скандал с капитаном он был списан на берег. Все считали его неудачником, да, пожалуй, и он чувствовал себя таким. В эти годы он, кроме матросской, перепробовал много профессий: писца, банщика,

рыбака в артели, дровосека, сплавщика, рабочего золотоносных приисков. Менялись работы, менялись и города — из Одессы Грин возвратился в Вятку, потом уехал в Баку, затем скитался по диким углам Урала и в конце концов оказался в Пензе. По собственному желанию Грин пошёл в армию солдатом. Подчиняться воинской дисциплине ему не хотелось, да и служба была для него тяжёлой. Он сделал неудачную попытку дезертировать. Тогда же Грин познакомился с эсерами (партия социалистов-революционеров), которые помогли бежать из армии и перейти на нелегальное положение. В качестве члена эсеровской партии Грин снова изъездил всю Россию и за агитацию среди матросов и артиллеристов севастопольского гарнизона был арестован и просидел два года в крымских тюрьмах. Освободившись, Грин не прекратил пропагандистской деятельности, за что не однажды арестовывался и ссылался. В этот период Грин живёт в разных городах России. После 1912 года он поселился в Петербурге. В 1920 году его призвали в Красную армию, в караульный полк. Там он заболел тифом и вышел из больницы истощённым, больным туберкулёзом, с совершенно расшатанным здоровьем, оказавшись без всяких средств к существованию. На помощь ему пришёл М. Горький. В 1924 году Грин переехал в Крым, жил сначала в Феодосии, затем в городе Старый Крым.

Первый рассказ Грина появился в печати в 1906 году. Известность пришла к нему несколько позже, когда был опубликован романтический рассказ «Остров Рено». Его героем стал матрос Тарт, волею судьбы оказавшийся на экзотическом острове. Там он наслаждался свободой и ради неё готов был навсегда оставить людское сообщество и даже совершить преступление. Так в творчество Грина вошла тема, которая навсегда останется для него главной, — тема свободной личности.

Наиболее глубокие и блестящие произведения Грина («Алые паруса», «Блистающий мир», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда», рассказы «Возвращение», «Крысолов», «Фанданго») возникнут после того, как писатель целиком посвятит себя творческому труду. Его герои — особые, романтически настроенные люди, исключительные натуры, которым было дано счастье делать чудеса. Часто

они оказывались в чуждом им прозаическом мире, и тогда многие герои произведений Грина лишались светлого, оптимистического восприятия мира, в котором было так много трагического и непонятного. Но даже трагические мотивы в его произведениях не мешали Грину и в пятьдесят лет смотреть на мир глазами ребёнка, обладающего неиссякаемым любопытством, силой непосредственного восприятия и трепетной, отзывчивой ко всему хорошему и благородному, чуткой душой.

### Проверьте себя

1. Какие произведения А. С. Грина вы читали? Что вам было известно об этом писателе? Что узнали о нём нового из статьи в учебнике?
2. Грин часто сетовал: «Я чувствовал себя стеснённым, чужим здесь, как везде». Константин Паустовский свидетельствовал, что в произведениях писатель «остался верен своему внутреннему миру». Как вы понимаете эти высказывания?
3. При всех сложностях жизни Грин писал: «...никогда, ни при каких условиях я не оставлю, не покину моей родной земли, которую люблю верно и сильно».
   Что в его произведениях подтверждает эту мысль?
4. Используя материалы статьи в учебнике и сайта (www.foxdesign.ru/aphorism/biography/grin.html), подготовьте устное сообщение о жизненном пути писателя.

## АЛЫЕ ПАРУСА

*Феерия*

### *Глава из феерии*

#### I

#### Предсказание

Лонгрен, матрос «Ориона», крепкого трёхсоттонного брига[1], на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был наконец покинуть службу.

[1] *Бриг* — двухмачтовое парусное судно с прямым парусным снаряжением на обеих мачтах.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой он не увидел, как всегда, — ещё издали, на пороге дома — свою жену Мери, всплёскивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё у детской кроватки — нового предмета в маленьком доме Лонгрена — стояла взволнованная соседка.

— Три месяца я ходила за нею, старик, — сказала она, — посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрен наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый от дождя.

— Когда умерла Мери? — спросил он.

Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умилённым гульканием девочке и уверениями, что Мери в раю. Когда Лонгрен узнал подробности, рай показался ему немного светлее дровяного сарая, и он подумал, что огонь простой лампы, будь теперь они все вместе, втроём, был бы для ушедшей в неведомую страну женщины незаменимой отрадой.

Месяца три назад хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, оставленных Лонгреном, добрая половина ушла на лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорождённой; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни суммы заставила Мери попросить в долг денег у Меннерса. Меннерс держал трактир-лавку и считался состоятельным человеком.

Мери пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила её на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная, Мери сказала, что идёт в город заложить обручальное кольцо. Она прибавила, что Меннерс соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мери ничего не добилась.

— У нас в доме нет даже крошки съестного, — сказала она соседке. — Я схожу в город, и мы с девочкой перебьёмся как-нибудь до возвращения мужа.

«Алые паруса». *Художники В. Высоцкий, В. Власов*

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мери, накрапывает дождь, а ветер, того и гляди, принесёт ливень».

Взад и вперёд от приморской деревни в город составляло не менее трёх часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы. «Довольно мне колоть вам глаза, — сказала она, — и так уж нет почти ни одной семьи, где я не взяла бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и кончено». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду; непогода и вечерняя изморозь сразили её двусторонним воспалением лёгких,

как сказал городской врач, вызванный добросердечной рассказчицей. Через неделю на двуспальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно. «К тому же, — прибавила она, — без такого несмышлёныша скучно».

Лонгрен поехал в город, взял расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса, заменяя сиротке мать, но лишь только Ассоль перестала падать, занося ножку через порог, Лонгрен решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что в силу характера работы отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрен добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал ещё замкнутее и нелюдимее. По праздникам его иногда видели в трактире, но он никогда не присаживался, а торопливо выпивал за стойкой стакан водки и уходил, коротко бросая по сторонам: «да», «нет», «здравствуйте», «прощай», «помаленьку» — на все обращения и кивки соседей. Гостей он не выносил, тихо спроваживая их не силой, но такими намёками и вымышленными обстоятельствами, что посетителю не оставалось ничего иного, как выдумать причину, не позволяющую сидеть дольше. Сам он тоже не посещал никого; таким образом, меж ним и земляками легло холодное отчуждение, и будь работа Лонгрена — игрушки — менее независима от дел деревни, ему пришлось бы ощутительно

испытать на себе последствия таких отношений. Товары и съестные припасы он закупал в городе — Меннерс не мог бы похвастаться даже коробкой спичек, купленной у него Лонгреном. Он делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо проходил не свойственное мужчине сложное искусство ращения девочки.

Ассоль было уже пять лет, и отец начинал всё мягче и мягче улыбаться, посматривая на её нервное, доброе личико, когда, сидя у него на коленях, она трудилась над тайной застёгнутого жилета или забавно напевала матросские песни — дикие рёвостишия[1]. В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой. В это время произошло событие, тень которого, павшая на отца, укрыла и дочь.

Была весна, ранняя и суровая, как зима, но в другом роде. Недели на три припал к холодной земле резкий береговой норд.

Рыбачьи лодки, повытащенные на берег, образовали на белом песке длинный ряд тёмных килей, напоминавших хребты громадных рыб. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. На единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, покинувшего дом; холодный вихрь, нёсшийся с береговых холмов в пустоту горизонта, делал «открытый воздух» суровой пыткой. Все трубы Каперны дымились с утра до вечера, трепля дым по крутым крышам.

Но эти дни норда выманивали Лонгрена из его маленького тёплого дома чаще, чем солнце, забрасывающее в ясную погоду море и Каперну покрывалами воздушного золота. Лонгрен выходил на мостик, настланный по длинным рядам свай, где, на самом конце этого дощатого мола, подолгу курил раздуваемую ветром трубку, смотря, как обнажённое у берегов дно дымилось седой пеной, еле поспевающей за валами, грохочущий бег которых к

[1] *Рёвостишия* — словообразование А. Грина.

чёрному, штормовому горизонту наполнил пространство стадами фантастических гривастых существ, несущихся в разнузданном, свирепом отчаянии к далёкому утешению. Стоны и шумы, завывающая пальба огромных взлётов воды и, казалось, видимая струя ветра, полосующего окрестность, — так силён был его ровный пробег — давали измученной душе Лонгрена ту притуплённость, оглушённость, которая, низводя горе к смутной печали, равна действием глубокому сну.

В один из таких дней двенадцатилетний сын Меннерса Хин, заметив, что отцовская лодка бьётся под мостками о сваи, ломая борта, пошёл и сказал об этом отцу. Шторм начался недавно; Меннерс забыл вывести лодку на песок. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце мола спиной к нему стоявшего, куря, Лонгрена. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошёл по мосткам до середины, спустился в бешено плещущую воду и отвязал шкот; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватаясь руками за сваи. Вёсла он не взял, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону океана. Теперь, даже всей длиной тела, Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, несли лодку в гибельный простор. Сознав положение, Меннерс хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу, но решение его запоздало, так как лодка вертелась уже недалеко от конца мола, где значительная глубина воды и ярость валов обещали верную смерть. Меж Лонгреном и Меннерсом, увлекаемым в штормовую даль, было не больше десяти сажен ещё спасительного расстояния, так как на мостке под рукой у Лонгрена висел свёрток каната с вплетённым в один его конец грузом. Канат этот висел на случай причала в бурную погоду и бросался с мостков.

— Лонгрен! — закричал смертельно перепуганный Меннерс. — Что же ты стал как пень? Видишь, меня уносит. Брось причал!

Лонгрен молчал, спокойно смотря на метавшегося в лодке Меннерса, только его трубка задымила сильнее, и он, помедлив, вынул её изо рта, чтобы лучше видеть происходящее.

— Лонгрен! — взывал Меннерс. — Ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрен не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь; обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями, но Лонгрен только подошёл ближе к самому краю мола, чтобы не сразу потерять из вида метания и скачки лодки.

— Лонгрен, — донеслось к нему глухо, как с крыши сидящему внутри дома, — спаси!

Тогда, набрав воздуха и глубоко вздохнув, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрен крикнул:

— Она так же просила тебя! Думай об этом, пока ещё жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли, и Лонгрен пошёл домой. Ассоль, проснувшись, видела, что отец сидит перед угасающей лампой в глубокой задумчивости. Услышав голос девочки, звавшей его, он подошёл к ней, крепко поцеловал и прикрыл сбившимся одеялом.

— Спи, милая, — сказал он, — до утра ещё далеко.

— Что ты делаешь?

— Чёрную игрушку я сделал, Ассоль, спи!

На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки за время страшной борьбы с свирепостью волн, грозивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Лукреция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса.

Он прожил немного менее сорока восьми часов, призывая на Лонгрена все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, поразил жителей Каперны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление более тяжкое, чем перенесённое Лонгреном, и горевать так сильно, как горевал он до конца жизни о Мери, — им было отвратительно, непонятно, поражало их, что Лонгрен *молчал. Молча*, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрен *стоял*: стоял неподвижно, строго и тихо, как *судья*, выказав глубокое презрение к Меннерсу, — большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он кричал, выражал жестами или суетливостью злорадство, или ещё чем иным своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его, но он поступил иначе, чем поступали они, — поступил *внушительно непонятно* и этим поставил себя выше других — словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал узнающего, здоровающегося взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, завидев его, кричали вдогонку: «Лонгрен утопил Меннерса!» Он не обращал на это внимания. Также, казалось, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки умолкали в его присутствии, отходя в сторону, как от зачумлённого. Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную ненависть, тень которой пала и на Ассоль.

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось это, разумеется, постепенно, путём внушения

и окриков взрослых, приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса.

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями *общественного мнения*; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца:

— Скажи, почему нас не любят?

— Э, Ассоль, — говорил Лонгрен, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут.

— Как это — *уметь*?

— А вот так!

Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было — по вечерам или в праздник, когда отец, отставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть с трубкой в зубах, — забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрен, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и

тому подобное, а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность — в образы своей фантазии. Тут появилась и *тигровая кошка*, вестница кораблекрушения, и говорящая летучая рыба, не послушаться приказаний которой значило сбиться с курса, и Летучий Голландец[1] неистовым своим экипажем, приметы, привидения, русалки, пираты — словом, все басни, коротающие досуг моряка в штиле или излюбленном кабаке. Рассказывал Лонгрен также о потерпевших крушение, об одичавших и разучившихся говорить людях, о таинственных кладах, бунтах каторжников и многом другом, что выслушивалось девочкой внимательнее, чем, может быть, слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. «Ну, говори ещё», — просила Ассоль, когда Лонгрен, задумавшись, умолкал, и засыпала на его груди с головой, полной чудесных снов.

Также служило ей большим, всегда материально существенным удовольствием появление приказчика городской игрушечной лавки, охотно покупавшей работу Лонгрена. Чтобы задобрить отца и выторговать лишнее, приказчик захватывал с собой для девочки пару яблок, сладкий пирожок, горсть орехов. Лонгрен обыкновенно просил настоящую стоимость из нелюбви к торгу, а приказчик сбавлял. «Эх вы, — говорил Лонгрен, — да я неделю сидел над этим ботом. (Бот был пятивершковый.) Посмотри, что за прочность, а осадка, а доброта? Вот этот пятнадцать человек выдержит в любую погоду». Кончалось тем, что тихая возня девочки, мурлыкавшей над своим яблоком, лишала Лонгрена стойкости и охоты спорить; он уступал, и приказчик, набив корзину превосходными, прочными игрушками, уходил, посмеиваясь в усы.

Всю домовую работу Лонгрен исполнял сам: колол дрова, носил воду, топил печь, стряпал, стирал, гладил бельё

[1] *Лету́чий Голла́ндец* — в морских преданиях — корабль-призрак, покинутый экипажем или с экипажем из мертвецов; как правило, предвестник беды.

и, кроме всего этого, успевал работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы[1] воображения, Лонгрен отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё; Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко это несло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала на паруса, употребив что было — лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, — размышляла Ассоль, — она не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде; свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях

[1] *Фантóм* — привидение, призрак.

дна. «Ты откуда приехал, капитан?» — важно спросила Ассоль воображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: «Я приехал... приехал... приехал я из Китая». — «А что ты привёз?» — «Что привёз, о том не скажу». — «Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзину». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался теперь девочке огромной рекой, а яхта — далёким большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан испугался», — подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьёт к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзинку, Ассоль твердила: «Ах, Господи! Ведь случись же...» Она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суетилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись в более широких местах осоковые и тростниковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из вида алое сверкание парусов, но, обежав излучину течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и,

несколько раз выпустив глубокое «ф-фу-у-у», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней сидит человек, держа в руках сбежавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль — известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды, из пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось, было вяло прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались старше лица; его неправильный мягкий овал был овеян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полураскрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, посматривая то на девочку, то на яхту, — это что-то особенное! Слушай-ка, ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я в качестве берегового пирата могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом — между моей левой пяткой и оконечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблёскивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины; что бы я стал делать, называйся ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование?

Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смутилась; её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное приключение с яхтой, непонятная речь старика со сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь, девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт.

— Тебе нечего бояться меня, — серьёзно сказал он. — Напротив, мне хочется говорить с тобой по душам.

Тут только он уяснил себе, что́ в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

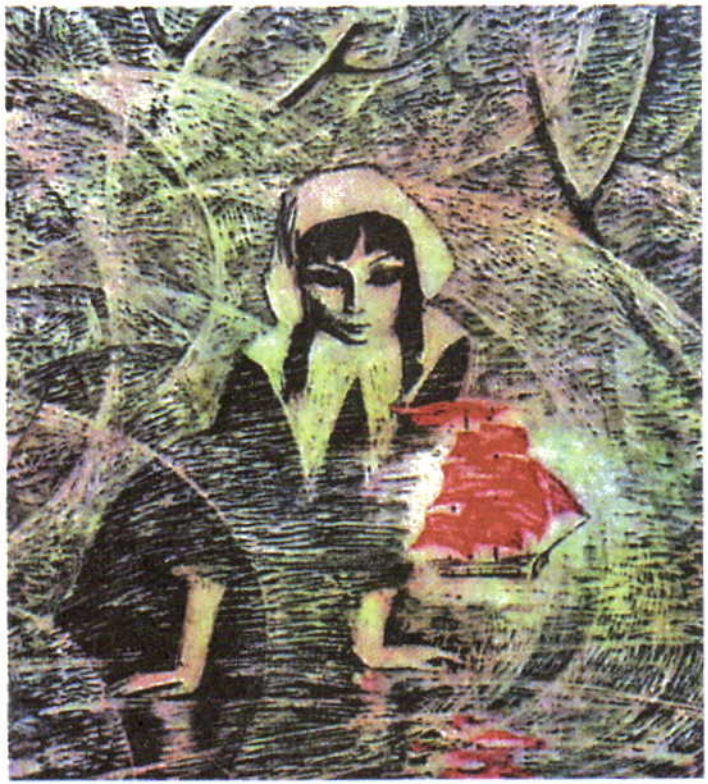
— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — была сильнее,

чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь; словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

Подумав, он продолжал так:

— Не знаю, сколько пройдёт лет, только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, что только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка.



«Алые паруса». *Художник С. Г. Бродский*

Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе.

— Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... что говорить? Это *будет*, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она и не совсем твёрдо прибавила: — Если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя

глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

— Ну, вот... — сказала она, силясь овладеть дыханием, и ухватилась обеими руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник...

Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и — в обратном порядке — погоня за упущенной яхтой.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображение быстро нарисовало ему неизвестного старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно закивал головой, приговаривая:

— Так, так... По всем приметам, некому иначе и быть, как волшебнику. Хотел бы я на него посмотреть... Но ты, когда пойдёшь снова, не сворачивай в сторону: заблудиться в лесу нетрудно.

Бросив лопату, он сел к низкому хворостяному забору и посадил девочку на колени. Страшно усталая, она пыталась ещё прибавить кое-какие подробности, но жара, волнение и слабость клонили её в сон. Глаза её слипались, голова опустилась на твёрдое отцовское плечо, мгновение — и она унеслась бы в страну сновидений, как вдруг, обеспокоенная внезапным сомнением, Ассоль села прямо, с закрытыми глазами и, упираясь кулачками в жилет Лонгрена, громко сказала:

— Ты как думаешь: придёт волшебниковый корабль за мной или нет?

— Придёт, — спокойно ответил матрос, — раз тебе это сказали — значит, всё верно.

«Вырастет, забудет, — подумал он, — а пока... не стоит отнимать у тебя *такую* игрушку. Много ведь придётся в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов: издали — нарядных и белых, вблизи — рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего — шутка! Смотри, как сморило тебя, — полдня в лесу, в чаще. А насчёт алых парусов думай, как я: будут тебе алые паруса».

Ассоль спала. Лонгрен, достав свободной рукой трубку, закурил, и ветер пронёс дым сквозь плетень в куст, росший с внешней стороны огорода. У куста, спиной к забору, прожёвывая пирог, сидел молодой нищий. Разговор отца с дочерью привёл его в весёлое настроение, а запах хорошего табака настроил добычливо.

— Дай, хозяин, покурить бедному человеку, — сказал он сквозь прутья. — Мой табак против твоего не табак, а, можно сказать, отрава.

— Я бы дал, — вполголоса ответил Лонгрен, — но табак у меня в том кармане. Мне, видишь, не хочется будить дочку.

— Вот беда! Проснётся, опять уснёт, а прохожий человек взял да и покурил.

— Ну, — возразил Лонгрен, — ты не без табаку всё-таки, а ребёнок устал. Зайди, если хочешь, попозже.

Нищий презрительно сплюнул, вздел на палку мешок и съязвил:

— Принцесса, ясное дело. Вбил ты ей в голову эти заморские корабли! Эх ты, чудак-чудаковский, а ещё хозяин!

— Слушай-ка, — шепнул Лонгрен, — я, пожалуй, разбужу её, но только затем, чтобы намылить твою здоровенную шею. Пошёл вон!

Через полчаса нищий сидел в трактире за столом с дюжиной рыбаков. Сзади их, то дёргая мужей за рукав, то снимая через плечо стакан с водкой — для себя, разу-

«Алые паруса». *Художники В. Высоцкий, В. Власов*

меется, — сидели рослые женщины с густыми бровями и руками, круглыми, как булыжник. Нищий, вскипая обидой, повествовал:

— ...И не дал мне табаку. «Тебе, говорит, исполнится совершеннолетний год, а тогда, говорит, специальный красный корабль... за тобой. Так как твоя участь — вый-

ти за принца. И тому, говорит, волшебнику верь». Но я говорю: «Буди, буди, мол, табаку-то достать». Так ведь он за мной полдороги бежал.

— Кто? Что? О чём толкует? — слышались любопытные голоса женщин.

Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрен с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке, — вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они ждут — тётки, вам бы не прозевать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздохнув, девочка побежала домой.

## Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали первую главу из «Алых парусов», в которой познакомились с героиней этого произведения — Ассоль. Как вы думаете, каково отношение автора к героине? Обоснуйте свой ответ цитатами из текста произведения.
2. Расскажите о Лонгрене, его судьбе, характере, о своём отношении к нему.
3. Как вы думаете, почему Ассоль и Лонгрен назвали собирателя сказок и легенд Эгля волшебником, а жители Каперны — колдуном?
4. Почему жители Каперны не поют песен? Какие сказки они рассказывают, как это их характеризует?
5. Захотелось ли вам прочитать «Алые паруса» А. С. Грина полностью? Прочитайте произведение и подготовьтесь к беседе по вопросам ко всему произведению.

## Читаем самостоятельно

1. Вы прочитали полностью произведение А. С. Грина «Алые паруса». Подумайте, к какому роду литературы оно относится.
2. Обратите внимание на авторское определение жанра «Алых парусов» — феерия. Посмотрите в словаре литературоведческих терминов определение феерии. Какие признаки феерии вы заметили в этом произведении?
3. Что различало и что объединяло Ассоль и Грэя?
4. Можно ли назвать финал произведения феерическим? Какие мысли и убеждения утверждал писатель яркой сказочной концовкой (финалом)?
5. Подготовьте рассказ об одном из героев (на выбор), подтвердив свои суждения цитатами из «Алых парусов».

## Совершенствуем свою речь

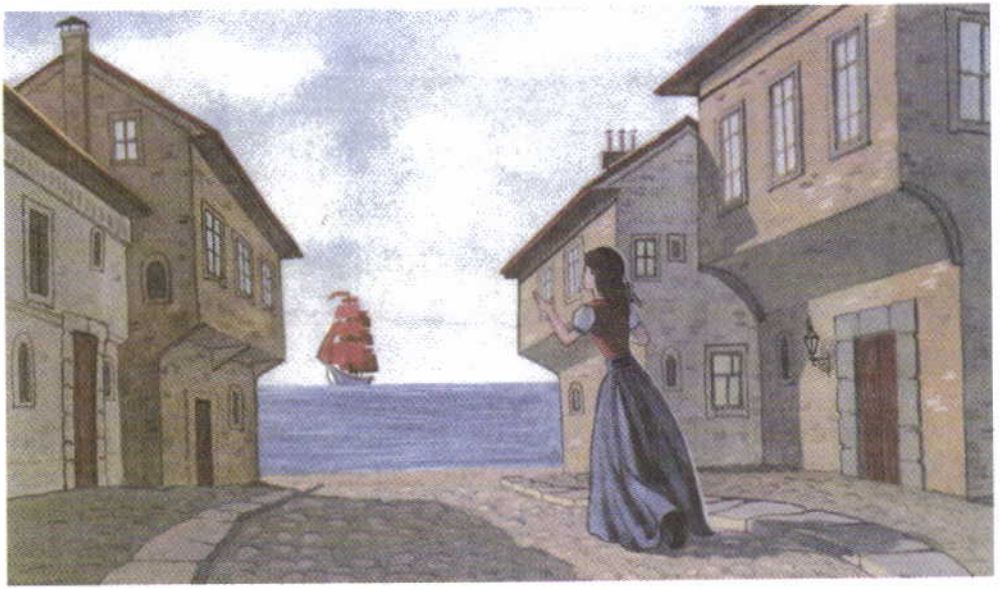
Что обозначают слова и когда вы могли бы их использовать:

быть привязанным к человеку,
печальная история,
глубокая задумчивость,
замкнутый, очарование,
восхищение, тревожный?

## Фонохрестоматия (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

### А. С. Грин. «Алые паруса»

1. В речи актёров, читающих текст за автора и Эгля, звучит интонация сказки. Какой — бытовой или волшебной? Объясните почему.
2. В тексте феерии есть описание внешности собирателя сказок Эгля. После прослушивания фонозаписи попробуйте продолжить это описание. Каким вы увидели Эгля в исполнении актёра?



«Алые паруса». *Художник А. Игошин*

3. Эгль понял, что Ассоль живёт в Каперне, где не поют песен и не рассказывают сказок, но всё же рассказал ей чудесную сказку про алые паруса. Почему?
4. Актёр так выразительно исполнил роль нищего, что кажется, видишь его. Опишите внешность нищего, его манеру говорить, двигаться, сидеть за столом.
5. Почему нищий и жители Каперны говорят не «алые» паруса, а «красные»?
6. Подготовьте выразительное чтение по ролям диалога Эгля и Ассоль.

## Андрей Платонович Платонов

1899—1951

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия — Климентов) родился в Ямской Слободе, предместье города Воронежа. Отец его — паровозный машинист, слесарь Воронежских железнодорожных мастерских. Мать — дочь часового мастера, глубоко верующая женщина. От отца Платонов унаследовал любовь к технике и всякой «потной работе», от матери — понимание души русского православного человека.

Учился Платонов сначала в церковно-приходской школе и городском училище. Он рано начал трудовую жизнь, и только в 1918 году ему удалось продолжить образование, поступив в железнодорожный политехникум. В следующем году он принимает участие красноармейцем и журналистом в Гражданской войне.

Литературой Платонов начал заниматься очень рано, ещё подростком. Поэтому неудивительно, что с осени 1918 года он выступает в дискуссиях и в печати, публикует стихи и рассказы в воронежских журналах и газетах. В 1920 году он был делегатом I Всероссийского съезда пролетарских писателей в Москве. Любопытен и показателен его ответ в анкете съезда. На вопрос анкеты: «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?» — Платонов ответил: «Никаким, имею своё». В это время его произведения печатаются в московских журналах. В Воронеже выходят его книги, и среди них сборник стихотворений «Голубая глубина». Однако вскоре Платонов оставляет литературную работу и посвящает себя практическим делам: он становится председателем

Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой в Воронежской губернии, затем избирается членом ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ. В 1926 году он переезжает в Москву, затем в Тамбов, там Платонов создаёт цикл повестей, объединённых общей мыслью об исторических судьбах России. В него вошли «Епифанские шлюзы» и другие произведения. Творческие силы Платонова растут, но обстановка в Тамбове складывается для него неудачно, и он навсегда переселяется в Москву.

Великая Отечественная война сделала Платонова фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». Он получил возможность печатать рассказы и очерки о героических событиях и людях войны. Однако на других его произведениях стояло запрещающее клеймо. Цензура не пропустила его книги «О живых и мёртвых», «Вся жизнь». Публикации рассказов встречали яростное недоброжелательство критики. Неудачей оканчиваются и попытки поставить в Центральном детском театре пьесу о Пушкине «Ученик Лицея».

В это время Платонову, уже тяжело больному человеку, пришлось переключиться на переложение народных сказок для детей. При поддержке М. А. Шолохова он издал книги «Финист — Ясный Сокол», «Волшебное кольцо», «Башкирские народные сказки».

Как писатель Платонов необычен и ярок. Он был взволнован, потрясён неблагополучием мира, в котором живёт, и сказал об этом на своём языке, не похожем ни на чей другой. Но Платонову при всей его иронии и сарказме, при всём трагизме его восприятия мира не откажешь в доброте, искренности, в гуманности, в особом понимании жизни, её радостей и её страданий. Писатель всегда восхищён обычным человеком. Он убеждён в том, что жизнь не может исчезнуть и уничтожиться. В жизни происходит вечный круговорот — жизнь умирает, но появляется снова, хотя и в другом виде, потому что смерть рождает новую жизнь из праха. Всё в мире неразрывно слито, и в этом состоит его гармония, но не бездумная, а осознанная и не лишённая трагизма.

## История создания сказки-были «Неизвестный цветок»

Андрей Платонов прожил недолгую жизнь. Он умер в 1951 году в атмосфере непризнания, житейских невзгод, мучимый туберкулёзом — наследием фронтовых дорог и сверхнапряжений.

Друзья, посещавшие его в последние годы, заставали его на диване, служившем ему постелью, — не вставая, сидя в ней, он и беседовал с ними. По свидетельству М. Л. Платоновой, жены писателя, именно в 1950 году больной Платонов написал сказку-быль «Неизвестный цветок». О ком эта притча, сотканная из мелодий надежды, тоски, веры в справедливость детей?.. «Цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья... Но он нуждался в жизни и превозмогал терпеньем свою боль от голода и усталости...» Грустное упрямство, печальная воля к жизни живёт в цветке — и в авторе! — застенчиво явление их в мир с «извинением» за свою непохожесть на других.

*По В. Чалмаеву*

### Проверьте себя

1. Какова настоящая фамилия Платонова? В каком городе он родился? Кто были его родители? Какое образование он получил и когда начал заниматься литературой?
2. Как вы понимаете ответ Платонова на вопрос, каким направлениям в литературе он сочувствует, — «Никаким, имею своё»?
3. Какие произведения писателя вы уже изучали в 5 классе или прочитали самостоятельно? Какой герой этих произведений вам показался непохожим на других? Понравился ли он вам?
4. Используя материалы из учебника и биографические словари «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о писателе.

* * *

Прочитайте сказку-быль «Неизвестный цветок». Подумайте над ситуацией, в которой оказывается цветок, и об отношении к нему девочки. Можно ли сказать, что герой сказки — цветок — ни на кого не похож? В чём заключается эта непохожесть?

## НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК

*Сказка-быль*

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мёртвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — и в чёрную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В чёрной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впилось ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок всё жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упадали на глину пылинки, что принёс ветер с чёрной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья. А когда листья тяжеле-

ли от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла чёрные земляные пылинки, что принёс ветер, и разъедала мёртвую глину.

Днём цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться из одних пылинок, что выпали из ветра, и ещё собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и превозмогал терпеньем свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомлённых листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него силы жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Всё же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напитаться полной силой и стать зелёными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Это случалось оттого, что цветку недоставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик вверху. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнём, и его видно было даже в тёмную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а

«Неизвестный цветок». *Художник В. Горяева*

нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шёл с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, её давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который всё грустил по своей матери — розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, это цветок скучает там по своей матери, как я», — подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда ещё не видела такого

цветка — ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

— Отчего ты такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

— А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

— Оттого, что мне трудно, — ответил цветок.

— А как тебя зовут? — спросила Даша.

— Меня никто не зовёт, — сказал маленький цветок, — я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина! — сказала она. — Как же ты один живёшь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но ещё задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

— Слышите, как хорошо пахнет. Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мёртвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнёт, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие

поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и ещё прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовёт её к себе безмолвным голосом своего благоухания.

## Размышляем о прочитанном

1. А. Платонов назвал своё произведение сказкой-былью. Что в нём сказочного и что реального? Приведите примеры. Что делал цветок, чтобы не жить печально? Как объяснил цветок свою непохожесть на других?
2. Почему Дашу заинтересовал маленький цветок? Как и в чём раскрывается характер Даши?

3. Как автор относится к цветку и девочке?
4. В чём смысл концовки сказки-были?
5. Чем не похожи на других главные герои Платонова? Почему им трудно жить?

## Творческое задание

Подготовьте отзыв на одно из прочитанных произведений Платонова.

## Развиваем свою речь

1. В этой чудесной сказке необычный герой — цветок — думает, размышляет, старается выжить среди камней. Рассказывает о нём писатель тоже необычно. Попробуйте объяснить слова, словосочетания и скажите, что в них непривычно звучит: «Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть», «он нуждался в жизни и превозмогал терпеньем свою боль от голода и усталости», «Цветок, однако, не хотел жить печально».
2. Прочитайте диалог Даши и цветка. Как понимает глагол «звать» каждый из них?

## Творческое задание

Попробуйте рассказать от лица Даши или цветка о том, что с ними происходило. Включите в своё повествование словосочетания из произведения Платонова: «ветер один гулял по пустырю», «сухая мёртвая глина», «он трудился день и ночь», «не хотел жить печально», «отчего ты на других непохожий», «они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй».

## А. П. Платонов. «Неизвестный цветок»

1. Чем сказка А. П. Платонова отличается от народных сказок, прочитанных вами сказок Пушкина, Жуковского, Ершова, Погорельского?
2. Чем «Неизвестный цветок» А. П. Платонова напоминает «Attalea princeps» Гаршина?
3. Новый цветок, выросший между камнями, был «намного лучше... и ещё прекраснее». Как вы считаете, что этим фактом хотел сказать писатель?
4. Попробуйте пересказать события сказки сначала от имени цветка, а потом от лица Даши. Постарайтесь при этом использовать речевые обороты из текста сказки.

# Произведения о Великой Отечественной войне

## Константин Михайлович Симонов

1915—1979

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов родился в Петрограде.

Мать поэта, Александра Леонидовна Оболенская, представительница древнего княжеского рода, с самого раннего возраста привила сыну любовь к литературе. Она много читала ему наизусть произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Отца, генерала, погибшего на фронтах Первой мировой войны, Симонов не помнил. С четырёхлетнего возраста его воспитывал отчим, боевой офицер, прошедший Русско-японскую войну, воевавший на германском фронте. В поэме «Отец» поэт с благодарностью воссоздаёт его образ. Характер доверительных, но строгих и требовательных отношений отца и сына в некоторой степени отражён в известном стихотворении «Сын артиллериста». В 1938 году Симонов закончил Литературный институт. В это время он уже активно печатался в московских журналах.

С первых дней Великой Отечественной войны Константин Симонов на фронте. Он военный корреспондент газет «Известия» и «Красная звезда». В годы войны Симонов становится одним из самых известных поэтов в нашей стране. Стихотворение «Жди меня», посвящённое жене поэта, актрисе Валентине Серовой, вскоре, переложенное на музыку, получает новую жизнь в виде популярнейшей песни, которую пели и в тылу, и на фронте. Тема любви становится одной из ведущих в творчестве поэта. В стихотворении «Жди меня» любовь и верность укрепляли мужество солдата, его стойкость и волю к победе. О любви к Родине Симонов пишет и в одном из лучших своих стихотворений военного времени «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». Пишет просто, задушевно, сохраняя тёплую, сердечную интонацию дружеской беседы. Поэт обращается к своему другу, поэту Алексею Суркову, автору известной «Землянки» («Бьётся в тесной печурке огонь...»).

Война обострила чувство связи поэта со всем народом. Он ощутил нежность, сострадание к усталым женщинам, нёсшим отступающим солдатам кринки с молоком, почувствовал глубокое родство с беспомощными стариками, надеявшимися дождаться солдат-освободителей. Шёпот женщин: «Господь вас спаси!», слова «седой старухи в салопчике плисовом»: «Покуда идите, мы вас подождём...» — сливаются в одно заклинание всей Русской земли:

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.

* * *

*А. Суркову*

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!» —

И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём.

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,

На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

## Размышляем о прочитанном

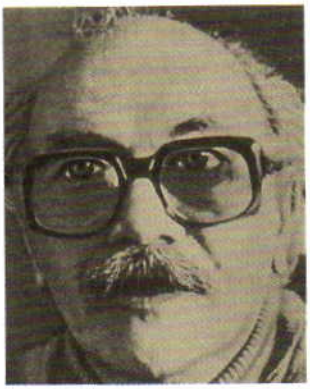
1. Вспомните, какое стихотворение К. Симонова вы читали и обсуждали в 5 классе. О чём оно?
2. Вы уже знаете, что лирическое произведение передаёт чувства, настроение, переживания автора. Какими чувствами поэта согрето стихотворение «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»?
3. Поэт пишет о событиях, участником которых он был, пишет о том, что тревожило и печалило его в происходящем, но нам кажется, что мысленно он обращается к многовековой истории России. Какие слова поэта возвращают нас в далёкое прошлое, к истокам героизма русского народа?
4. Как вы думаете, почему, говоря о беде, обрушившейся на родную землю, поэт вспоминает о женщинах и стариках?
5. Почему чувство любви к Родине было особенно остро осознано во время войны?

## Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передав интонацией чувства сострадания и любви поэта к народу, к солдатам.

## К. Симонов. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»

1. Стихотворение К. Симонова — монолог поэта, обращённый к другу, монолог-воспоминание о родине в пору тяжелейшего испытания, нашествия захватчиков. Как актёру удалось передать интонацию дружеского разговора?
2. Почему, воспроизводя образ родины, поэт — городской житель, повторяет слова «деревни, деревни, деревни с погостами...»?
3. Как вы считаете, почему поэт-воин, думая о бедах войны, в первую очередь вспоминает о стариках, женщинах, слышит «по мёртвому плачущий девичий крик...»?
4. Почему актёр с особой эмоциональной силой выделяет повторяющееся заклинание «Мы вас подождём!»?



## Давид Самуилович Самойлов

1920—1990

Давид Самойлов — поэт фронтового поколения. Как и многие его сверстники, он со студенческой скамьи ушёл на фронт. Самым известным произведением поэта стало стихотворение «Сороковые». Это стихи о войне, о юности, о мечтах и испытаниях. Но написано это стихотворение не во время войны, не на фронте. Почти два десятилетия спустя поэт вспомнил «сороковые, роковые». Прошедшие годы, возмужание, жизненный опыт позволили поэту шире и глубже понять трагедию «свинцовых» и «пороховых» лет, с высоты зрелого возраста вспомнить себя, «худого, весёлого и задорного», вспомнить с тёплой грустью. Немножко иронично, насмешливо улыбнуться тому, как тогда, в сороковые, с девчонкой балагуря, пытался выглядеть опытнее и взрослее. Композиция стихотворения представляет собой смену кадров, как в кино. Сначала нам открывается общий вид, широкая панорама:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Ощущение космической широты пространства подчёркивается словами «Просторно. Холодно. Высоко». И тут же возникает другой кадр — герой «в своей замурзанной ушанке». Так подчёркивается совпадение — великая трагедия и юность героя. И в конце стихотворения вновь панорама, но нет уже в

интонации автора ни торжественной трагедийности, ни иронической усмешки, а остаётся спокойное, чуть грустное понимание пережитого столкновения мечты и беды, юности и войны.

## СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

## Размышляем о прочитанном

1. Какими настроениями пронизано стихотворение Д. Самойлова? Как вместе с настроением меняется авторская интонация?
2. Обратите внимание на обилие эпитетов в первом четверостишии. Можно ли понять эмоциональный настрой автора и тему стихотворения, если прочитать вслух только эпитеты этого четверостишия?
3. Как вы думаете, почему так много слов, обозначающих пространство, во втором четверостишии («просторно», «высоко», «с запада к востоку»)?
4. С каким чувством вспоминает о себе юном поэт двадцать лет спустя?
5. Попросите своих близких рассказать вам о стихотворениях и песнях, посвящённых Великой Отечественной войне.

## Творческое задание

Перечитайте последнее четверостишие. О ком, о себе или о целом поколении, говорит поэт? Прочитайте вслух первое и последнее четверостишия. Отличаются ли они по звучанию, настроению, интонации? Если отличаются, то чем? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

## Фонохрестоматия (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

### Д. С. Самойлов. «Сороковые»

1. Каким настроением пронизано стихотворение Давида Самойлова? Как вместе с настроением меняется интонация актёра, читающего стихотворение?
2. Обратите внимание на обилие эпитетов в первом четверостишии. Можно ли понять эмоциональное содержание строфы, если прочитать вслух только эпи-

теты этого четверостишия? Как это звучит в чтении актёра?

3. С каким чувством вспоминает о себе юном поэт двадцать лет спустя? Как это передаёт актёр?
4. Прослушайте внимательно первое и последнее четверостишия. Различаются ли они по звучанию, настроению, интонации? Если различаются, то чем?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть. Постарайтесь передать смену чувств и настроений автора.

## Учимся читать выразительно

### *Художественное чтение и задачи чтеца*

Художественное чтение — искусство исполнительское.

У чтецов исключительные возможности выбора репертуара. От «Илиады» и «Слова о полку Игореве» до злободневного газетного фельетона — всё может быть воплощено в художественном слове. Но задача заключается не в том, чтобы «выразительно огласить» литературное произведение. На основе литературного материала чтец должен создать новое художественное произведение, отличающееся от первоисточника (точно так же, как спектакль отличается от пьесы).

Передать слушателям живую мысль в прочувствованных образах искусства, чтобы в определённом направлении воздействовать на аудиторию, — основная задача чтеца-художника. Поэтому исполнение должно быть понятным, впечатляющим и убедительным. Оно должно воздействовать на ум, чувство и волю слушателей; соответственно в нём должны участвовать разум, чувство и воля исполнителя. Это возможно лишь тогда, когда чтец убеждён в идейной и художественной полноценности литературного материала.

Путём внимательного изучения чтец должен определить все авторские указания, которые заключаются как в содержании, так и в форме произведения. Трактовка темы, образы героев, графическое расположение текста и многое другое следует

рассматривать как указания автора, требующие определённого выполнения. Там, где чтец, лишённый трудолюбия, творческой чуткости и фантазии, увидит лишь одну возможность «докладывания текста», чтец-художник найдёт много различных способов интерпретации произведения и выберет из них тот, который наиболее близок его индивидуальности. Вследствие этого интерпретация одного и того же произведения будет различной у разных исполнителей.

Чтобы воплотить в звучащем слове любое литературное произведение, исполнителю-чтецу, помимо природной одарённости, необходимы общая культура, положительные знания, профессиональная оснащённость.

Исполняемое произведение, прежде всего, надо любить, сжиться с ним.

Умение проанализировать произведение, умение чётко поставить перед собой действенную задачу, умение подчинить этой задаче все художественные средства — вот фундамент правдивого исполнения.

*Г. В. Артоболевский*

## Проверьте себя

1. О чём говорится в произведениях К. Симонова и Д. Самойлова? В чём мы должны убедить слушателей, чем взволновать, читая вслух эти произведения? Какие мысли и чувства авторов особенно важно сообщить слушателям при произнесении этих стихотворений?
2. Что необходимо помнить, по мнению известного чтеца Г. В. Артоболевского, перед чтением стихотворений вслух? На что надо обратить внимание в процессе подготовки художественного чтения литературного произведения?

## Виктор Петрович Астафьев

1924—2001

Когда-то, очень уже давно, журнал «Смена» опубликовал мои первые зарисовки, затем очерк, затем что-то похожее на рассказ, и не просто опубликовал, но и «приютил» меня, и я, начинающий автор, приехавший из далёкого уральского городка Чусового в столицу, бывал накормлен в буфете, устроен на ночлег, как командированный, снабжён пусть и не очень богатыми, но очень необходимыми средствами на житьё и пропитанье.

Узнавши, что я родом с Енисея, да ещё из тех мест, где начинается возведение самой могучей в мире гидростанции, тогдашний редактор «Смены» Михаил Арсеньевич Величко посчитал, что никто так ёмко и живописно не изобразит и не отразит героического дела на новостройке, как я.

Ничего героического я на стройке не обнаружил, она ещё только развёртывалась, но уж такой был на ней беспорядок, неразбериха и кавардак...

И совсем исчез человек из этих писаний, одни только герои населяли многочисленные творения, а раз герои, значит, и дела у них только героические.

Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: «Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов (такое неблагозвучное прозвище у моего родного села Овсянки), отразит и расскажет о их вечной тихой жизни и о труде, которым земля и всё на земле держится?»

Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своём детстве, о селе родном, о его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры. Первоначально цикл рассказов и назывался: «Страницы детства». И чудесный эпиграф Кайсына Кулиева со сладкой грустью предварял его:

«Мир детства, с ним навечно расставанье,
Назад ни тропок нету, ни следа,
Тот мир далёк, и лишь воспоминанья
Всё чаще возвращают нас туда».

Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце. С появлением рассказов «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах» я понял, что из всего этого может получиться книга. И она получилась. В 1968 году в Перми вышла книга под названием «Последний поклон». Я долго искал это название, а оно уже было в книге — так называлась одна из глав. И однажды мой товарищ ткнул пальцем в это название.

Хорошо иметь талантливых товарищей и друзей, обладающих тонким литературным вкусом, большая от этого польза в работе и в жизни.

Книгу ту оформлял покойный уже пермский художник Алексей Мотовилов. Больше года работал, на каких-то цинковых пластинках гравюры резал, когда книгу печатали, он ночевал в типографии, чтоб всё было напечатано, как надо. И всё Пермское издательство старалось, и книга получилась, как надо, в суперобложке, с цветным шрифтом. Я это к тому, что везде, хоть на стройке, хоть в издательстве, нужны в работе самоотверженность и любовь, увы, куда-то во многих местах и на предприятиях ваших подевавшиеся.

Говорят: «Хорошая весть на месте лежит, худая по земле бежит», да не всегда, к счастью, жизнь идёт по пословице. Книга «Последний поклон» была замечена в столице, благосклонно встречена критикой. Пошла хвалебная почта, которую я, конечно же, читал с большим удовольствием и млел ещё ненадорванным, горячим сердцем.

*Виктор Астафьев*

## Проверьте себя

1. Что вы узнали о В. П. Астафьеве из учебников 5 и 6 классов?
2. Вспомните, о чём был рассказ В. П. Астафьева, который вы прочитали в 5 классе. Какие качества характера главного героя вас поразили? Как бы вы поступили, если бы оказались на его месте?
3. Используя автобиографическую заметку писателя и материалы биографических словарей о русских писателях XX века, подготовьте устное сообщение о В. П. Астафьеве.

* * *

Прочитайте ещё один рассказ — «Конь с розовой гривой». О каких людях продолжает рассказывать писатель, знакомя нас с их бытом, с привычками и особенностями их характеров?

## КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал[1] по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туесок[2]. Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от

[1] *Ува́л* — пологий холм, имеющий значительную протяжённость.

[2] *Туесо́к* — берестяная корзинка с тугой крышкой.

ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах[1] вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготавливал лес на бадога, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не помню — Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то неспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала её бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тётка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда

[1] *Бадога́* — длинные поленья.

Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме заполошная[1] Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взмётывала и укатывалась:

— Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведенье:

— Зато как папа шурунёт нас — бегишь и не запнешша!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почёсывался:

— Я, Петровна, слобóду люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетат!

---

[1] *Заполóшная* — суетливая.

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окружён бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюдова! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всё ж при родителях! — И, жалостно глянув на меня, тут же взрёвывал: — Мать-то ты хоть помнишь? — Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облокачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминал: — Бадога с ней по один год кололи-и-и! — И совсем уж разрыдавшись: — Когда ни придёшь... ночь, полночь... «Пропа... пропащая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударялись в рёв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» — после чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять

ходила по соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего придётся...

Вот с ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные туески, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пищать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туеска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посудины. Вздохнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребятишки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшого парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и видать,

обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленые ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзываться и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её, и ещё жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — сказал я это и сразу покаялся: понял, что попал на уду.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровенелыми глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не

струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятишками к речке и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси. Может, ещё шанег[1] прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог, и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, вглыбь побёг бы, да босой я, а там змеев гибель.

— Жмеев? — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовниху с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

---

[1] *Ша́ньга* — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовниха худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопает. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне — кто-то в пещере всё стонет, всё стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, — не тётка Васеня.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребятишек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирал ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. — Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатях. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я, — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если разбудить её и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко её будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабуш-

ку, расскажу ей обо всём: и про туесок, и про домовниху с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

На полатях запахло сосняком, холодной таинственной пещерой...

Дедушка был на заимке[1], километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Там у нас была посеяна полоска ржи, полоска овса и полоска картошек.

О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и селяне наши пока жили единолично. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно как-то. Может, оттого, что дедушка никогда не шумел и даже работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием. И Алёшки, моего братана, нет. Недавно приезжала тётка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, где она работала.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна? — усмехнулся Санька и цыркнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы страшно завидовали этой Санькиной дырке. Как он в неё плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. Санька раздавал затрещины направо и налево за то, что малые лезли под руку и путали леску.

— Крючка нету, — сердито сказал он. — Проглотил, должно, который-то.

---

[1] *Заи́мка* — земельный участок вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

— Помрёт?

— Ништяк, — успокоил меня Санька. — У тебя много крючков, дал бы. Я б тебя на рыбалку взял.

— Идёт!

Я обрадовался и помчался домой; схватил удочки, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину[1], спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

Старшого левонтьевского сегодня не было. Его взял с собой «на бадоги» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уже не задирался почти и даже усмирял «народ», если тот принимался драться.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

— Ша! — сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли» — всё ели, что Бог пошлёт, ничем не брезговали и оттого были краснокожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытащил двух ершей, одного пескаря и белоглазого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребятишки ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреваться у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки.

---

[1] *Поско́тина* — пастбище, выгон.

На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы, — должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истоншался и кружевце рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный жалеет, и всё. А бабушка только кричит да нет-нет и поддаст — у неё не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своим всю жизнь потакал, теперь этому!..»

«Дедушка ты, дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал и взял меня с собой!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

— Ништяк! — утешил меня Санька. — Не ходи домой, и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна боится — вдруг ты утонешь. Вот она как запричитает:

«Уто-ну-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка...» — ты тут и вылезешь!

— Не буду так делать! И слушаться тебя не буду!..

— Ну, и лешак с тобой! Об тебе ж стараются... Во! Клюнуло! У тебя клюнуло!

Я свалился с яра[1], переполошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилище! — суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбёшек.

Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок, — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе... Вот уж кормовой давнул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или по большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стрижиную норку. Подлетел стриж, тюкнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

---

[1] *Яр* — здесь: крутой край оврага.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — нёсся вслед мне голос бабушки.

А тут ещё мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди-Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди-Ваниного дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е, — ответил я как можно бодрей и беспечней. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала.

А тонкошеий молчун Кешка попил варёного молока, и мать сказала ему:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было света. Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втолкнула в пристроенную к сеням кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половик, притих, слушая.

Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натыканной во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Темень была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на варево. У кого-то левонтьевские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промышлять дрова далеко!..

Ушла тётя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы умереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невмоготу дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Всё равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же

голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё что-то делал. Чувствуя его незримую и надёжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смирненький! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по её усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать всё, что у неё накопилось, душу отвести должна.

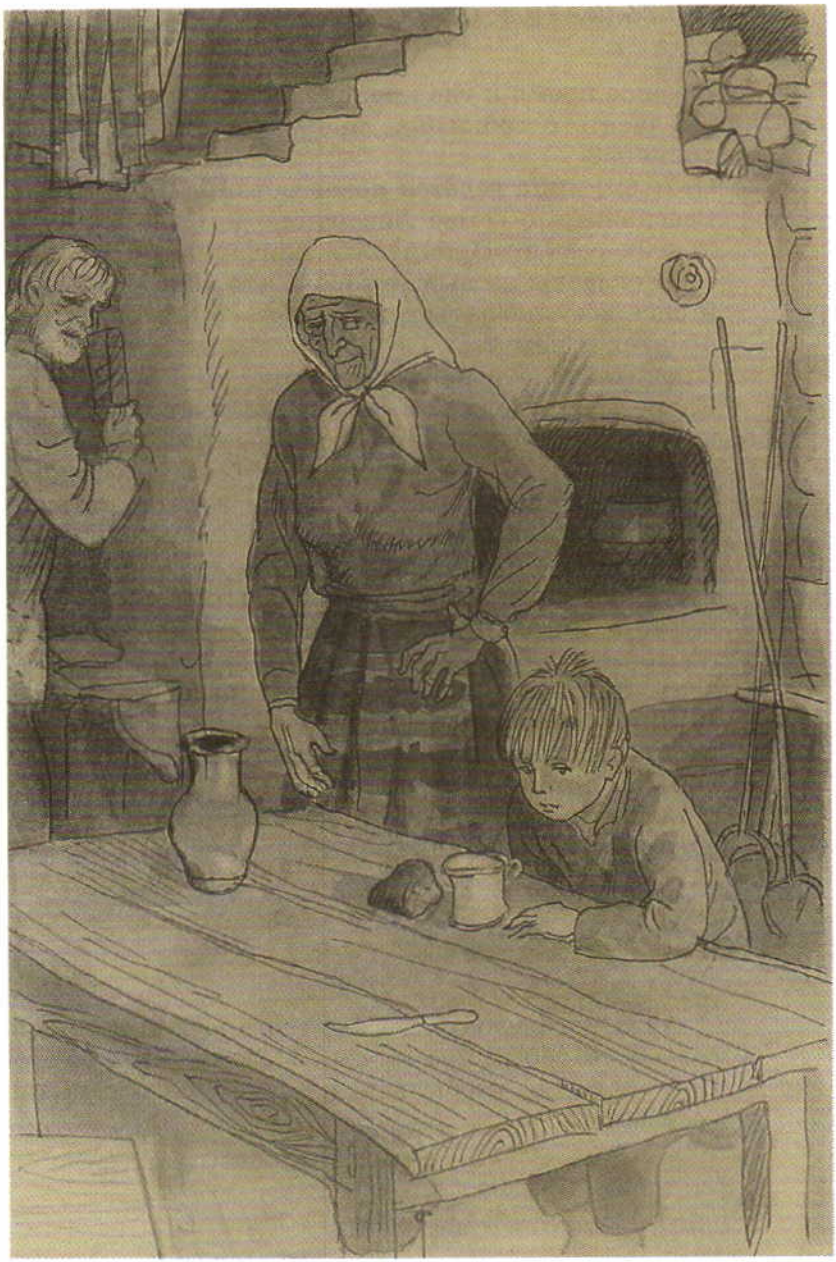
Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз раскаянно заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло!.. А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.



«Конь с розовой гривой». *Художник Т. Мазурин*

## Размышляем о прочитанном

1. В какое время и где происходят события рассказа? Что вы знаете о событиях, происходивших в России в те времена?
2. От чьего лица ведётся повествование?
3. Расскажите о семье Левонтия. Чем она отличалась от других семей? Прочитайте описание внешности Саньки. Согласны ли вы с автором, что «Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят»? Как рассказчик относится к нему?
4. Прочитайте отрывок, рисующий дом дяди Левонтия. Какое впечатление этот дом оставляет у читателя?

   «Стоял он (дом) сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни».

   Какая художественная деталь даёт представление о неустроенности семьи Левонтьевых?
5. Проследите, как менялось настроение героя рассказа после того, как он вернулся домой, и на следующий день. Как это отразилось в речи рассказчика, её интонации, в поведении героя?
6. Из каких эпизодов мы узнаём, как герой был втянут в тяжкий обман?
7. Можете ли вы назвать эпизод, в котором больше всего ощутимо сожаление героя о совершённом поступке?

## Творческое задание

«Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды...» Расскажите об этом дне. Постарайтесь, чтобы ваш рассказ был и серьёзным, и весёлым.

## Будьте внимательны к слову

1. «Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали,

дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал».

Обратите внимание на глаголы в этом отрывке. Как они характеризуют левонтьевских ребятишек? Почему писателю потребовалось так много глаголов? Подберите к ним синонимы.

2. Детей дяди Левонтия писатель называет так: «ребятишки дяди Левонтия», «левонтьевские орлы», «братья Левонтьевы», «левонтьевская орда», «народ». Что можно сказать об отношении писателя к этим детям? Как менялось оно и почему?

**Сделаем выводы**

1. Объясните, почему героя рассказа неудержимо тянуло к Левонтию. Что особенно привлекало его в этой семье?
2. Каким вы представляете героя рассказа? Нарисуйте устно его портрет.
3. Почему бабушка, несмотря на обман внука, купила ему «пряник конём»?
4. Какие жизненные уроки извлёк герой из этой истории? Как с этим связаны заключительные слова рассказа: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло!.. А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой»?

**Эпизо́д** — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

5. Подготовьте художественный пересказ (близкий к тексту) одного из эпизодов или чтение его по ролям (на выбор).

**Фа́була** — последовательное изображение на основе сюжета событий в художественном произведении.

6. Перескажите фабулу рассказа «Конь с розовой гривой», т. е. изложите последовательно события рассказа, связанные между собой.

## Творческое задание

Подготовьте устный или письменный рассказ о герое, который вам особенно запомнился. Предварительно подберите цитаты и продумайте план рассказа.

## Проект

Составьте небольшой словарь «сибирских» диалектизмов, местных слов, использованных в рассказе. Подумайте, почему писатель использовал их в своём произведении, а не заменил их общеупотребительной лексикой русского литературного языка.

## Валентин Григорьевич Распутин

Родился в 1937 году

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях.
*Л. Н. Толстой*

### Уроки доброты

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибаться не могу: было. Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут в сущности нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты мне помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой, где автор описыва-

ет события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всём, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное[1] направление наперёд, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя.

*Валентин Распутин*

## Проверьте себя

1. Что такое духовная память, духовный опыт человека? Как вы это понимаете?
2. Что заставило В. Распутина написать рассказ «Уроки французского»?

### Из истории создания рассказа «Уроки французского»

«...Рассказ, героиней которого стала Лидия Михайловна, я посвятил другой учительнице — Анастасии Прокопьевне Копыловой...

[1] *Нра́вственное* — относящееся к внутренней, духовной жизни человека, к его морали.

Рассказ „Уроки французского“ был впервые опубликован в 1973 году в нашей иркутской комсомольской газете „Советская молодёжь“ в номере, посвящённом памяти Александра Вампилова. Анастасия Прокопьевна — его мать. Глядя в лицо этой удивительной женщины, не старевшей, доброй и мудрой, не раз вспоминал я и свою учительницу и знал, что детям было хорошо и с той и с другой».

*В. Г. Распутин*

## УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

*Анастасии Прокопьевне Копыловой*

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что сталось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся

всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — Затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормошили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала

мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много, хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я както в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чай-

ной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвыркав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто

Кадр из художественного кинофильма «Уроки французского». *Режиссёр Е. Ташков. 1978 г.*

больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятерке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно

деньги, на них на базаре можно было купить пять поллитровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился на свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба прошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогодья слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы у́же, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остать-

ся последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладке, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бро-

сал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу».

Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыркая омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные

для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной

линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, чтобы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так, что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-то бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё,

но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверно?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки[1] марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

---

[1] *Чи́рки* — самодельная обувь.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради, надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми

ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по

монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаиссир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем

я, однако они гуляли на свободе, делали, что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дождаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня

слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — насколько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не покрошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей

хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахару и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед? Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой обмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарик, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодви-

нула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости,

«Уроки французского». *Художник И. Пчелко*

а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы

я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадоривала меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою.

Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что

делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженых кружка́х. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба. Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» несчитово.

— Почему это несчитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно, поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником? Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Совращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

## Размышляем о прочитанном

1. Осуждает или оправдывает автор своего героя?
2. Чем интересен для вас этот рассказ?
3. Когда и как началась у героя самостоятельная жизнь? Какие испытания ожидали его? Что означает признание мальчика: «Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы»?
4. Почему герой рассказа стал играть в «чику»? Как относятся к этой игре Вадик и рассказчик?
5. Прочитайте приведённые ниже пейзажные зарисовки:

   а) «Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогодья слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы у́же, и солнце заходило рано...»;

   б) «Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал».

   Вспомните, какие события в жизни героя произошли в это время. Чем и почему отличаются эти картины природы друг от друга? Как они связаны с настроением и состоянием рассказчика?
6. Прочитайте разговор Лидии Михайловны и героя рассказа после уроков. Обратите внимание на их портреты. Почему эти описания автор поставил рядом? Как называется этот приём?
7. «И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех». Как вы думаете, почему именно рассказчика выбрала Лидия Михайловна для отдельных занятий? Случайно ли это? Постарайтесь вспомнить, как сама учительница объясняет это своему ученику.
8. Почему Лидия Михайловна решилась на игру в «замеряшки» со своим учеником? Как вы расцениваете этот поступок? Что выдавало её во время игры? Почему так

пристально следил за игрой рассказчик? Чего он боялся? Как это его характеризовало?

## Будьте внимательны к слову

1. Обратите внимание на портреты героев рассказа:

а) «Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой»;

б) «Перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки».

Какую роль играют эпитеты в создании каждого конкретного портрета?

2. Объясните значение приведённых ниже слов и выражений: «притайка», «не зариться», «ненароком», «так просто не попущусь», «плашмя», «французский скоро к зубам приберу», «несчитово». Подберите к ним синонимы.

## Учимся читать выразительно

Подготовьте одну из сцен в рассказе для выразительного чтения (или исполнения в лицах). Подумайте, какие интонации требуются для чтения реплик каждого из героев.

**Сделаем выводы**

1. Когда герой рассказа понял истинный смысл игры, которую придумала учительница?
2. Расскажите о герое по следующему примерному плану:

а) Почему мальчик оказался в райцентре?

б) Как он чувствовал себя на новом месте?

в) Почему он не убежал в деревню?

г) Какие отношения сложились у него с товарищами?

д) Почему он ввязался в игру на деньги?

е) Как характеризуют его отношения с учительницей?

3. Попробуйте самостоятельно составить цитатный план к рассказу о герое. Напишите сочинение «Портрет героя».
4. Почему рассказ называется «Уроки французского»? В чём смысл этого произведения?

## Литература и другие виды искусства

1. Обратите внимание на иллюстрации к рассказу «Уроки французского». Какие эпизоды выбрал художник? Озаглавьте их.
2. Рассказ «Уроки французского» иллюстрировали разные художники. Если вы найдёте различные издания книги В. Распутина, то сможете рассмотреть, каким каждый из художников изобразил главного героя. Кто, по-вашему, точнее и глубже раскрывает его характер?
3. По рассказу В. Распутина «Уроки французского» поставлен телевизионный фильм. Какие сцены вам показались особенно удачными? Какое впечатление произвёл главный герой? Таким ли вы его себе представляете?

## Фонохрестоматия (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

### В. Г. Распутин. «Уроки французского»

1. Помогло ли вам чтение актёра более зримо представить героев рассказа?
2. Какие черты характера Лидии Михайловны и директора стали для вас понятнее после прослушивания фонозаписи? Почему?
3. Подготовьте пересказ событий, описанных в рассказе, от лица Лидии Михайловны, передав её переживания, сомнения, объяснения поступков, которыми она пыталась помочь ученику.

## Василий Макарович Шукшин
1929—1974

Василий Макарович Шукшин прожил недолгую жизнь. Значительная её часть ушла на скитания и «университеты жизни». Творческая жизнь Шукшина как прозаика, драматурга, актёра и режиссёра составила всего 20 лет.

Будущий знаменитый писатель родился в селе Сростки Бийского района Алтайского края в крестьянской семье. Его отец был арестован, когда мальчику было 4 года, и реабилитирован[1] посмертно в 1956 году. Воспитывали Шукшина мать, женщина почти неграмотная, но от природы добрая и смышлёная, с сильной натурой, чуткая к слову, к музыке, к песне, и отчим, погибший на фронте. От матери передались Шукшину разнообразные дарования.

Детство у Шукшина было трудное: в колхозе и дома он исполнял всю крестьянскую работу. С детства пристрастился к чтению. Есть сведения, что он некоторое время учился

[1] *Реабилити́рован* — в данном случае — признан несправедливо осуждённым.

в Бийском автомобильном техникуме, затем, по его словам, «работал в Калуге на строительстве турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмосковья». Он перепробовал множество профессий: был и разнорабочим, и слесарем-такелажником, и учеником маляра, и грузчиком. В конце 1940-х годов Шукшин был призван в армию и служил на флоте. После досрочной демобилизации из-за болезни он возвратился в родные Сростки и был директором вечерней школы, одновременно преподавая русский язык и литературу. В это время он решил получить высшее образование. Но для этого надо было завершить среднее. Шукшин экстерном сдал экзамены и, имея на руках аттестат зрелости, в 1954 году поступил на режиссёрский факультет ВГИКа (Всесоюзного государственного института кинематографии). Он попал в мастерскую замечательного режиссёра М. Ромма, который оказал на Шукшина большое влияние и как художник, и как человек. Вкусу, уму и интуиции М. Ромма Шукшин доверил свои первые рассказы и рецензии, которые начал сочинять в институте. Впоследствии Шукшин писал, что на первых порах ему было очень трудно учиться в институте. Его однокурсники знали больше, чем он, и знали то, что не знать было нельзя. Шукшин учился, по его признанию, отрывисто, с пропусками. К началу 1960-х годов, когда Шукшин закончил институт, он решил в полный голос заявить о себе прозаическими сочинениями. И хотя писатель в ту пору уже напечатал один рассказ и снимался в кинофильмах «Два Фёдора», «Алёнка», своим писательским дебютом он считал появление рассказов «Правда», «Светлая душа», «Стёпкина любовь», «Экзамен» и сборника «Сельские жители».

Первая книга Шукшина была неровной, но критика встретила её доброжелательно. Особенностью шукшинской прозы критика считала «философскую» раздумчивость персонажей, которые размышляют о самых простых и вместе с тем самых сложных вопросах жизни. Мужики у Шукшина думают о том, что такое жизнь, для чего она дана и как надо жить.

## «Странные люди» — герои Шукшина

Героями Шукшина оказываются так называемые «чудики», «странные люди». Их особенность состояла в том, что они выпадали из обычной жизни. Всем своим видом и душой они противостояли казёнщине, пошлости и этим выражали свой протест против ограничения свобод, прав, против застоя и оглупления. Их поведение было вызывающим, ярким, необычным и дерзким. Но, по сравнению с «чудаками» Лескова, «чудики» Шукшина часто непосредственно-комичны, их «стихийный выверт» бывает нелеп и смешон. Например, один из героев захотел разрисовать цветочками коляску, другой додумался дать жене смешную телеграмму, третий непонятно зачем купил на всю зарплату микроскоп. Будучи странными людьми, персонажи Шукшина становятся в чём-то похожими на сумасшедших, сосредоточенных на одной мысли, но без видимых и опасных отклонений в психике. Моня Квасов стремится во что бы то ни стало создать вечный двигатель, Роман Звягин несказанно удивлён тем, что отрицательного гоголевского героя Чичикова уносит птица-тройка. Нельзя сказать, что герои Шукшина — исключительно положительные персонажи. Странности их проявлялись по-разному — то в нравственно-положительном, то в отрицательном качестве. Они могли быть и созидателями, могли быть и разрушителями. В них было много и от «слепого своеволия», и от «лукавого деревенского придуривания». Но главное у них — чувство собственного достоинства. Поэтому герои Шукшина часто живут в своём мире, полном противоречий, который рождался из-за несоответствия реальности и мечты. Не удовлетворяясь действительной жизнью, они жили в придуманной, в той, которую рисовало их воображение. Именно эта выдуманная жизнь была для них настоящей.

## В. М. Шукшин и его фильмы

В 1964—1974 годах Шукшин создал 4 кинофильма («Печки-лавочки», «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Калина красная»). Незадолго до смерти писатель сочинил сценарий

«Калина красная», потом выпустил известный фильм с тем же названием. Он принёс Шукшину заслуженный успех и всенародное признание и как сценаристу, и как постановщику, и как актёру. Особенная удача выпала на долю главного героя — Егора Прокудина. Шукшину удалось создать масштабный, противоречивый, многогранный и подлинно народный образ оступившегося человека, понявшего, что нужно сделать попытку исправить свою судьбу, начать её заново, с чистого листа. Однако повернуть жизнь иначе герою не удаётся. Финал фильма намекает на то, что Егору оказалось под силу внутренне измениться, что его воровское прошлое не прощает измены человеческому предназначению, крестьянской нравственности, исконным моральным ценностям. Оно возвращается к внутренне простившемуся с воровством герою извне — со стороны того преступного мира, с которым он когда-то связал свою судьбу.

### Проверьте себя

1. Что вы знали раньше о рассказах В. М. Шукшина? Читали ли их? Видели ли вы фильм «Калина красная»? Расскажите о нём.
2. Прочитайте рассказ писателя «Критики». Подумайте, почему в нём смешное, юмористическое соединяется с грустным, печальным.

## КРИТИКИ

Деду было семьдесят три, Петьке, внуку, — тринадцать. Дед был сухой и нервный и страдал глухотой. Петька, не по возрасту самостоятельный и длинный, был стыдлив и упрям. Они дружили.

Больше всего на свете они любили кино. Половина дедовой пенсии уходила на билеты. Обычно, подсчитав к концу месяца деньги, дед горько и весело объявлял Петьке:

— Ухайдакали мы с тобой пять рубликов.

Петька для приличия делал удивлённое лицо.

— Ничего, прокормют, — говорил дед (имелись в виду отец и мать Петьки. Дед Петьке доводился по отцу) — А нам с тобой это для пользы.

Садились всегда в первый ряд: дешевле, и потом там дед лучше слышал. Но всё равно половину слов он не разбирал, а догадывался по губам актёров. Иногда случалось, что дед вдруг ни с того ни с сего начинал хохотать. А в зале никто не смеялся. Петька толкал его в бок и сердито шипел:

— Ты чего? Как дурак...

— А как он тут сказал? — спрашивал дед.

Петька шёпотом пересказывал деду в самое ухо:

— Не снижая темпов.

— Хе-хе-хе, — негромко смеялся дед уже над собой. — А мне не так показалось.

Иногда дед плакал, когда кого-нибудь убивали невинного.

— Эх вы... люди! — горько шептал он и сморкался в платок. Вообще он любил высказаться по поводу того, что видел на экране. Когда там горячо целовались, например, он усмехался и шептал:

— От черти!.. Ты гляди, гляди... Хэх!

Если дрались, дед, вцепившись руками в стул, напряжённо и внимательно следил за дракой (в молодости, говорят, он охотник был подраться. И умел).

— Нет, вон тот не... это... слабый. А этот ничего, вёрткий.

Впрочем, фальшь чуял.

— Ну-у, — обиженно говорил он, — это они понарошке.

— Так кровь же идёт, — возражал Петька.

— Та-а... кровь. Ну и что? Нос, он же слабый: дай потихоньку, и то кровь пойдёт. Это не в том дело.

— Ничего себе не в том!

— Конечно, не в том.

На них шикали сзади, и они умолкали.

Спор основной начинался, когда выходили из клуба. Особенно в отношении деревенских фильмов дед был категоричен до жестокости.

— Хреновина, — заявлял он. — Так не бывает.

— Почему не бывает?

— А что, тебе разве этот парень глянется?

— Какой парень?

— С гармошкой-то. Который в окно-то лазил.

— Он не лазил в окно, — поправлял Петька; он точно помнил всё, что происходило в фильме, а дед путал, и это раздражало Петьку. — Он только к окну лез, чтобы спеть песню.

— Ну, лез. Я вон один раз, помню, полез было...

— А что, он тебе не глянется?

— Кто?

— Кто-кто!.. Ну парень-то, который лез-то. Сам же заговорил про него.

— Ни вот на столько. — Дед показывал кончик мизинца. — Ваня-дурачок какой-то. Поёт и поёт ходит... У нас Ваня-дурачок такой был — всё пел ходил.

— Так он же любит! — начинал нервничать Петька.

— Ну и что, что любит?

— Ну и поёт.

— А?

— Ну и поёт, говорю!

— Да его бы давно на смех подняли, такого! Ему бы проходу не было. Он любит... Когда любют, то стыдятся. А этот трезвонит ходит по всёй деревне... Какая же дура пойдёт за него! Он же несурьёзный парень. Мы вон, помню: поглянется девка, так ты её за две улицы обходишь — потому что совестно. Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же...

— Чего — зачем?

— Зачем же людей-то смешить? Мы вон, помню...

— Опять «мы, мы». Сейчас же люди-то другие стали!

— Чего это они другие-то стали? Всегда люди одинаковые. Ты у нас много видел таких дурачков?

— Это же кино всё-таки. Нельзя же сравнивать.

— Я и не сравниваю. Я говорю, что парень непохожий, вот и всё, — стоял на своём дед.

— Так всем же глянется! Смеялись же! Я даже и то смеялся.

— Ты маленький ишо, поэтому тебе всё смешно. Я вот небось не засмеюсь где попало.

Со взрослыми дед редко спорил об искусстве — не умел. Начинал сразу нервничать, обзывался.

Один раз только крепко схлестнулся он со взрослыми, и этот-то единственный раз и навлёк на его голову беду.

Дело было так.

Посмотрели они с Петькой картину — комедию, вышли из клуба и дружно разложили её по косточкам.

— И ведь что обидно: сами ржут, черти (актёры), а тут сидишь — хоть бы хны, даже усмешки нету! — горько возмущался дед. — У тебя была усмешка?

— Нет, — признался Петька. — Один раз только, когда они с машиной перевернулись.

— Ну вот! А ведь мы же деньги заплатили — два рубля по-старому! А они сами посмеялись, и всё.

— Главное, пишут: «Комедия».

— Комедия!.. По зубам за такую комедию надавать.

Пришли домой злые.

А дома в это время смотрели по телевизору какую-то деревенскую картину. К ним в гости приехала Петькина тётя, сестра матери Петьки. С мужем. Из города. И вот все сидят и смотрят телевизор. (Дед и Петька «не переваривали» телевизор. «Это я, когда ещё холостым был, а брат Микита женился, так вот я любил к ним в горницу через щёлочку подглядывать. Так и телевизор ихний: всё вроде как подглядываешь», — сказал дед, посмотрев пару раз телевизионные передачи.)

Вот, значит, сидят все, смотрят.

«Критики». *Художник А. Воробьёв*

Петька сразу ушёл в прихожую учить уроки, а дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил:

— Хреновина. Так не бывает.

Отец Петьки обиделся.

— Помолчи, тять, не мешай.

— Нет, это любопытно, — сказал городской вежливый мужчина. — Почему так не бывает, дедушка? Как не бывает?

— А?

— Он недослышит у нас, — пояснил Петькин отец.

— Я спросил: почему так не бывает?! А как бывает?! — громко повторил городской мужчина, заранее почему-то улыбаясь.

Дед презрительно посмотрел на него.

— Вот так и не бывает. Ты вот смотришь и думаешь, что он правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет.

— Они у нас критики с Петькой, — сказал Петькин отец, желая немного смягчить резкий дедов тон.

— Любопытно, — опять заговорил городской. — А почему вы решили, что он топор неправильно держит?

— Да потому, что я сам всю жизнь плотничал. «Почему решили?»

— Дедушка, — встряла в разговор Петькина тётя, — а разве в этом дело?

— В чём?

— А мне вот гораздо интереснее сам человек. Понимаете? Я знаю, что это не настоящий плотник, — это актёр, но мне инте... мне гораздо интереснее...

— Вот такие и пишут на студии, — опять с улыбкой сказал муж Петькиной тёти. Они были очень умные и всё знали — Петькина тётя и её муж. Они улыбались, когда разговаривали с дедом. Деда это обозлило.

— Тебе не важно, а мне важно, — отрезал он. — Тебя им надуть — пара пустяков, а меня не надуют.

— Ха-ха-ха, — засмеялся городской человек. — Получила?

Петькина тётя тоже усмехнулась.

Петькиному отцу и Петькиной матери было очень неудобно за деда.

— Тебе ведь трудно угодить, тять, — сказал Петькин отец. — Иди лучше к Петьке, помоги ему. — Склонился к городскому человеку и негромко пояснил: — Помогает моему сыну уроки учить, а сам — ни в зуб ногой. Спорят друг с другом. Умора!

— Любопытный старик, — согласился городской человек.

Все опять стали смотреть картину, про деда забыли. Он стоял сзади как оплёванный. Постоял ещё немного и пошёл к Петьке.

— Смеются, — сказал он Петьке.

— Кто?

— Вон... — Дед кивнул в сторону горницы. — Ничего, говорят, ты не понимаешь, старый хрен. А они понимают!

— Не обращай внимания, — посоветовал Петька.

Дед присел к столу, помолчал. Потом опять заговорил.

— Ты, говорят, дурак, из ума выжил...

— Что, так и сказали?

— А?

— Так и сказали на тебя — дурак?

— Усмехаются сидят. Они шибко много понимают! — Дед постепенно «заводился», как выражался Петька.

— Не обращай внимания, — опять посоветовал Петька.

— Приехали... Грамотеи! — Дед встал, покопался у себя в сундуке, взял деньги и ушёл. Пришёл через час пьяный.

— О-о! — удивился Петька (дед редко пил). — Ты чего это?

— Смотрют? — спросил дед.

— Смотрют. Не ходи к ним. Давай я тебя раздену. Зачем напился-то?

Дед грузно опустился на лавку.

— Они понимают, а мы с тобой не понимаем! — громко заговорил он. — Ты, говорят, дурак, дедушка! Ты ничего в жизни не понимаешь. А они понимают! Денег много?! — Дед уже кричал. — Если и много, то не подымай нос! А я честно всю жизнь горбатился!.. И я же теперь сиди, помалкивай. А ты сроду топора в руках не держал! — Дед разговаривал с дверью, за которой смотрели телевизор.

Петька растерялся.

— Не надо, деда, не надо, — успокаивал он деда. — Давай я тебя разую. Ну их!..

— Нет, постой, я ему скажу... — Дед хотел встать, но Петька удержал его.

— Не надо, деда!

— Финтифлюшки городские. — Дед как будто успокоился, притих.

Петька снял с него один сапог.

Но тут дед опять чего-то вскинул голову.

— Ты мне усмешечки строишь? — Опять глаза его безрассудно заблестели. — А я тебе одно слово могу сказать!.. — Взял сапог и пошёл в горницу. Петька не сумел удержать его.

Вошёл дед в горницу, размахнулся и запустил сапогом в телевизор.

— Вот вам!.. И плотникам вашим!

Экран — вдребезги.

Все повскакали с мест. Петькина тётя даже взвизгнула.

— Усмешечки строить! — закричал дед. — А ты когда-нибудь топор держал в руках?!

Отец Петькин хотел взять деда в охапку, но тот оказал сопротивление. С грохотом полетели стулья. Петькина тётя опять взвизгнула и вылетела на улицу.

Петькин отец всё-таки одолел деда, заломил ему руки назад и стал связывать полотенцем.

— Удосужил ты меня, удосужил, родитель, — зло говорил он, накрепко стягивая руки деда. — Спасибо тебе.

Петька перепугался насмерть, смотрел на всё это широко открытыми глазами. Городской человек стоял в сторонке и изредка покачивал головой. Мать Петьки подбирала с пола стёкла.

— Удосужил ты меня... — всё приговаривал отец Петьки и нехорошо скалился.

Дед лежал на полу вниз лицом, тёрся бородой о крашеную половицу и кричал:

— Ты мне усмешечки, а я тебе — одно слово!.. Слово скажу тебе, и ты замолкнешь. Если я дурак, как ты говоришь...

— Да разве я так говорил? — спросил городской мужчина.

— Не говорите вы с ним, — сказала мать Петьки. — Он сейчас совсем оглох. Бессовестный.

— Вы меня с собой за стол сажать не хочете — ладно! Но ты мне... Это — ладно, пускай! — кричал дед. — Но ты мне тогда скажи: ты хоть один сруб срубил за свою жизнь? А-а!.. А ты мне же говоришь, что я в плотниках не понимаю! А я половину этой деревни своими руками построил!..

— Удосужил, родимчик тебя возьми, удосужил, — приговаривал отец Петьки.

И тут вошли Петькина тётя и милиционер, здешний мужик, Ермолай Кибяков.

— Ого-го! — воскликнул Ермолай, широко улыбаясь. — Ты чего это, дядя Тимофей? А?

— Удосужил меня на радостях-то, — сказал отец Петьки, поднимаясь.

Милиционер хмыкнул, почесал ладонью подбородок и посмотрел на отца Петьки. Тот согласно кивнул головой и сказал:

— Надо. Пусть там переночует.

Ермолай снял фуражку, аккуратно повесил её на гвоздик, достал из планшета лист бумаги, карандаш и присел к столу.

Дед притих.

Отец Петьки стал рассказывать, как всё было. Ермолай пригладил заскорузлой тёмной ладонью жидкие волосы на большой голове, кашлянул и стал писать, навалившись грудью на стол и наклонив голову влево.

«Гражданин Новоскольцев Тимофей Макарыч, одна тысяча...»

— Он с какого года рождения?

— С девяностого.

«Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в бывшем, сейчас сидит на пенсии. Особых примет нету. ...Вышеуказанный Тимофей двадцать пятого сентября сего года заявился домой в состоянии крепкого алкоголя. В это время семья смотрела телевизор. И гости ещё были».

— Как кинофильм назывался?

— Не знаю. Мы включили, когда там уже шло, — пояснил отец. — Про колхоз.

«...Заглавие фильма не помнят. Знают одно: про колхоз.

Тимофей тоже стал смотреть телевизор. Потом он сказал: «Таких плотников не бывает». Все попросили Тимофея оправиться. Но он продолжал возбуждённое состояние. Опять сказал, что таких плотников не бывает, враньё, дескать. «Руки, говорит, у плотников совсем не такие». И стал совать свои руки. Его ещё раз попросили оправиться. Тогда Тимофей снял с ноги правый сапог (размер 43—45, яловый) и произвёл удар по телевизору. Само собой, вышиб всё на свете, то есть там, где обычно бывает видно.

Старший сержант милиции КИБЯКОВ».

Ермолай встал, сложил протокол вдвое, спрятал в планшет.

— Пошли, дядя Тимофей!

Петька до последнего момента не понимал, что происходит. Но когда Кибяков и отец стали поднимать деда, он понял, что деда сейчас поведут в каталажку. Он громко заплакал и кинулся защищать его.

— Куда вы его?! Деда, куда они тебя!.. Не надо, тять, не давай!..

Отец оттолкнул Петьку, а Кибяков засмеялся.

— Жалко дедушку-то? Сча-ас мы его в тюрьму посадим. Сча-ас...

Петька заплакал ещё громче. Мать увела его в уголок и стала уговаривать.

— Ничего не будет с ним, что ты плачешь-то? Переночует там ночь и придёт. А завтра стыдно будет. Не плачь, сынок.

Деда обули и повели из избы. Петька заплакал навзрыд. Городская тётя подошла к ним и тоже стала уговаривать Петьку.

— Что ты, Петенька? В отрезвитель ведь его повели-то, в отрезвитель! Он же придёт скоро. У нас в Москве знаешь сколько водят в отрезвитель!..

Петька вспомнил, что это она, тётя, привела милиционера, грубо оттолкнул её от себя, залез на печку и там долго ещё горько плакал, уткнувшись лицом в подушку.

## Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказ называется «Критики»?
2. Что объединяло подростка Петьку и его деда?
3. В чём взгляды на кино деда и Петьки совпадали? Случались ли разногласия в их оценке фильма или киногероя? В чём? Почему?
4. Как вы думаете, почему «со взрослыми дед редко спорил об искусстве...»?
5. Почему деда так обозлило то обстоятельство, что городские гости улыбались, когда разговаривали с ним?
6. Перечитайте текст протокола, составленного милиционером Ермолаем Кибяковым. Почему этот текст вызывает улыбку, какими языковыми средствами создаётся комическая ситуация?
7. Почему рассказ заканчивается словами, что Петька «долго ещё плакал, уткнувшись лицом в подушку»?

## Творческое задание

Подготовьте устный пересказ «Критиков» от лица Петьки. Постарайтесь при пересказе передать характер взаимоотношений внука и деда, оценку Петькой

конфликтной ситуации между дедом и городскими гостями, причину его горьких рыданий в финале рассказа.

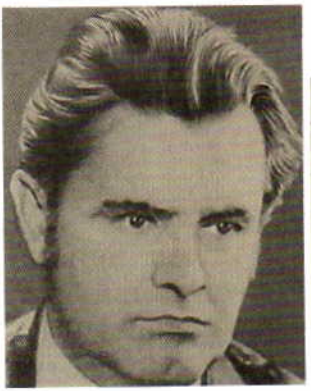
* * *

Прослушайте вместе с родителями рассказ В. М. Шукшина «Срезал» в исполнении актёра Анатолия Вологдина. Попробуйте совместно ответить на вопросы, помещённые в рубрике «Слушаем актёрское чтение».

*Фонохрестоматия* (((· СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ·)))

### В. М. Шукшин. «Срезал»

1. Как вы думаете, почему Шукшин дважды говорит, что Журавлёвы встретили Глеба и пришедших с ним мужиков «радушно»?
2. Чьё поведение во время «научного диспута» более естественное? Почему?
3. Как меняется интонация Глеба Капустина по мере продолжения разговора с кандидатами наук? Что звучит в голосе Глеба в конце разговора?
4. Почему мужики не любили Глеба?
5. Как вы думаете, в чём причина жестокости Глеба к «знаменитым» людям? Почему ему так хотелось их «щёлкнуть по носу»?
6. Подготовьте выразительное чтение «научного спора». Постарайтесь при этом передать движение чувств и настроений участников: от осторожного «прощупывания» ситуации до торжествующего злорадного поучения у Глеба; от добродушного удивления до негодования у кандидата наук.



## Фазиль Абдулович Искандер

Родился в 1929 году

Детство писателя прошло в горном селе под Сухуми, в Абхазии. Среднюю школу он закончил с золотой медалью. Поступил в Московский библиотечный институт, затем перевёлся в Литературный институт. Закончив институт, работал журналистом в газетах Брянска и Курска. В начале своей писательской жизни Искандер писал стихи. Первые его книги — сборники стихотворений «Горные тропы», «Доброта земли», «Зелёный дождь», «Дети Черноморья», «Молодость моря».

Проза Фазиля Искандера начиналась с рассказов о детстве, о мире чувств и переживаний подростка. В 1966 году выходит в свет сборник расказов Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла». С одноимённым рассказом из этой книги вы познакомитесь на страницах учебника. К рассказам, посвящённым теме взросления школьника, писатель возвращается вновь после успеха его крупных прозаических произведений, таких, как сатирическая повесть «Созвездие Козлотура», большой роман «Сандро из Чегема». Цикл рассказов «Детство Чика» некоторые литературоведы считают детской версией содержания романа «Сандро из Чегема», поскольку многие персонажи романа становятся действующими лицами рассказов про Чика.

Рассказы Искандера о детях и детстве обращены одновременно и к подросткам, и к взрослым. К подросткам — потому что они испытывают те же чувства, те же сомнения, те же радости и горести, какие тревожат и волнуют героев рассказов Искандера. Взрослые находят в них свежий, давно забытый

взгляд на мир, где нет ни компромиссов[1], ни мучительных сомнений.

## ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчёт того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, вряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверное, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И всё-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать ни слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харлампий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нём не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервирует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были

[1] *Компроми́сс* — соглашение на основе взаимных уступок.

без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Всё же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было просто немыслимо. Это было всё равно что подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой, и летом, ходил в одной шляпе, вечнозелёной, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из гороно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбегали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харлампий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху, самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздает на урок, ну, примерно на полсекунды после звонка, а Харлампий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харлампий Диогенович.

В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнётся, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь понезаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харлампия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришёл, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опозданьице, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдёт в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Всё это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идёт на своё место.

Харлампий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное, например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой за оленями. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харлампий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет. Он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, жёлтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать её. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвётся от своих чёток или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встаёт и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь, — поясняет Харлампий Диогенович. — Чёрный лебедь, — добавляет он через мгновение, намекая на загорелое угрюмое лицо Авдеенко. — Сахаров, можете продолжать, — говорит Харлампий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже, — обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его заметно сдвинулось. В него влилась точ-

но дозированная порция насмешки. — Если, конечно, не сломаете шею... чёрный лебедь! — твёрдо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Авдеенко найдёт в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеётся. Все смеются против одного. Если над тобой смеётся один человек, то можешь ещё как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харлампий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

Как будто один и тот же снаряд может лететь с разной скоростью! В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилось с ответом.

Поэтому на следующий день я пришёл в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного

из них насчёт задачи, оказалось, что и он её не решил. Совесть моя окончательно успокоилась.

Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну, как задача?

— Ничего, — говорит он, — решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

— Как так решил? Ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном, добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие.

Я ещё хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих — хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харлампий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чём дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харлампий Диогенович прошёл на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харлампий Диогенович, наверное, заметил моё волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал «Алик», потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Всё равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-

моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался ещё тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от которой я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут, — шепнул я в его сторону.

Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харлампий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка задёрнул рукава пиджака, медленно протёр нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрей.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — вдруг спросил он.

Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харлампий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока тот стирал, Харлампий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен и он ждал, чтобы староста скорей кончил своё нудное протирание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь, и в дверях появилась докторша с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет, — сказал Харлампий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был

почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините, — сказала докторша ещё раз и, почему-то помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов. И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый «А»? — сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или ещё за чем-нибудь. А потом, пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите, — сказал Харлампий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру ещё в коридоре нашего этажа и пошёл с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А», — сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке, — сказала докторша, всё так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок, — сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека, но учительница истории всё время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один пацан из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что всё получилось так потому, что класс пошёл в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот пацан всё заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедняка. А потом через несколько месяцев, когда всё успокоилось, он пришёл туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унёс кинжал.

— А мы вас не пустим, — сказала докторша шутливо.

— Что вы, — сказал я, начиная волноваться, — мы собираемся во дворе и организованно пойдём в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно, — повторил я серьёзно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдём в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, — сказала доктор и остановилась.

Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А», — заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в её сторону, показывая, что никто и не думает считать её взрослой.

— Какая разница, — сказала докторша и решительно повернулась.

— Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярик, — сказал я, отстраняя личную заинтересованность, — мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярик, веди нас, — сказала докторша.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперёд, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошёл в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и хотя решение задачи в трёх действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли.

«Не бойся, Шурик, — думал я, — ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик, — сказал я тихо Комарову, — такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато ещё реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

— Если это необходимо именно сейчас, — сказал Харлампий Диогенович, мельком взглянув на меня, — я не могу возражать. Авдеенко, на место, — кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошёл на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харлампий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу остриём кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку, — сказал Харлампий Диогенович, — потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко, — сказал Харлампий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеёмся.

Авдеенко подошёл к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол.

Он поднял рубаху и теперь стоял спиной к докторше, всё такой же нескладный и не решивший, что лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров всё больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался всё строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.

— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шёпотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.

— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.

— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, — тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твёрдая, как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему. — Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосёт кровь.

У меня была хроническая малярия, и сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идёт и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя, казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню!

Харлампий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошёл на своё место, как будто не он только что умирал.

— ...Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно всё почувствовал.

— Молодец, малярик, — сказала докторша.

Помощница её быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она всё ещё злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Ещё потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотёрла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и всё-таки вынуждена протирать мне спину, было ещё приятней.

Наконец всё кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный — лекарства. Ученики сидели, поёживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харлампий Диогенович, занимая своё место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул чётки и задумчиво перебирал жёлтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал он и остановился. Щёлк, щёлк, — перебрал он две бусины справа налево. — Один молодой человек хотел исправить греческую мифологию, — добавил он и опять остановился. Щёлк, щёлк!

«Смотри чего захотел!» — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую завалящую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно всё исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он хотел совершить тринадцатый подвиг Геракла, — продолжал Харлампий Диогенович, — и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершил свои подвиги, как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... — Харлампий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щёлк! На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он её резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щёлкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь, — проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце моё с размаху влепилось в спину.

— Прошу вас, — сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик, — сказал он.

Я поплёлся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу, — спросил он спокойно, и — щёлк, щёлк! — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я проваливался как можно медленнее и интересней.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаясь по записанным действиям восстановить причину этих действий, но ничего сообразить не мог. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я ещё надеялся, что вот-вот прозвенит звонок — и казнь придётся отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем, — сказал Харлампий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд... — сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше, — проговорил Харлампий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я упрямо, надеясь по инерции этих правильных слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова.

Я сосредоточился изо всех сил, пытаясь представить ход задачи, и ещё раз рванулся, чтобы оборвать эту не-

видимую привязь. — Артиллерийский снаряд... — повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздались сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харлампий Диогенович с доброжелательным любопытством.

Он спросил это так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да, — быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчёты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, — сказал Харлампий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который хоть и зовётся теперь Аликом, а как был, так и остался Адольфом.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошёл бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как своё настоящее имя, обнаружились во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И ещё я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла бы и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса. Харлампий Диогенович поставил мне отметку в журнал и ещё что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьёзней относиться к домашним заданиям и с нерешёнными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому своё.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться ещё некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом нисколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора.

По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

### Размышляем о прочитанном

1. Каким вы представляете рассказчика?
2. Расскажите о его товарищах. Чем каждый из них интересен?
3. Какое чувство оставил у вас учитель Харлампий Диогенович? Случайно ли автор даёт ему такое отчество? Почему герой с благодарностью говорит о нём?
4. Как вы понимаете слова «Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас отно-

ситься к собственной персоне с достаточным чувством юмора»? Умеете ли вы относиться к себе и к собственным поступкам с чувством юмора?

5. Как вы думаете, в чём состоит главная идея этого произведения? Постарайтесь в одном-двух предложениях сформулировать вашу мысль.
6. Какой, по-вашему, смысл вкладывал автор в название своего рассказа?
7. Найдите юмористические эпизоды и подумайте, как писателю удаётся вызвать смех.

## Творческое задание

1. Напишите сочинение о том, каким вы представляете рассказчика, по предлагаемому плану:
   а) Кто такой рассказчик?
   б) Как он относится к товарищам по классу?
   в) Почему Харлампий Диогенович сравнил его с Гераклом?
   г) Как сам герой оценивает свои поступки?
   д) Каково авторское отношение к нему?
2. Вспомните смешной случай из вашей жизни. Расскажите о нём так, чтобы слушатели смеялись. Наиболее интересные рассказы запишите и поместите в классной стенгазете или рукописном журнале.

# Родная природа в стихотворениях поэтов XX века

В XX веке русские поэты по-прежнему внимательны к природе, поднимают те же темы, что и поэты предыдущего столетия. Только поэтический язык заметно изменился: в нём появилось больше индивидуальных метафор, эпитетов и сравнений.

Александр Александрович Блок

1880—1921

Стихотворение А. А. Блока «Летний вечер» напоминает простую пейзажную зарисовку, в которой лирически передаётся смена дня вечером и приближение ночи. Но в стихотворении встречаются необычные эпитеты — «дремотой розовой», «красный диск луны». Они в большей степени касаются не зрительного восприятия поэта, а его душевных переживаний. Ведь «дремота» не имеет цвета. Эпитет «розовый» означает умиротворённость, спокойствие, мечтательность, возвышенный строй чувств. Сочетание «красный диск луны» — не столько обозначение цвета

луны, сколько ощущение тревоги дня, отражённой в этом цвете. Значит, Блок пишет стихотворение о том, что день с его тревогой, беспокойством, суетой отошёл и уступил место высоким чувствам и мыслям, высокому спокойствию души, когда она может думать о вечном, нетленном. Здесь не остаётся места заботам, печалям, повседневной, обыденной жизни. Всё это ушло, как исчезли все практические цели и интересы, которые одолевали человека днём. Вечером и особенно ночью он вольно отдаётся размышлениям и чувствам, высоким настроениям и переживаниям о великом и бесценном.

Впрочем, Блок знает и другую ночь («О, как безумно за окном...»), не щадящую бездомных, лишённых крова страдальцев, которых треплет бушующий ветер. Это не столько обычный, всем знакомый ветер, сколько ветер метафорический. Он заставляет страдать несчастных и сам же сочувствует им, изнывая в своих нескончаемых стонах.

## ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

* * *

Вы, бедные, нагие несчастливцы.
*Лир*[1]

О, как безумно за окном
Ревёт, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождём,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишённых крова,
И сожаленье гонит прочь
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождём,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

## Фонохрестоматия (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

### А. А. Блок. «Летний вечер»

1. Как вы думаете, почему, читая лирическую пейзажную зарисовку летнего вечера, актёр выделяет эпитет «красный» («над рощей красный диск луны»)?
2. Последняя строфа (четверостишие) стихотворения звучит на фоне музыки. Созвучна ли музыка настроению стихотворения? Помогает ли она воспринимать поэзию Блока? Почему?

### «О, как безумно за окном...»

1. Какие художественные средства позволяют поэту создать выразительную картину бури, мрака, «холода сырого»?
2. Как актёр и автор музыки усиливают эмоциональное воздействие стихотворения на слушателя?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, стараясь передать настроение, вызванное бурной непогодой.

[1] А. Блоку эпиграфом к стихотворению послужила строка, взятая из трагедии У. Шекспира «Король Лир».

## Сергей Александрович Есенин

1895—1925

Роль природы в стихотворениях русских поэтов всегда заключалась в том, чтобы очищать души. Перед лицом природы пропадает всё нечистое, всё скверное, всё мелкое и суетное. Эту врачующую силу природы глубоко прочувствовал С. А. Есенин в целом ряде стихотворений, в том числе в стихотворениях «Мелколесье. Степь и дали...» и «Пороша».

В стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...» Есенин в духе пушкинско-лермонтовской традиции пишет о неказистом, незатейливом, простом и даже «неприглядном» пейзаже, чуждом ярких красок, но вечно родном и любимом. С русской природой его роднит крестьянское происхождение — как всякий русский человек, он любит быструю езду зимой на санях, не стесняется признаться в любви каждой берёзке и всей «чахленькой местности». Его до слёз трогает веселье деревенской молодёжи. Во всём этом проявляется сила духа и нравственное здоровье народа. И сам поэт становится лучше и чище, забывая обо всём суетном и постороннем ему как человеку.

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,

«Зимний пейзаж со стогами». *Художник К. Крыжицкий*

По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мёрзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой[1] в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень...

## ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.
Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.
Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

*Фонохрестоматия* (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

**С. А. Есенин. «Мелколесье. Степь и дали...»**

1. Чем объясняет поэт свою родственную, кровную связь с неяркой русской природой?
2. Есть ли в этом стихотворении есенинские слова, которые вы не читали и не слышали в произведениях других поэтов? Что они означают?
3. Какие черты характера лирического героя есенинского стихотворения раскрыл в своём чтении актёр?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

[1] *Ве́нка* — двухрядная гармонь.

## Анна Андреевна Ахматова

1889—1966

Об обновлении человека по-иному сказала в стихотворении «Перед весной бывают дни такие...» А. А. Ахматова. Наступает весна — и всё на свете меняется: «Шумят деревья весело-сухие, и тёплый ветер нежен и упруг». То, что, казалось бы, каждый день перед глазами — дом, песня, — обновлено дыханием весны, мысли и чувства овеяны весенней свежестью, всё вокруг становится лёгким и неузнаваемым.

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг.
И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поёшь.

### Фонохрестоматия (((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

**А. А. Ахматова.**
**«Перед весной бывают дни такие...»**

1. Какие точные и ёмкие слова находит поэт, чтобы выразить особое, предвесеннее состояние?

2. Прислушайтесь к интонациям актрисы, к тому, как она сдержанно, но в то же время трепетно передаёт чувства поэта. При подготовке выразительного чтения постарайтесь вслед за актрисой передать торжественную сдержанность и тонкую лиричность поэзии Анны Андреевны Ахматовой.

## Николай Михайлович Рубцов

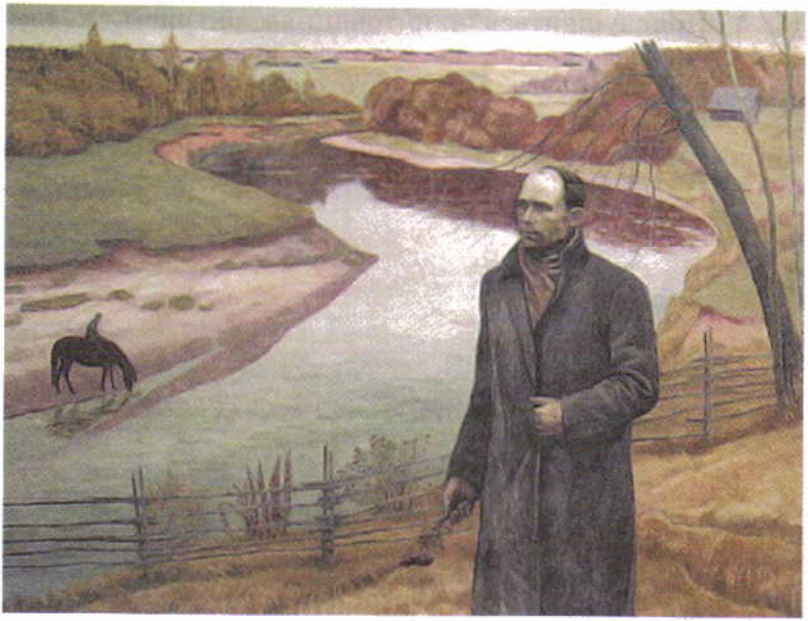
1936—1971

В целительную силу и мощь поэзии верят все русские поэты. Многие из них признаются, что только природа придаёт им бодрость и мирит их с тревожной и тяжёлой жизнью. Н. М. Рубцов в стихотворении «Звезда полей» называет себя счастливым, пока для него и его соплеменников «горит звезда моих полей». Она с высоты небесной приветливо смотрит на людей, города, деревни и льёт духовный свет на всю жизнь, делая её осмысленной и желанной.

### ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит под золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...



Н. М. Рубцов. *Художник Е. Соколов*

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней.
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

## Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

**Н. М. Рубцов. «Звезда полей»**

Помогает ли музыка композитора Георгия Свиридова восприятию стихотворения? Чем созвучны стихи, актёрское чтение и музыка?

## Размышляем о прочитанном

1. О чём рассказывается в стихотворении А. Блока «Летний вечер»? Как можно назвать настроение, которым оно пронизано: тишина, умиротворение, покой, вечерняя дремота? Может быть, у вас будет свой вариант названия этого настроения? Как вы понимаете выражения: «дремотой розовой объята», «и замирает песня жницы»? Какие литературные приёмы помогают создать удивительное настроение летнего вечера?
2. Постарайтесь сами сформулировать вопросы к стихотворению «О, как безумно за окном...», затем прокомментировать, в чём смысл стихотворения. Какое настроение передаёт нам автор?
3. Какой видит Есенин окружающую природу в стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...»? Как поэт себя называет? Как вы понимаете строки: «Неприглядная дорога, да любимая навек...», «...тот почти берёзке каждой ножку рад поцеловать», «в стынь и звень»? Какие слова, словосочетания вы назвали бы истинно есенинскими?
4. Какое настроение передаётся поэтом в стихотворении «Пороша»? Какие художественные средства языка помогают нарисовать русский пейзаж — скромный, неприхотливый? Подтвердите свой ответ примерами из стихотворения.
5. В чём смысл стихотворения Ахматовой «Перед весной бывают дни такие...»? Почему так меняется весной взгляд на все привычные приметы окружающей нас природы?
6. Почему стихотворение Рубцова «Звезда полей» так названо? Что вдохновляет поэта?

## Проект

Подготовьте вечер, посвящённый родной природе в стихотворениях русских поэтов XIX и XX веков. Составьте программу, выберите чтецов, «критиков», «литературоведов», которые расскажут о поэтах, произведения которых будут звучать на школьном вечере.

## Учимся читать выразительно

### *Элементы интонации*

Главнейшими элементами речевой интонации являются фразовые ударения, паузы и мелодика речи.

Ударения, выделяющие в потоке речи отдельные опорные слова, называются фразовыми ударениями. Место, количество и сила ударений зависят от многих причин: от содержания мысли, грамматического строения, положения слова во фразе или её отдельной части, различных психологических моментов.

Различаются паузы логические, которые расчленяют речь в соответствии со смысловыми и грамматическими связями между словами, и паузы психологические, мотивированные переживаниями говорящего.

Мелодике речи — повышениям и понижениям тона голоса — принадлежит едва ли не основная роль. В сочетании с ударениями и паузами мелодика фонетически оформляет смысловые отношения между частями фразы и объединяет их в выражения связной мысли или последовательности мыслей. Мелодика различает повествовательное и вопросительное значение фраз, в значительной мере является выразителем эмоционального состояния говорящего. Наконец, она во многих случаях служит средством образной выразительности речи.

*Г. В. Артоболевский*

### *Учимся читать выразительно*

1. Вы прочитали стихотворения А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой, Н. Рубцова. Эти стихотворения вы будете учиться читать выразительно вслух, а некоторые из них — наизусть. Обратите внимание на советы Г. В. Артоболевского.
2. Подумайте, как правильно расставить фразовое ударение, определить место паузам, найти верную мелодику, интонацию для каждого стихотворения.
3. Каких актёров-чтецов вы знаете? Чем запомнилось вам их чтение?

## Габдулла Тукай
1886—1913

Габдулла Тукай — выдающийся татарский поэт. Родился он в небольшой деревне, в Казанской губернии. В трёхлетнем возрасте Габдулла остался полным сиротой: сначала умер отец, а вскоре и мать. Мальчик рос в чужих семьях. Но, несмотря на трудности и невзгоды, поэт вспоминал своё деревенское детство с благодарностью, здесь он услышал татарские народные сказки и легенды, лирические песни, исторические предания. Вероятнее всего, тогда в деревне Кырлай ему рассказали легенду о Шуралé, лешем, который может защекотать человека до смерти. Впечатлительный мальчик запомнил образы и сюжеты страшных и весёлых сказок. Простые и трогательные слова народных песен навсегда остались в его памяти.

Когда Габдулле было девять лет, родственники, жившие в городе Уральске, взяли его к себе. Здесь мальчик поступил в медресé (мусульманское училище, готовившее учителей и священников), где он быстро научился читать и писать по-татарски. В этом медресе был и так называемый русский класс, в котором обучение шло на русском языке, изучали русскую литературу.

Будущий поэт поступил и в русский класс, где увлечённо читал произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Закончив медресе, девятнадцатилетний юноша начал сотрудничать с татарскими журналами и газетами, на страницах которых появлялись его стихотворения и статьи. Там же, в Уральске, была опубликована поэма-сказка Габдуллы Тукая «Шурале». Эта сказка о молодом джигите, который благодаря своему уму и находчивости побеждает незадачливого лешего, пронизанная тонким юмором, написанная лёгким напевным стихом, стала любимым произведением татарского читателя. Поэма-сказка переведена на многие языки народов России и зарубежных стран. По мотивам этого произведения композитор Ф. Яруллин создал балет «Шурале», который с успехом идёт на сценах музыкальных театров. Сам поэт в примечаниях к своей поэме сказал: «Эту сказку я написал, пользуясь примером поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, обрабатывавших сюжеты народных сказок, рассказываемых народными сказителями в деревнях».

Поэзия Габдуллы Тукая вдохновлялась любовью к своей Родине. В стихах он размышляет о традициях, обычаях и культуре татарского народа, выражает надежду на его просвещённое, счастливое будущее.

## РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Стоит деревня наша на горке некрутой.
Родник с водой студёной от нас подать рукой.
Мне всё вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я всё в краю моём.

Здесь бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые смог прочесть,
Впервые здесь услышал слова пророка я,
Судьбу его узнал я и путь тяжёлый весь.

Мне памятны навеки событья детских лет,
Нет времени счастливей, забав беспечней нет.
Я помню, как, бывало, по чёрной борозде
Шагал со старшим братом я за сохою вслед.

Я многое увижу — ведь жизнь ещё длинна,
И ждёт меня, наверно, дорога не одна.
Но только, где б я ни был и что б ни делал я,
Ты в памяти и в сердце, родная сторона!

## КНИГА

Когда душа измучена в борьбе,
Когда я ненавистен сам себе,
Когда я места в мире не найду
И, утомясь, проклятье шлю судьбе;

Когда за горем — горе у дверей
И ясный день ненастной тьмы темней;
Когда сквозь слёзы белый свет не мил,
Когда не станет сил в душе моей, —

Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелён, я счастлив, я живу,
Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтённое тогда,
Встаёт, как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета вседневная чужда.

И, вновь рождённый чистою мечтой,
«Спасибо» говорю я книге той.
И, распрямлённый верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

## Размышляем о прочитанном

1. Прочитайте вслух стихотворение «Родная деревня», прислушайтесь к его интонациям. Что вы можете сказать о мелодии стиха? Какие чувства передаёт автор через звучание стихотворения?
2. Чем запомнилась родная деревня Габдулле Тукаю? Какие образы запечатлелись на всю жизнь? Как вы думаете, почему?
3. У кого из русских поэтов вы читали стихи о родной деревне? Сравните стихотворения разных поэтов об их малой родине. Что объединяет эти произведения?
4. Мировая поэзия знает множество стихотворений, восхваляющих, благодарящих книгу. Вспомните биографию поэта и подумайте, почему он так благодарен книге.

## Творческое задание

Перечитайте стихотворение «Книга», отмечая те обстоятельства, в которых книга помогает человеку, спасает его. Верите ли вы в спасительную силу книги? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

### Кайсын Кулиев

1917—1985

Балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев родился в ауле Эл-Тюбю, расположенном в верховьях живописного Чегемского ущелья, в семье скотовода и охотника. Талантливый ребёнок с

детства проявлял артистические и поэтические способности. Восемнадцатилетним юношей приезжает он в Москву и поступает в Институт театрального искусства (ГИТИС). Кулиев имел счастье слушать стихи в исполнении таких выдающихся артистов, как В. Качалов, Л. Леонидов, М. Тарханов, И. Москвин. Будучи студентом ГИТИСа, он перевёл на балкарский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, драмы французского драматурга XVII века Ж.-Б. Мольера.

Интерес к поэзии привёл Кулиева на вечернее отделение Литературного института. Первый его поэтический сборник под названием «Привет, утро» вышел в 1940 году. Героями стихов Кулиева стали труженики-горцы: чабаны, кузнецы, табунщики. Его стихи о природе отличаются сочетанием спокойных зарисовок родных пейзажей и описаний грозных стихий природы.

С первых дней войны Кулиев отправляется на фронт. Суровость войны не ожесточила душу поэта-лирика, чьи стихи печатались во фронтовой газете. В 1944 году Кулиев был демобилизован, но возвратиться на родную землю не мог, потому что его народ был выслан в Среднюю Азию. За годы работы в Союзе писателей Киргизии Кулиев создаёт цикл стихов о прошлом своей родины («Над старой книгой горских песен», «Трава растёт», «Жизнь»). В 1956 году поэт возвращается на балкарскую землю, и начинается самый плодотворный период его творчества. В своих книгах стихов — «В доме друзей», «Мои соседи», «Хлеб и роза» — поэт мечтает о совершенном мире, о торжестве света и добра. В «Чегемской поэме» (1980) поэт выразил своё отношение к мужественным землякам-труженикам, рассказал о местах, любимых им с детства.

*Р. З. Хайруллин*

* * *

Когда на меня навалилась беда
И шёл я по отчему краю,
«Отдай свою боль мне», — сказала вода,
По горному склону стекая.

Сказала мне высь: «Обернись к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя не предам!» —
Тихонько шуршала дорога.

«Взгляни на мои голубые снега», —
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву», — поманили луга.
Прилёг я, и легче мне стало.

И стало всё просто, и понял я вдруг —
Иного не надо мне рая,
А только б дорога, да речка, да луг,
Да небо родимого края.

* * *

Каким бы малым ни был мой народ,
Он всё равно меня переживёт,
И будет жив мой край, гнездо в котором
И белый голубь вьёт, и чёрный ворон.

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чьё мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил.

В долинах будет созревать пшеница,
Как прежде, будут пахари трудиться,
И будет в небесах всходить луна,
И зимними ночами будет сниться
Уставшим людям близкая весна.

И пусть потом иные песни сложат,
Но всё же люди, прошлое ценя,
Те песни тоже будут петь, быть может,
Что пели и при мне и до меня.

И что с тобой, народ мой, ни случится,
Я знаю, будет жив язык родной,
В звучании которого продлится
Моя судьба и век недлинный мой.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
Ни дня я в жизни не был одинок
И сотворил за век свой быстротечный
Хоть и немногое, но всё, что мог.

## Размышляем о прочитанном

1. Стихотворение Кайсына Кулиева о Родине начинается словами «Когда на меня навалилась беда...». Как вы думаете, почему у человека в особенно сложных, трудных ситуациях обостряется чувство Родины?
2. Как Родина помогает герою стихотворения преодолеть беду?
3. Какой художественный приём использует поэт, говоря: «тихонько шуршала дорога», «поманили луга», «сказала вода»?
4. Какие качества родного народа Кайсын Кулиев считает постоянными, переходящими из поколения в поколение?
5. Почему поэт считает себя вечным должником своего народа?

## Творческое задание

Как вы думаете, почему, размышляя о судьбе народа, поэт особо говорит о родном языке? Почему, пока жив язык, жив народ? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

# Мифы Древней Греции

Глубокое проникновение в культуру прошлого и культуры других народов сближает времена и страны.

*Д. С. Лихачёв*

Что такое мифы? Это произведения, созданные фантазией народа, в которых рассказывалось о происхождении мира, явлениях природы, а также о деяниях древних богов и героев, которые воспринимались не вымышленными, а вполне реальными.

Само слово **миф** (mythos) — греческое и означает предание, сказание. В мифах выражены представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях.

В древности мифы складывали не для развлечения, а для объяснения, осмысления того, что происходило в мире.

Мифы появились задолго до возникновения письменности, они передавались из поколения в поколение и создавались не одним человеком; их творцом был народ, который изменял их, поправлял и совершенствовал. С течением веков мифы стали сокровищницей великолепных образов, прекрасными произведениями искусства.

У всех древних народов была своя мифология[1]. Но, сравнивая мифы разных народов, можно обнаружить в них много общего. Это говорит о том, что представления древних о мире сходны, они прошли общий путь мифологического объяснения

[1] *Мифоло́гия* — совокупность мифов.

мира: рождение мира из стихий, властителями которых были великаны (титаны); затем появляются боги, победившие титанов. Боги утвердили порядок и гармонию в мире. Более поздние мифы рассказывают о подвигах великих людей — героев. Они проявляют сверхчеловеческую силу, ум, находчивость, героизм в походах и войнах. В их жизнь, а также жизнь людей постоянно вмешиваются боги, покровительствуя одним, препятствуя другим, определяют их судьбу.

Прошли тысячелетия. Люди, обогащённые научными знаниями, по-другому смотрят на мир, но древние мифы продолжают жить, оказывая огромное влияние на искусство, вдохновляя художников, скульпторов, композиторов, поэтов на создание новых произведений.

В хрестоматии вы познакомитесь с некоторыми мифами Древней Греции.

### Проверьте себя

1. Перескажите статью о мифах. Что нового вы узнали из неё?
2. Какие мифы вам известны?
3. Как вы понимаете выражение: «Мифы... создавались не одним человеком; их творцом был народ, который изменял их, поправлял и совершенствовал»?
4. Что же такое миф? Дайте определение мифу, воспользовавшись статьёй учебника и словарём.

## ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

*В переложении Н. Куна*

Геракл — в греческой мифологии — сын бога Зевса и смертной женщины Алкмены. Став взрослым, Геракл поселился в городе Тиринфе и стал слугой слабого, трусливого царя Эврисфея. Эврисфей боялся могучего героя и не пускал его в Микены. Все приказания свои передавал он сыну Зевса в Тиринф через своего вестника Копрея. Выполняя эти приказания, Геракл совершил двенадцать знаменитых подвигов.

## *Скотный двор царя Авгия*

**(шестой подвиг)**

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвящённых богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвёл в него воду двух рек, Алфея и Пенея. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришёл Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться Гераклу в Тиринф.

Страшно отомстил Геракл царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и убил его смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принёс жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские игры [1], которые проводились с тех пор

[1] *Олимпи́йские и́гры* — важнейшее из общегреческих празднеств, во время которого объявлялся во всей Греции мир. За несколько месяцев до Игр по всей Греции и греческим колониям рассылали послов, приглашавших на Игры в Олимпию. Игры проводились раз в четыре года. На них происходили состязания в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска и копья, а также состязания колесниц. Победители на Играх получали в награду оливковый венок и пользовались великим почётом. Греки вели летосчисление по Олимпийским играм, считая первыми Игры, происходившие в 776 году до н. э. Существовали Олимпийские игры до 393 года н. э., затем они были запрещены императором Феодосием как несовместимые с христианством.

Подвиги Геракла

Верхний ряд: немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы. Второй ряд: критский бык, керинейская лань, пояс царицы Ипполиты. Третий ряд: эриманфский вепрь, кони Диомеда, великан Герион. Нижний ряд: золотые яблоки Гесперид, Кербер, очистка авгиевых конюшен.

каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом оливами, посвящёнными богине Афине Палладе.

Геракл отомстил и всем союзникам Авгия. Особенно же поплатился царь Пилоса Нелей. Геракл, придя с войском к Пилосу, взял город и убил Нелея и одиннадцать его сыновей. Не спасся и сын Нелея Периклимен, которому дал властитель моря Посейдон дар обращаться в льва, змею и пчелу. Геракл убил его, когда, обратившись в пчелу, Периклимен сел на одну из лошадей, запряжённых в колесницу Геракла. Один лишь сын Нелея — Нестор остался в живых. Впоследствии прославился Нестор среди греков своими подвигами и великой мудростью.

### *Яблоки Гесперид*

**(двенадцатый подвиг)**

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Гесперид, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошёл он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. Пришёл Геракл на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану. На берегах Эридана с почётом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег

из морской пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерея. Наконец удалось ему найти старца на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с ним. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные образы, но не выпускал его герой. Наконец он связал утомлённого Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далёкий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Нельзя было победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы всё новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает ослабевать, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; он черпал их у матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух; иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошёл Геракл и пришёл в Египет. Там, утомлённый длинным путём, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидал спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте. Пришедший с Кипра прорицатель Фрасий предсказал, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу

чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принёс его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой верёвки, которыми был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своём опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками.

Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл: если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты подержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на своё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на своё место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса Афине Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги. Он отдал жену свою Мегару в жены своему другу Иолаю, а сам ушёл опять в Тиринф.

Но не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера.

### *Размышляем о прочитанном*

1. Объясните смысл и происхождение следующих выражений: «авгиевы конюшни», «прикоснуться к земле, как Антей».
2. Когда и при каких обстоятельствах были учреждены Олимпийские игры? Как они проходили?
3. Почему 12-й подвиг был самым трудным подвигом Геракла? Какие опасности пришлось преодолеть Гераклу,

прежде чем он достиг края земли, где стоял великий титан Атлас? Что помогло Гераклу держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас?

## Читаем самостоятельно

1. Какой подвиг Геракла вы считаете самым значительным?
2. За что же почитали греки великого героя, почему он завоевал себе бессмертие?
3. Что означает имя Геракл?

## Творческое задание

Напишите сочинение об одном из подвигов Геракла.

## Обогащайте свою речь

1. Часто в речи употребляются имена, названия, образные выражения, заимствованные из древнегреческой мифологии. Говорят о «титанической борьбе», «паническом страхе», «олимпийском спокойствии», «муках Тантала», «сизифовом труде». Прочитайте самостоятельно легенды и мифы «Борьба богов-олимпийцев с титанами», «Олимп», «Пан», «Мидас», «Пандора», «Сизиф», «Прометей», «Тантал», и вы поймёте значение этих и других образных выражений.
2. Названия многих планет Солнечной системы, звёзд и созвездий взяты из античной мифологии, например: Юпитер, Сатурн, Марс. Вспомните другие названия, с какими мифологическими персонажами они связаны?

## Литература и изобразительное искусство

1. Рассмотрите иллюстрацию «Подвиги Геракла», на которой изображены все 12 подвигов героя. Расскажите, какие эпизоды выбраны художником.
2. Древнегреческая мифология питала творчество поэтов и художников многих народов мира. Русские писатели, поэты, скульпторы, художники и композиторы тоже

обращались к этому источнику. Выдающийся русский скульптор Ф. П. Толстой создал скульптуру «Сон Морфея», К. П. Брюллов написал некоторые картины на сюжеты античной мифологии («Встреча Аполлона и Дианы», «Сатурн и Нептун на Олимпе»), В. А. Серов написал картину «Похищение Европы».

Скульптурными группами и отдельными статуями на сюжеты древнегреческой мифологии украшены многие здания в Москве и Санкт-Петербурге: Большой театр в Москве; Адмиралтейство, Государственный Эрмитаж, аллеи Летнего сада в Санкт-Петербурге; дворцы, дома и сады подмосковных дворянских усадеб XVIII века — Кусково, Останкино, Архангельское и другие.

Вспомните, какие произведения изобразительного искусства на сюжеты древнегреческой мифологии вы видели. Чем они вам запомнились?

## Легенда

Что такое легенда? Легенда, как и миф, появилась в далёкой древности. Как и во все времена, о важных исторических событиях и выдающихся свершениях люди устно слагали рассказы, которые передавались из поколения в поколение. Эти рассказы со временем обрастали дополнительными подробностями, которые нередко приобретали фантастический характер. Так рождались легенды.

**Легенда** (*лат.* legenda — то, что должно быть прочитано) — это произведение, созданное на основе устного предания, в котором рассказ о реальных людях и подлинных событиях сочетается с элементами фантастики.

Прочитайте «Легенду об Арионе» и выполните предложенные задания.

## ЛЕГЕНДА ОБ АРИОНЕ

Эту легенду записал древнегреческий историк Геродот, который в своих трудах широко использовал мифы и сказания.

...Периандр был тираном[1] Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне, приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред[2] своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб[3], дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

Этот-то Арион бóльшую часть времени своей жизни провёл у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали злое дело: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велелиАриону либо самому лишить себя жизни, чтобы быть погребённым в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион всё же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил

---

[1] *Тира́н* — в Древней Греции и в средневековых городах-государствах Италии — единоличный правитель.

[2] *Кифаре́д* — тот, кто играет на кифа́ре, родственном лире музыкальном инструменте древних греков.

[3] *Дифира́мб* — преувеличенно восторженная похвала.

торжественную песнь. Затем он, как был во всём наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своём наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал всё, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живёт и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Поражённые корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя — жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

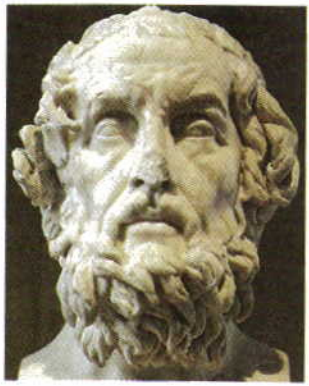
## Размышляем о прочитанном

1. Когда и где произошли легендарные события?
2. Составьте рассказ об Арионе (его прошлое, род занятий, поведение во время смертельной опасности, почему он просит корабельщиков «позволить ему спеть в полном наряде певца»).
3. Почему это произведение называется легендой?

## Творческое задание

Подготовьте устные иллюстрации к легенде об Арионе.

# Произведения зарубежных писателей



*Гомер*

VIII—VII века до н. э.

## Гомер и его поэмы «Илиада» и «Одиссея»

Античная — греческая и римская — мифология явилась почвой для зарождения искусства и литературы Древней Греции и Древнего Рима. Античные мифы служили источником поэтического вдохновения у древних художников, в частности у легендарного древнегреческого поэта Гомера.

Гомеру принадлежат эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». На русский язык обе поэмы неоднократно переводились. Наиболее удачными признаны перевод «Илиады» поэтом Н. И. Гнедичем и перевод «Одиссеи» В. А. Жуковским.

О самом Гомере известно мало. До нас дошли сведения, что Гомер не знал грамоты и что его поэмы исполнялись устно. Однако они принесли ему славу при жизни. Гомер, согласно греческим легендам, преданиям и поверьям, был гениальным певцом, которому удалось соединить в своих произведениях мифологию, фольклор и литературу.

Сюжетной основой поэм «Илиада» и «Одиссея» послужили события очень далёких от Гомера лет. Гомер жил около VIII века до н. э., описываемые им события относятся к 1200 году до н. э. Иначе говоря, Гомер пел о событиях, которые происходили за пятьсот лет до его жизни.

В этот год разразилась Троянская война, в которой воевали народы Древней Греции и Азии. Победителями из этой войны вышли греки, которые овладели азиатским городом Троей и разграбили его. Троянская война — сам по себе факт в истории довольно незначительный. Её значение в истории и в мифологии было сильно преувеличено и возведено в степень событий, решающих судьбы людей и богов.

Причиной войны стало желание верховного бога Зевса (Зевеса) сократить число людей на земле, наказав их за то, что они оказались нравственно порочными. Исполняя волю Зевса, люди истребляют друг друга. Им помогают или мешают боги.

В обеих поэмах сюжет строится на том, что герой оскорблён: у Ахилла хотят отнять добычу — пленённую им Брисеиду, а у Одиссея — верную жену Пенелопу (её образ стал символом супружеской верности и преданности). Оба героя вправе мстить своим обидчикам, потому что, отбирая их достояние, они оскорбляют честь и достоинство героев и тем самым не признают их заслуги. Иначе говоря, причина состоит не в том, что отняли пленницу и покушаются на жену, а в том, что отторгают у героя завоёванное или обретённое им, нанося ему нестерпимую обиду. Достояние героя — это его бессмертная, вечная заслуга. Если она не ценится, то честь героя ущемлена.

В обеих поэмах изображены великие испытания, которые выпали на долю героев, причём победы связаны с потерями и поражениями. В «Илиаде» Ахилл хоронит своего друга Патрокла, теряет доспехи и оружие. В поэме «Одиссея» Одиссей лишается всех своих спутников и кораблей. Даже в момент торжества, когда Ахилл находит свою пленницу, печаль не покидает героя: он предчувствует близкую кончину. Возвратившегося после приключений Одиссея также ждут новые суровые испытания.

Борьбе стихий вне человека соответствует борьба стихий в самом человеке. Ахилл легко переходит от спокойствия к буйным

порывам. В нём соединяются противоположные начала — божественное и человеческое (он сын богини Фетиды и простого смертного).

Ахилл, самый могучий и самый прекрасный воин среди греков, непобедимый герой, обречён на гибель в расцвете сил. Такова участь смертного человека, написанная выше, на небесах. Так решили боги. Гомер выразил здесь трагическую мысль о бренности человеческого существования. Однако мысли о неминуемой смерти противостоит мысль о славе, о любви, о дружбе, которые остаются неподвластными тлению и вечно живыми, бессмертными.

Не менее значительный характер воплощён Гомером в Одиссее — храбром воине, умном военачальнике, умельце и знатоке многих профессий. Одиссей великолепный атлет (он лучше других умеет бегать), отважный мореход, искусный плотник, ловкий охотник, хитрый и осторожный торговец, хороший хозяин, любящий сын, супруг и даже поэт, знающий толк в искусстве поэзии и пения. Но вместе с тем в Одиссее живёт другой человек — жадный, отбирающий себе лучший кусок на пиру, жестокий к рабам, ради выгоды готовый на ложь, притворство и могущий принимать различные образы. Как и Ахилл, Одиссей весь соткан из противоречий. В его образе с наибольшей наглядностью воплотилась мысль Гомера о многообразии и богатстве дарований человека, о его способности принимать разные лики, менять свой облик. Одиссей может стать разбойником и нищим стариком. В соответствии с этим его чувства раздваиваются: ему внятны страдания, он переживает гибель друзей, но его также увлекает игра жизни, её радости и её возможности. В нём уживается высокое и низкое, возвышенно-поэтическое и житейски прозаическое. И всё же главное в Одиссее — необъятные возможности и таланты, знания и умения мореплавателя, открывателя новых земель, путешественника, мудреца и воина.

Под стать главным героям и многочисленные античные боги-олимпийцы. В отличие от людей они бессмертны. Гомер идеализирует, приукрашивает их физическую красоту и мудрость, преклоняется перед их могуществом. Олимпийские боги проводят дни, забавляясь, пируя и вкушая нектар и амброзию (напитки

богов). Им чуждо добро и законы человеческого общежития. Они находятся вне человеческих представлений. Троянская война, как и любое участие в человеческих делах, не более чем игра, причём часто игра жестокая, приносящая людям мучения, страдания и становящаяся причиной трагедий. Впрочем, и вся человеческая жизнь для богов — игра, а сами они — заинтересованные или незаинтересованные зрители.

Будучи красивыми, сильными и могучими, внутренне они, однако, часто ничтожны: между ними возникают ссоры из-за пустяков. Освещение жизни богов, как и героев, в эпосе Гомера двойственно: восхваление, поклонение и воспевание сочетаются с юмором, смехом, комическими картинами.

## Значение поэм Гомера

Гомеровский эпос стал источником многих произведений искусства. Традиции Гомера ощутимы в творчестве Пушкина, Гоголя и Л. Толстого. К ним обращались и обращаются писатели всего мира.

Греческие дети учились читать по «Илиаде». В Греции всегда были люди, знавшие обе поэмы Гомера наизусть. Греческий ритор[1] конца I века н. э. Дион Хрисостом нашёл таких людей в изобилии на краю тогдашнего цивилизованного мира — в греческой колонии Ольвии на берегу Чёрного моря, недалеко от нынешней Одессы.

Эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» становятся сюжетами для греческих художников. Гомеру приписывали разнообразнейшие познания во всех сторонах жизни — от военного искусства до земледелия, — искали в его произведениях советы на любой случай. Древние греки, восхищавшиеся Гомером и подражавшие ему, начали его изучать и комментировать. В 1488 году тексты «Илиады» и «Одиссеи» были впервые напечатаны во Флоренции. За этим изданием последовали многие другие.

Гомер — это начало начал всей литературы. Интерес к поэмам Гомера и их эмоциональное восприятие должны рассматриваться как надёжный признак здоровья всей человеческой культуры.

[1] *Ри́тор* — в Древней Греции и Риме: оратор, а также учитель красноречия.

## Несколько слов о содержании поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»

В первых строках «Илиады» Гомер объявляет своё намерение воспеть героя Ахилла, который отличился в Троянской войне, но вместе с тем принёс грекам много бедствий вследствие своей распри с вождём греков Агамемноном. А всё началось с того, что Агамемнон во время одного из набегов взял в плен дочь жреца Хриса из храма Аполлона. Хрис явился к грекам с богатыми дарами и слёзно просил отдать ему дочь, но Агамемнон ответил ему оскорбительным отказом. Тогда Хрис обратился с жалобой к богу Аполлону и молил его отмстить грекам. Аполлон наслал на греков мор, который свирепствовал девять дней. Когда Агамемнон собрал народное собрание, чтобы решить, что делать с войсками, находившимися под Троей, там спросили прорицателя Калханта о причине божьего гнева. Тот объявил, что Аполлон карает греков за неуважение к Хрису и за отказ отдать ему дочь. Агамемнон не отверг воли Аполлона, но потребовал другой добычи взамен дочери Хриса. Ему возразил Ахилл, и тогда Агамемнон пригрозил, что отберёт у него его пленницу Брисеиду. Спорящих разняла и утихомирила богиня Афина. Ахилл не стал защищать Брисеиду с оружием в руках, но в гневе отказался принимать участие в войне, пока грекам не будет угрожать поражение и они не обратятся к Ахиллу за выручкой, принеся Ахиллу богатые дары, чтобы искупить оскорбление. Поступок Ахилла не осуждается, он не объявляется ни предателем, ни дезертиром. Он защищает свою честь и своё достоинство. В конце концов случилось так, что Агамемнон был вынужден направить к Ахиллу послов с предложением о примирении. Но Ахилл непреклонен. Он лишь соглашается отправить на помощь грекам своего друга Патрокла, облачив его в собственные доспехи. Однако Патрокл гибнет от руки Гектора, которому помогает бог Аполлон. Лишь тогда разгневанный и опечаленный Ахилл решает мстить. По просьбе богини Фетиды бог Гефест изготавливает Ахиллу новые доспехи необыкновенной красоты. И здесь Ахилл является во всей своей мощи и во всём своём величии. Троянцы гибнут. Наконец Ахилл убивает их героя — Гектора. Горе отца и родных

Гектора смягчает сердце Ахилла, и он выдаёт тело семье. Погребальным плачем над убитым Гектором кончается поэма.

Если в «Илиаде» воспевается один из эпизодов Троянской войны, то в «Одиссее» описывается множество приключений — от скитаний Одиссея до его возвращения на родину, в Итаку. Боги решают, что Одиссей может вернуться к семейному очагу, о чём Гермес должен сообщить нимфе Калипсо, которая семь лет удерживала героя на своём волшебном острове. Но Гермес не спешил исполнить волю богов. И только когда сыну Одиссея Телемаху не удалось узнать об отце ничего определённого, Гефест отправился к Калипсо. Так начинаются скитания Одиссея на плоте, который построила ему Калипсо, снарядив его в дорогу. Приключения Одиссея продолжаются до того дня, когда он прибывает в Итаку и когда ему удаётся перебить всех назойливых женихов его жены Пенелопы. Однако тревоги не исчезают: родственники женихов жаждут мщения. Распри прекращаются с помощью богини Афины, и на Итаке наступает мир.

## Проверьте себя

1. Что явилось истоком поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»?
2. Кому принадлежат самые лучшие переводы поэм «Илиада» и «Одиссея»? Познакомьтесь самостоятельно с поэмами Гомера.
3. Какие события легли в основу этих поэм?
4. Расскажите о главных героях поэм — Ахилле и Одиссее.
5. Чем отличаются античные боги-олимпийцы от людей в изображении Гомера?
6. Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы (на выбор), сохранив особенности ритма гомеровского эпоса.

## Творческое задание

Подготовьте устные иллюстрации к поэмам Гомера (описание внешности героев, описание местности, на которой происходят события, и т. д.)

# ИЛИАДА

**Песнь восемнадцатая**

*Отрывок из песни*

## *Изготовление оружия*

Перевод с древнегреческого В. Вересаева

(Мать Ахилла, богиня Фетида, просит бога огня и кузнечного ремесла Гефеста изготовить для сына оружие и доспехи. Гефест исполняет просьбу Фетиды.)

В первую очередь выковал щит он огромный и крепкий,
Всюду его изукрасив; по краю же выковал обод
Яркий, тройной; и ремень к нему сзади серебряный сделал.
Пять на щите этом было слоёв; на них он искусно
Много представил различных предметов, хитро их задумав.
Создал в средине щита он и землю, и небо, и море,
Неутомимое солнце и полный серебряный месяц,
Изобразил и созвездья, какими венчается небо;
Видимы были Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Также Медведица, — та, что ещё называют Повозкой;
Ходит по небу она и украдкой следит Ориона,
И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.
Сделал два города смертных людей потом на щите он,
Оба прекрасные. В первом и пиршества были, и свадьбы.
Из теремов там невест провожали чрез город при свете
Факелов ярких и звучный кругом гименей распевали.
Юноши в плясках кружились, и громко средь них раздавались

«Илиада». *Художник Д. Бисти*

Звуки весёлые флейт и форминг[1]. И дивились на пляски
Женщины, каждая стоя в жилище своём на пороге.
Множество граждан толпилось на площади города. Тяжба
Там меж двоих из-за пени[2] была за убитого мужа.
Клялся один пред народом, что всё уже отдал другому,

[1] *Формúнга* — струнный музыкальный инструмент, кифара.
[2] *Пéни* — штраф за убийство.

Тот отрицал, чтоб хоть что получил от убийцы в уплату.
Оба они обратились к судье за решением дела.
Криками каждый кругом своему приходил на поддержку.
Вестники их успокоить старались. На тёсаных камнях
В круге священном сидели старейшины рядом друг с другом.
В руку жезлы принимали от вестников звонкоголосых,
Быстро вставали и суд свой один за другим изрекали.
Два золотые пред ними таланта[1] лежали в средине,
Чтобы тому передать их, кого они правым признают.
Город второй с обеих сторон осаждали два войска,
Ярко блистая оружьем. В решенье они колебались:
Или весь город разрушить, иль, сколько богатства хранится
В городе этом прелестном, на две разделить половины.
Те не сдавались ещё и готовились к тайной засаде.
Стену, стоя на ней, охраняли их милые жёны,
Дети, также мужчины, которыми старость владела,
Сами ж пошли. Во главе их — Арес[2] и Паллада Афина[3],
Оба из золота и в золотые одеты одежды,
Оба в оружье, — большие, прекрасные; истинно — боги!
Ясно заметные, люди вокруг были ниже намного.

---

[1] *Тала́нт* — золотая монета.
[2] *Аре́с* (Арей) — бог войны, сын Зевса и Геры.
[3] *Афи́на Палла́да* — одно из главных божеств Древней Греции. Богиня мудрости и справедливой войны.

К месту пришли, где всего им удобней казалась засада:
На берегу у реки, где обычно скотину поили.
Там они сели на землю, блестящей одетые медью.
Двое лазутчиков спереди сели, отдельно от войска,
И выжидали прихода овец и коров тяжконогих.
Вскоре они показались; свирелью себя услаждая,
Гнали спокойно их два пастуха, не предвидя коварства.
Те же, едва увидав, устремились на них из засады
И захватили коровьи стада и густые отары
Сереброрунных овец, а их пастухов перебили.
В стане, едва услыхала смятенье и шум возле стада
Стража, стерёгшая площадь, тотчас на коней быстроногих
Все повскакали, помчались и, берега быстро достигнув,
К битве построились возле реки и в сраженье вступили.
Яро метали друг в друга блестящие медные копья.
Там и Смятенье, и Распри теснились, и грозная Кера[1];
Раненых жадно хватала она, и не раненых также,
За ноги трупы убитых из битвы свирепой тащила;
Кровью людскою вкруг плеч одежда её обагрялась.
Воины в свалке, как будто живые, теснились и бились,
И напрягались отнять друг у друга кровавые трупы.
Мягкую новь он представил ещё, плодородную пашню,
Трижды взрыхлённую плугом. И много на ней землепашцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно;

[1] *Ке́ра* — демоническое существо, несущее смерть.

Каждый раз, как они, повернувши, к меже
подходили,
В руки немедля им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подавал, подошедши. И пахари гнать
продолжали
Борозду дальше, чтоб снова к меже подойти
поскорее.
Поле, хотя золотое, чернелося сзади пахавших
И походило на пашню, — такое он диво
представил.
Дальше царский участок представил художник
искусный.
Острыми жали серпами подёнщики спелую ниву.
Горсти колосьев одни — непрерывно там падали
наземь,
Горсти другие вязальщики свяслами крепко
вязали.
Трое вязальщиков возле стояли. Им мальчики
сзади,
Спешно сбирая колосья, охапками их подносили.
На полосе между ними, держа в руке свой посох,
Царь молчаливо стоял с великою радостью
в сердце.
Вестники пищу поодаль под тенью готовили дуба;
В жертву быка заколов, вкруг него суетились;
а жёны
Белое тесто месили к обеду работникам поля.
И виноградник с тяжёлыми гроздьями там
он представил,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти
чернелись.
Из серебра были колья повсюду натыканы густо;
Чёрный ров по бокам; окружён оловянной оградой
Сад; чрез средину одна пролегает тропинка,
которой
Ходят носильщики в пору, когда виноград
собирают.

Девы и юноши там в молодом, беззаботном веселье
Сладостный плод уносили в прекрасно сплетённых корзинах.
Мальчик, идя между ними, на звонкоголосой форминге,
Всех восхищая, играл, воспевая прекрасного Лина[1]
Нежным голосом. Те же за мальчиком следом спешили,
С присвистом, с пеньем и с топотом в лад, непрестанно танцуя.
Сделал потом на щите он и стадо коров прямороги́х;
Были одни золотые, из олова были другие;
С громким мычаньем они из загона на луг выходили
К берегу шумной реки, тростником поросшему гибким.
Вместе с коровами этими шли пастухи золотые,
Четверо; девять бежало собак резвоногих за ними.
Спереди два вдруг ужаснейших льва напали на стадо
И повалили быка; ревел и мычал он ужасно,
Львами влекомый; собаки и юноши мчались на помощь;
Оба льва, разорвав на огромном быке его кожу,
Жадно потрох глотали и чёрную кровь. Пастухи же
Тщетно старались на львов собак натравить резвоногих;
Слушаться их не хотели собаки и львов не кусали;
Близко подскочут, залают и тотчас назад убегают.
Пастбище сделал потом в прекрасной долине художник,
Стадо большое овец белорунных на пастбище этом,
Крытые там шалаши представил, загоны и хлевы,

[1] *Лин* — прекрасный юноша, рано погибший, олицетворение умирающей и воскресающей природы, растений (лин — по-гречески «лён»).

Также площадку для плясок представил хромец обеногий,
Вроде такой, которую в Кносе пространном когда-то
Для Ариадны[1] прекрасноволосой Дедал[2] изготовил.
Юноши в хоре и девы, для многих желанные в жёны,
За руки взявши друг друга, на этой площадке плясали.
Девушки были одеты в легчайшие платья, мужчины
В тканные прочно хитоны, блестевшие слабо от масла.
Девушки были в прекрасных венках, а у юношей были
Из серебра ремни, на ремнях же ножи золотые.
Быстро они на проворных ногах в хороводе кружились
Так же легко, как в станке колесо под рукою привычной,
Если горшечник захочет проверить, легко ли вертится.
Или плясали рядами, одни на других надвигаясь.
Много народу теснилось вокруг, восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же божественный пел под формингу,
Стоя в кругу хороводном; и только лишь петь начинал он,
Два скомороха тотчас начинали вертеться средь круга.
И, наконец, на щите этом прочном по самому краю

[1] *Ариа́дна* — дочь Критского царя Ми́носа. Помогла герою мифов Тесе́ю выбраться из лабиринта, дав ему клубок нитей (ариаднина нить).

[2] *Дедал* — легендарный строитель и художник. Научил людей столярному ремеслу. Дедал дал Ариадне клубок нитей, который помог Тесею выбраться из лабиринта.

Он великую силу реки Океана представил.
После того, как щит он сковал, огромный
и крепкий,
Выковал также и панцирь Гефест ему, ярче, чем
пламя;
Крепкий сковал ему шлем, на висках
прилегающий плотно, —
Пёстрый, прекрасный; а гребень на шлеме
из золота сделал.
После ему и поножи из гибкого олова создал.
Кончив доспехи ковать, знаменитый хромец
обеногий
Взял и сложил их к ногам Ахиллесовой матери
наземь.
Словно сокол, она с многоснежных вершин
олимпийских
Кинулась, ярко блестящий доспех унося
от Гефеста.

## Размышляем о прочитанном

1. В тексте поэмы Гефест, создающий щит для Ахиллеса, называется художником. Согласны ли вы с таким определением мастера? Аргументируйте свой ответ.
2. Как представления древних греков о Вселенной отражены на щите Ахиллеса?
3. Сравните описания мирного города и осаждённого неприятелем. Каково отношение автора к картинам мирной жизни и сценам войны? При ответе используйте цитаты из текста поэмы.

## Творческое задание

Как вы думаете, почему на щите героя Гефест изобразил сцены сельского труда и праздничного танца юношей и девушек? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

## ОДИССЕЯ

Давно кончилась Троянская война, и все участники этого похода либо возвратились на родину, либо погибли в пути, а царь острова Итака Одиссей не может достигнуть родных мест, где он оставил жену — Пенелопу и маленького сына — Телемаха. Десять лет прошло с тех пор, как по совету хитроумного Одиссея была взята и разрушена неприступная «священная» Троя. Десять лет скитается Одиссей по бесконечным волнам бурного моря, преследуемый грозным богом морей Посейдоном.

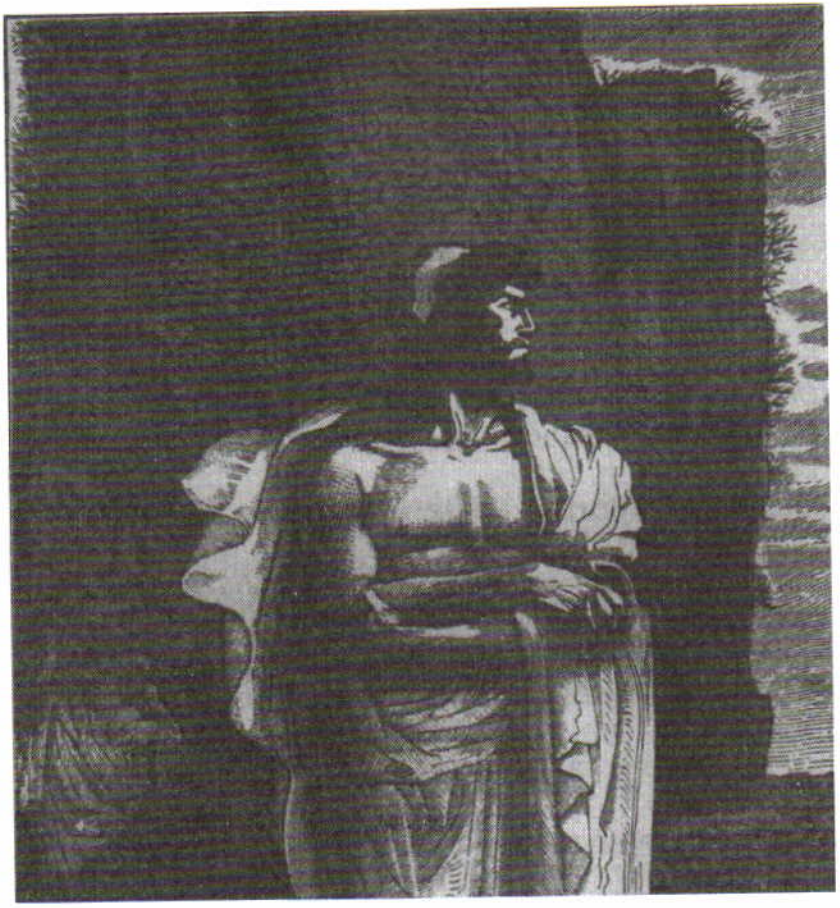
Наконец Одиссею удаётся добраться до острова, где живут фиакийцы. Царь Алкиной обещает помочь ему, устраивает в честь гостя пир и просит рассказать о его злоключениях. Вот одно из них.

### Одиссей на острове циклопов. Полифем

*(в сокращении)*

*Перевод с древнегреческого В. Жуковского*

Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды
циклопов.
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблём и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб
за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавку у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблём, мы
открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утёсе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался



«Одиссея». Одиссей. *Художник Г. Епифанов*

Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из
огромных,
Грубо набросанных ка́мней был двор обведён, и стояли
Ча́стым забором вокруг черноглавые ду́бы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он
несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался
лесистой,

Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на береге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надёжных и самых отважных, пошёл я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным мехом.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалёком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещённые: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; вёдра и чаши
Были до самых краёв налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в неё возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился

Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол;
пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в неё он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий
с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырёколёсных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале
необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Всё ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо
пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперёд по морям, как добычники вольные,
мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привёл нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывём от далёкия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошёл несказанною
славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.

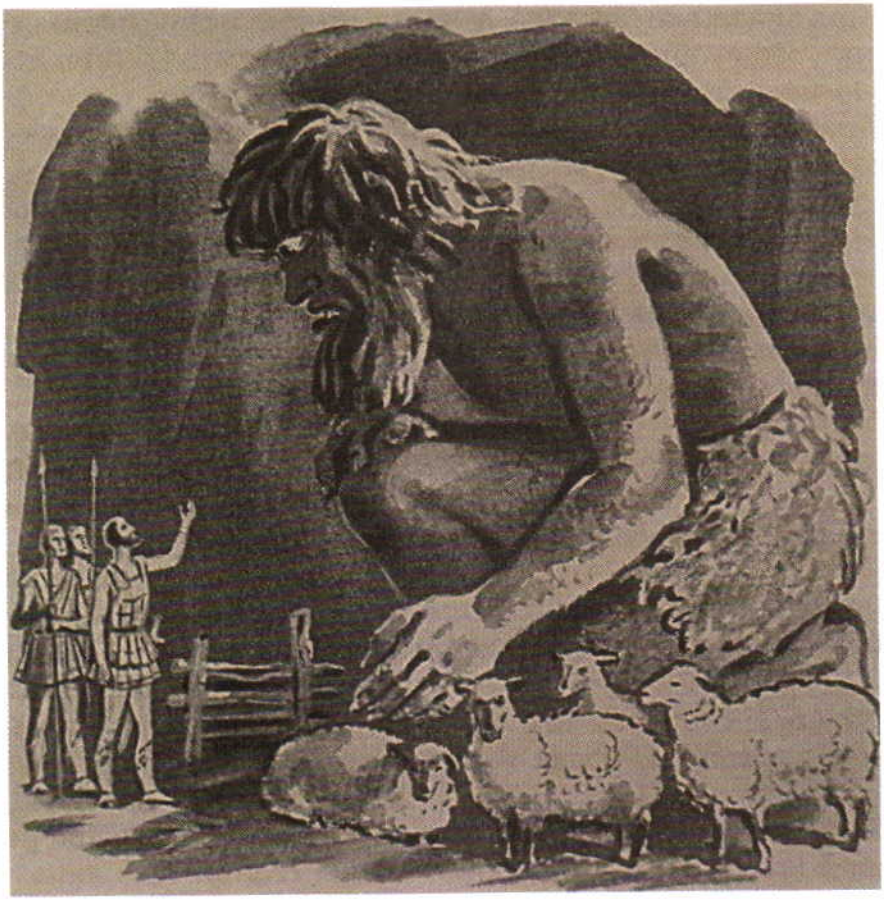
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять
и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный
Кронион,
Бог-гостелюбец, священного странника вождь
и заступник».
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалёка иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу
бессмертных.
Нам, циклопам, нет ну́жды ни в боге Зевесе,
ни в прочих
Ваших блаженных богах, мы породой их всех
знаменитей;
Страх Громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором
пришли вы
К нам? Далёко ли иль близко отсюда стоит он? То
ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил.
Остерёгшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль
уничтожил,
Бросив его недалёко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись
удалося».
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный

Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию[1] отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив своё человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошёл я к нему с дерзновенным намереньем
сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится
печень.
Меч мой уж был занесён; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжёлой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос[2]:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждою матку её он
Клал сосуна; окончивши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из тёмной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утёс приворотный,
им двери
Снова он запер, как лёгкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать
средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашёл наконец я удобным
и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,

---

[1] *Дий* — одно из имён Зевса.
[2] *Эос* — богиня утренней зари.

Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним;
подобен
Нам показался он мачте, какая на многовёсельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три
локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжёгши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере
циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожжённым поможет пронзить
мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырёх мне, и самых надёжных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью
пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в неё он уж полное стадо
Ввёл, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нём подозренье, иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинул скалой необъятно тяжёлой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошёл я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты
нестерпимо.
Кто же вперёд, беспощадный, тебя посетит из живущих



Одиссей на острове циклопов. Полифем. *Художник И. Пчелко*

Многих людей, о твоих беззаконных поступках
услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, её осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне, — сказал он, — ещё и своё назови
мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождём опложда́ет;
Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром
сладким».

Так он сказал, и другую я чашу вином искромётным
Налил. Ещё попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
«Славное имя моё ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой сон овладел им.
Кол свой достав, мы его остриём на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положённый на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был;
поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его остриём раскалённым
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая: другие ж ему помогают,
ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно

«Одиссея». Полифем. *Роспись на керамическом блюде*

Кол свой вертели в пронзённом глазу: облился он
горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он
в холодной
Влаге: так глаз зашипел, остриём раскалённым
пронзённый.

Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной
свирепостью вырвав
Кол из пронзённого глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул;
в исступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших
в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром,
вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной
прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою
губит?»
Им отвечал он из тёмной пещеры отчаянно диким
Рёвом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну;
*Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали
циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревёшь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, её не избегнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без
рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал
средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной

Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж
близко.
Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне
показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шёлк,
волновалось.
Я потихоньку сплетёнными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под
каждым
Средним, другими двумя по бокам защищённый; на
каждых
Трёх был один из товарищей наших; а сам я?..
Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, ещё не доенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их,
от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать
не способен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью;
последний
Шёл мой баран; и медлительным шагом он шёл,
отягчённый
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время
о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:

«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идёшь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око моё за тобой уж не смотрит; лишён я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто*; но ещё он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздёрнув; отмстил бы
Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанёс». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалёко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними всё стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:

«Одиссея». *Художник В. Перцев*

«Слушай, циклоп беспощадный, вперёд беззащитных
гостей ты
В гроте глубоком своём не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом
посетивших,

Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес, и другие
Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно
взбешённый,
Тяжкий утёс от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утёс, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей
громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш
помчался.

## Размышляем о прочитанном

1. Что насторожило Одиссея, когда он увидел пещеру циклопа Полифема? Какие чувства он испытал?
2. Почему Одиссей остался на острове и ждал циклопа? Ведь в этом не было особой нужды?
3. Каким предстал циклоп Полифем перед Одиссеем и его спутниками? Найдите эпитеты и сравнения, характеризующие его.
4. Как встретил циклоп гостей? Какое впечатление произвёл? Прочитайте соответствующие строки.
5. Гомер называет Одиссея «хитроумным», «многострадальным», «постоянным в бедах», «богоравным». Как Одиссей оправдывает это в эпизоде с циклопом Полифемом?
6. Каким предстаёт Одиссей в этом повествовании? Какие его качества особенно подчёркиваются?
7. Что общего у Одиссея с Гераклом и чем эти герои отличаются друг от друга?
8. Каково отношение автора к своему герою?
9. Обратите внимание на некоторые повторы, которые встречаются в тексте поэмы, например: «С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос: Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Найдите другие примеры повторов и постарайтесь объяснить их роль.
10. Мифом или легендой можно назвать рассказ о приключениях Одиссея?

«Одиссея». Калипсо. *Художник А. Бёклин*

## Учимся читать выразительно

Выберите отрывок и подготовьте его для выразительного чтения. Постарайтесь при чтении передать особый ритм гекзаметра.

## Литература и другие виды искусства

1. Подготовьте устный рассказ по одной из иллюстраций к эпизоду «Одиссей у циклопа Полифема». Обратите особое внимание на внутреннее напряжение героев, их чувства и переживания.
2. Какие кинофильмы, телефильмы, мультфильмы на тему поэмы Гомера «Одиссея» вам известны? Какие из них произвели на вас впечатление?

## Мигель де Сервантес Сааведра

1547—1616

Мигель де Сервантес Сааведра — великий писатель-гуманист эпохи Возрождения.

Сервантес родился в семье лекаря из обедневшего дворянского рода. Нужда и заботы преследовали будущего писателя с детства. Постоянная бедность заставляла Сервантеса странствовать, чтобы добыть средства к существованию. Несмотря на бродяжническую жизнь, Сервантес сумел закончить иезуитскую школу в Вальядолиде, а завершил своё образование в Мадриде. Едва закончив учение, он был завербован в солдаты и участвовал в войне против турок. Сражение у бухты Лепандо навсегда осталось в памяти Сервантеса: многочисленные раны и простреленная левая рука, которая перестала действовать, сделали Сервантеса инвалидом, в армии ему больше не было места. В то время будущему писателю было всего 24 года. Вместе со своим братом Родриго он вынужден был возвратиться на родину, но в Средиземном море братья были захвачены морскими разбойниками-корсарами и увезены в Алжир. Несколько раз Сервантес пытался бежать, но эти попытки закончились неудачей. Жесток и беспощаден был правитель Алжира Гасан-Паша, но сухорукий пленник внушал ему невольное уважение: безрассудная храбрость и дерзость пленного солдата говорили о его несокрушимой воле.

Пять лет провёл в рабстве Сервантес, пока его семья каждодневными стараниями и унижениями не скопила сумму, необходимую для его выкупа. В 1580 году Сервантес возвратился в Испанию. Чтобы как-то вырваться из нужды, он пробует свои

силы в литературном творчестве и по возвращении из плена пишет пасторальный роман «Галатея» (1585). Однако этот роман не принёс Сервантесу ни большой литературной славы, ни денег, и он был вынужден занять государственную должность сборщика налогов. Работа приносила одни неприятности, и в конце концов по чужой вине Сервантес попадает в тюрьму. Здесь он начал работу над романом «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605—1615), который сделал его имя бессмертным.

«Дон Кихот» — это пародия на рыцарский роман, своеобразная энциклопедия испанской жизни XVII века. Произведение рассказывает о необыкновенных, но зачастую печальных приключениях разорившегося дворянина Алонсо Кихано, который, начитавшись рыцарских романов, вообразил себя защитником униженных и обездоленных — благородным странствующим рыцарем. Книжный мир рыцарских романов сливается для Дон Кихота с действительностью, которую он абсолютно не может понять. И невольно задаёшься вопросом: «Кто же безумен? Дон Кихот или мир, его окружающий?» В странных, порой нелепых поступках Дон Кихота проявляется гораздо больше человечности, гуманности и благородства, чем в поступках многих других «разумных» персонажей романа.

Воображение Дон Кихота претворяло всё, что он видел, в фантастическое рыцарское царство волшебников и принцесс: ветряные мельницы ему представляются злыми великанами, постоялый двор — величественным замком, а служанки — принцессами. Порой Дон Кихот кажется смешным и жалким в своей наивности и беззащитности. Но только человек без сердца может посмеяться или не понять этого милого пожилого господина, вся трагедия которого заключалась в том, что книжные идеалы справедливости не имели ничего общего с пошлой, жестокой и грубой жизнью.

Сам благородный Сервантес во многом напоминал своего героя. Он пришёл в мир с открытым сердцем, в котором никогда не поселялась корысть, недоброе чувство или злая мысль. Сервантесу понадобились долгие годы, тягчайшие испытания, мучительные крушения надежд, чтобы увидеть под-

линную Испанию. Но когда в апреле 1616 года в Мадриде, на улице Леон, в возрасте 69 лет умирал этот удивительный человек, немногие из его друзей, пришедших проститься с великим писателем, с горечью говорили, что умирает последний рыцарь и совесть Испании. Пусть современники и не понимали глубокого социального и философского содержания романа — им было просто смешно, но до сих пор нас глубоко трогает и восхищает бескорыстный энтузиазм донкихотства.

### *Читаем самостоятельно*

1. Вам необходимо прочитать роман «Дон Кихот» целиком и подумать над тем, почему перед смертью Сервантеса о нём говорили, что умирает последний рыцарь и совесть Испании.
2. О чём этот роман? Кто его главный герой и что в его поступках так восхищает читателей (бескорыстие, доброта, сострадание и т. д.)?
3. Расскажите о злоключениях рыцаря. Каким он предстаёт в различных ситуациях и какими оказываются люди, с которыми он встречается в пути?

4. Как особый склад души героя помогает разглядеть красоту окружающего мира?

## Иоганн Фридрих Шиллер

1759—1805

Шиллер родился в семье полкового лекаря. В детстве его отдали в закрытое учебное заведение — Военную академию, основанную герцогом Вюртембергским. Целью Академии было воспитание покорных служителей трону. Много лет провёл Шиллер на этой «плантации рабов». Отсюда он вынес жгучую ненависть к деспотизму и любовь к свободе. По окончании Академии, где он изучал медицину, Шиллер вынужден был принять должность врача в военном гарнизоне, но не оставлял мечты посвятить себя литературе. Написанную ещё в Академии пьесу «Разбойники» в 1782 году приняли для постановки в известном в то время Мангеймском театре. Шиллеру очень хотелось побывать на премьере своей пьесы, но он заранее знал, что в отпуске ему откажут, и поэтому тайно отправился в Мангейм, который был неподвластен герцогу Вюртембергскому. За нарушение устава гарнизонной службы Шиллер отсидел две недели в заключении. Здесь он принял окончательное решение в отношении своей дальнейшей судьбы. В осеннюю ночь 1782 года он тайно покидает герцогство, чтобы никогда туда более не возвращаться. С этого времени начинаются годы скитаний, лишений, нужды, но в то же время годы, наполненные упорным литературным трудом. В ранний период своего творчества Шиллер создаёт произведения, наполненные протестом против произвола и тирании.

Летом 1799 года странствия писателя заканчиваются: он переезжает на постоянное жительство в Веймар, ставший крупнейшим культурным центром Германии. В Веймаре Шиллер усиленно за-

нимается историей, философией, эстетикой, пополняя знания, которых, как он чувствовал, ему не хватало. Со временем Шиллер становится одним из образованнейших людей своей эпохи и в течение долгого времени даже преподаёт историю в одном из крупнейших немецких университетов.

Шиллер оставил богатое творческое наследие. Это и лирические, и философские стихотворения, и баллады, которые особенно высоко ценили Пушкин и Лермонтов. Но, безусловно, самое главное дело его жизни — это драматургия. Ранние драмы «Разбойники» и «Коварство и любовь» (1784) сразу завоевали любовь зрителей. А исторические драмы «Дон Карлос» (1787), «Мария Стюарт» (1801), «Орлеанская дева» (1801), «Вильгельм Телль» (1804) принесли ему европейскую славу.

Балладу «Перчатка» Шиллер назвал рассказом, потому что она написан не в балладной форме, а в форме повествования. Жуковский включил её в число повестей, критик В. Г. Белинский не сомневался в том, что это баллада.

«Перчатка» была переведена Лермонтовым в 1829 году (напечатана в 1860 году), Жуковским — в 1831 году.

## ПЕРЧАТКА

*Перевод М. Лермонтова*

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне:
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрипучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжёлой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,

Трясёт жёлтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный,
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьёт хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится

И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

---

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад,

Отовсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
— Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досадой жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

## ПЕРЧАТКА

*Перевод В. Жуковского*

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.
Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит,
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прянул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,

«Перчатка». *Художник Б. Дехтерёв*

И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком.
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,

А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова,
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

## Размышляем о прочитанном

1. Итак, перед вами баллада Шиллера «Перчатка». Мы предлагаем вам прочитать и сравнить два перевода, сделанные В. Жуковским и М. Лермонтовым. Какой из переводов легче читается? В каком из них ярче раскрыты характеры героев?

2. Чего хотела красавица? Почему так оскорблён ею рыцарь?
3. Как видим, по-разному определялся жанр этого произведения. Как бы вы назвали «Перчатку» — балладой, повестью, рассказом? Повторите определения этих жанров по словарю литературоведческих терминов.

## Учимся читать выразительно

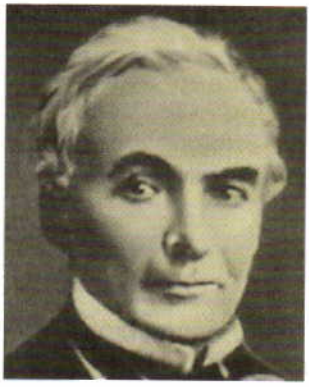
Подготовьте выразительное чтение переводов Жуковского и Лермонтова, постарайтесь при чтении передать особенности ритма каждого из переводов.

## Фонохрестоматия ((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ )))

### И. Ф. Шиллер. «Перчатка»

*(перевод В. А. Жуковского)*

1. На восприятие каких событий настраивает музыкальное вступление?
2. Почему актёр так старательно воспроизводит характер поведения косматого льва, смелого тигра, двух барсов?
3. Какие черты характера передал актёр, читая слова героини, обращённые к рыцарю?
4. Подготовьте выразительное чтение баллады. Постарайтесь в своём чтении воспроизвести картину пышности и величия королевского дворца, внешний вид, характер, поведение диких зверей, характеры красавицы и рыцаря.



## Проспер Мериме
1803—1870

Проспер Мериме — выдающийся французский писатель-реалист, мастер новеллы — родился в Париже, в семье художника Жана Франсуа Леонора. Писатель получил прекрасное и разностороннее образование; ещё в период ученичества он стал заниматься литературным трудом, много писал и переводил. Первое известное сочинение Мериме — сборник пьес «Театр Клары Гасуль». Изображая в пьесах испанские нравы, Мериме критиковал современную действительность.

В 20-е годы во Франции большую популярность получает исторический жанр. Великие события, пережитые страной, пробудили интерес к прошлому, стремление извлечь из него полезные уроки для настоящего. Среди исторических произведений этого времени особенно выделяется драма «Жакерия» и роман «Хроника царствования Карла IX».

В конце 20-х годов Мериме обращается к жанру новеллы, ставшему самым популярным в его творчестве. Именно эти небольшие и изящные произведения принесли Мериме наивысшую славу и популярность.

В новеллах писатель, как правило, рисует какой-либо яркий эпизод, раскрывающий необычный, сильный характер героя. Такова цыганка Кармен, предпочитающая смерть потере личной независимости, таков вождь африканского племени Таманго, таков и корсиканец Маттео Фальконе из одноимённой новеллы. Герой новеллы убивает собственного сына за подлую корысть, которая побудила мальчика нарушить обычаи гостеприимства и выдать полиции бандита, скрывающегося у Маттео. Простота и человеч-

ность патриархально-родового уклада жизни несовместимы с предательством. Цивилизация начинает разрушать вековые устои, и суровый Фальконе беспощадно казнит сына, посмевшего нарушить древние законы и традиции. Его сын был первым и последним предателем в их роде.

После революции во Франции в 1848 году литературная активность Мериме пошла на убыль.

Мериме был назначен сенатором и награждён орденом. Но писатель так и не нашёл покоя и удовлетворения, его мечтам не суждено было сбыться. Последние двадцать лет жизни он почти не писал. Стареющий, больной Мериме видел, что дело идёт к новой социальной катастрофе. После падения империи Мериме бежал из восставшего Парижа в Канн, где вскоре и умер.

Мериме знал русский язык, русскую литературу, занимался переводами Пушкина, Гоголя, Тургенева, писал статьи о творчестве русских писателей.

Мериме написал множество новелл. Самые знаменитые из них «Маттео Фальконе», «Венера Илльская», «Коломбо», «Арсена Гийо», «Кармен», «Голубая комната», «Локис». На сюжет новеллы «Кармен» французский композитор Жорж Бизе написал гениальную оперу, обошедшую сцены крупнейших театров мира, в том числе и Большого театра в Москве, и до сих пор входящую в оперный репертуар.

Новеллы Мериме давно стали достоянием мировой культуры. Они принадлежат к её лучшим и вечно живым образцам.

### Проверьте себя

Какие произведения Мериме вы читали? Слушали ли вы оперу Бизе «Кармен»? Какое впечатление она на вас произвела?

* * *

Прочитайте новеллу Мериме «Маттео Фальконе». Расскажите о нравах корсиканцев. Какой общественно-бытовой уклад изобразил Мериме? Какова сила традиций в корсиканской среде?

## МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Если пойти на северо-запад от Порто-Веккьо[1] в глубь острова, то местность начнёт довольно круто подниматься, и после трёхчасовой ходьбы по извилистым тропкам, загромождённым большими обломками скал и кое-где пересечённым оврагами, выйдешь к обширным зарослям *маки́*. *Маки́* — родина корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, не желая брать на себя труд унаваживать своё поле, выжигает часть леса: не его забота, если огонь распространится дальше, чем это нужно; что бы там ни было, он уверен, что получит хороший урожай на земле, удобренной золой сожжённых деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как её трудно убирать), корни деревьев, оставшиеся в земле нетронутыми, пускают на следующую весну частые побеги; через несколько лет они достигают высоты в семь-восемь футов. Вот эта-то густая поросль и называется *маки*. Она состоит из самых разнообразных деревьев и кустарников, перепутанных как попало. Только с топором в руке человек может проложить в них путь; а бывают *маки* такие густые и непроходимые, что даже муфлоны[2] не могут пробраться сквозь них.

Если вы убили человека, бегите в *маки* Порто-Веккьо, и вы проживёте там в безопасности, имея при себе доброе ружьё, порох и пули; не забудьте прихватить с собой коричневый плащ с капюшоном — он заменит вам и одеяло и подстилку. Пастухи дадут вам молока, сыра и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родственников убитого, если только не появится необходимость спуститься в город, чтобы пополнить запасы пороха.

Когда в 18.. году я посетил Корсику, дом Маттео Фальконе находился в полумиле от этого *маки*. Маттео Фальконе был довольно богатый человек по тамошним

---

[1] *По́рто-Ве́ккьо* — город и порт на юго-восточном побережье Корсики.
[2] *Муфло́ны* — порода диких баранов.

местам; он жил честно, то есть ничего не делая, на доходы от своих многочисленных стад, которые пастухи-кочевники пасли в горах, перегоняя с места на место. Когда я увидел его два года спустя после того происшествия, о котором я намереваюсь рассказать, ему нельзя было дать более пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с вьющимися чёрными как смоль волосами, орлиным носом, тонкими губами, большими живыми глазами и лицом цвета невыделанной кожи. Меткость, с которой он стрелял из ружья, была необычной даже для этого края, где столько хороших стрелков. Маттео, например, никогда не стрелял в муфлона дробью, но на расстоянии ста двадцати шагов убивал его наповал выстрелом в голову или в лопатку — по своему выбору. Ночью он владел оружием так же свободно, как и днём. Мне рассказывали о таком примере его ловкости, который мог бы показаться неправдоподобным тому, кто не бывал на Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставили зажжённую свечу за листом прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, и спустя минуту в полной темноте он стрелял и три раза из четырёх пробивал бумагу.

Такое необыкновенно высокое искусство доставило Маттео Фальконе большую известность. Его считали таким же хорошим другом, как и опасным врагом; впрочем, услужливый для друзей и щедрый к бедным, он жил в мире со всеми в округе Порто-Веккьо. Но о нём рассказывали, что в Корте[1], откуда он взял себе жену, он жестоко расправился с соперником, который слыл за человека опасного, как на войне, так и в любви; по крайней мере, Маттео приписывали выстрел из ружья, который настиг соперника в ту минуту, когда тот брился перед зеркальцем, висевшим у окна. Когда эту историю замяли, Маттео женился. Его жена Джузеппа родила ему сначала трёх дочерей (что приводило его в ярость) и нако-

[1] *Ко́рте* — город в центре Корсики.

нец сына, которому он дал имя Фортунато[1], — надежду семьи и продолжателя рода. Дочери были удачно выданы замуж: в случае чего отец мог рассчитывать на кинжалы и карабины зятьёв. Сыну исполнилось только десять лет, но он подавал уже большие надежды.

Однажды ранним осенним утром Маттео с женой отправились в *маки* поглядеть на свои стада, которые паслись на прогалине. Маленький Фортунато хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, кому-нибудь надо было остаться стеречь дом, и отец не взял его с собой. Из дальнейшего будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Прошло уже несколько часов, как они ушли; маленький Фортунато спокойно лежал на самом солнцепёке и, глядя на голубые горы, думал, что в будущее воскресенье он пойдёт обедать в город к своему дяде *caporale*[2], как вдруг его размышления были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в сторону равнины, откуда донёсся этот звук. Снова через неравные промежутки времени послышались выстрелы, всё ближе и ближе; наконец на тропинке, ведущей от равнины к дому Маттео, показался человек, покрытый лохмотьями, обросший бородой, в остроконечной шапке, какие носят горцы. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на ружьё. Его только что ранили в бедро.

Это был бандит[3], который, отправившись ночью в город за порохом, попал в засаду корсиканских вольтижёров[4]. Он яростно отстреливался и в конце концов сумел спастись от погони, прячась за уступы скал. Но он не на-

---

[1] *Фортуна́то* — счастливчик.

[2] *Caporale* — капрал. Капралами прежде назывались предводители, которых выбирали корсиканские коммуны, восставшие против феодальных сеньоров. В настоящее время так иногда называют человека, который благодаря своим владениям, связям и обширной клиентуре пользуется влиянием и обладает своего рода судебной властью в кантоне.

[3] *Банди́т* — здесь: скрывающийся преступник.

[4] *Вольтижёры* — отряды стрелков, в те времена набираемые правительством для того, чтобы они заодно с жандармами помогали полиции.

много опередил солдат: рана не позволила ему добежать до *маки*.

Он подошёл к Фортунато и спросил:

— Ты сын Маттео Фальконе?

— Да.

— Я Джаннетто Санпьеро. За мной гонятся жёлтые воротники[1]. Спрячь меня, я не могу больше идти.

— А что скажет отец, если я спрячу тебя без его разрешения?

— Он скажет, что ты хорошо сделал.

— Как знать!

— Спрячь меня скорей, они идут сюда!

— Подожди, пока вернётся отец.

— Ждать? Проклятье! Да они будут здесь через пять минут. Ну же, спрячь меня скорей, а не то я убью тебя!

Фортунато ответил ему с полным хладнокровием:

— Ружьё твоё разряжено, а в твоей *carchera*[2] нет больше патронов.

— При мне кинжал.

— Где тебе угнаться за мной!

Одним прыжком он очутился вне опасности.

— Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь, чтобы меня схватили возле твоего дома?

Это, видимо, подействовало на мальчика.

— А что ты мне дашь, если я спрячу тебя? — спросил он, приближаясь.

Бандит пошарил в кожаной сумке, висевшей у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, вероятно, припрятал, чтобы купить пороху. Фортунато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил её и сказал Джаннетто:

— Не бойся ничего.

Тотчас же он сделал большое углубление в копне сена, стоявшей возле дома. Джаннетто свернулся в нём клуб-

---

[1] *Жёлтые воротники* — в то время вольтижёры носили коричневые мундиры с жёлтыми воротниками.

[2] *Carchera* — кожаный пояс, заменяющий патронташ и сумку.

ком, и мальчик прикрыл его сеном так, чтобы воздух проникал туда и ему было чем дышать. Никому бы и в голову не пришло, что в копне кто-то спрятан. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал ещё одну уловку. Он притащил кошку с котятами и положил её на сено, чтобы казалось, будто его давно уже не ворошили. Потом, заметив следы крови на тропинке у дома, он тщательно засыпал их землёй и снова как ни в чём не бывало растянулся на солнцепёке.

Несколько минут спустя шестеро стрелков в коричневой форме с жёлтыми воротниками под командой сержанта уже стояли перед домом Маттео. Этот сержант приходился дальним родственником Фальконе. (Известно, что на Корсике более чем где-либо считаются с родством.) Его звали Теодоро Гамба. Это был очень деятельный человек, гроза бандитов, которых он переловил немало.

— Здорово, племянничек! — сказал он, подходя к Фортунато. — Как ты вырос! Не проходил ли тут кто-нибудь сейчас?

— Ну, дядя, я ещё не такой большой, как вы! — ответил мальчик с простодушным видом.

— Подрастёшь! Ну, говори же: тут никто не проходил?

— Проходил ли здесь кто-нибудь?

— Да, человек в остроконечной бархатной шапке и в куртке, расшитой красным и жёлтым.

— Человек в остроконечной бархатной шапке и куртке, расшитой красным и жёлтым?

— Да. Отвечай скорей и не повторяй моих вопросов.

— Сегодня утром мимо нас проехал священник на своей лошади Пьеро. Он спросил, как поживает отец, и я ответил ему...

— Ах, шельмец! Ты хитришь! Отвечай скорей, куда девался Джаннетто, мы его ищем. Он прошёл по этой тропинке, я в этом уверен.

— Почём я знаю?

— Почём ты знаешь? А я вот знаю, что ты его видел.

— Разве видишь прохожих, когда спишь?

— Ты не спал, плут! Выстрелы разбудили тебя.

— Вы думаете, дядюшка, что ваши ружья так громко стреляют? Отцовский карабин стреляет куда громче.

— Чёрт бы тебя побрал, проклятое отродье! Я уверен, что ты видел Джаннетто. Может быть, даже спрятал его. Ребята! Входите в дом, поищите там нашего беглеца. Он ковылял на одной лапе, а у этого мерзавца слишком много здравого смысла, чтобы попытаться дойти до *маки* хромая. Да и следы крови кончаются здесь.

— А что скажет отец? — спросил Фортунато насмешливо. — Что он скажет, когда узнает, что без него входили в наш дом?

— Мошенник! — сказал Гамба, хватая его за ухо. — Стоит мне только захотеть, и ты запоёшь по-иному! Следует, пожалуй, дать тебе десятка два ударов саблей плашмя, чтобы ты наконец заговорил.

А Фортунато продолжал посмеиваться.

— Мой отец — Маттео Фальконе! — сказал он значительно.

— Знаешь ли ты, плутишка, что я могу увезти тебя в Корте или в Бастию[1], бросить в тюрьму на солому, заковать в кандалы и отрубить голову, если ты не скажешь, где Джаннетто Санпьеро?

Мальчик расхохотался, услышав такую смешную угрозу. Он повторил:

— Мой отец — Маттео Фальконе.

— Сержант! — тихо сказал один из вольтижёров. — Не надо ссориться с Маттео.

Гамба был явно в затруднении. Он вполголоса переговаривался с солдатами, которые успели уже осмотреть весь дом. Это заняло не так много времени, потому что жилище корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Стол, скамейки, сундуки, домашняя утварь и охотничьи принадлежности — вот и вся его обстановка. Маленький Фортунато гладил тем временем кошку и, ка-

[1] *Ба́стия* — город и порт на северо-восточном побережье Корсики.

залось, ехидствовал над замешательством вольтижёров и дядюшки.

Один из солдат подошёл к копне сена. Он увидел кошку и, небрежно ткнув штыком в сено, пожал плечами, как бы сознавая, что такая предосторожность нелепа. Ничто не пошевелилось, лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд теряли терпение; они уже поглядывали на равнину, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, но тут их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого впечатления на сына Фальконе, решил сделать последнюю попытку и испытать силу ласки и подкупа.

— Племянник! — проговорил он. — Ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдёшь далеко. Но, чёрт побери, ты ведёшь со мной дурную игру, и, если б не боязнь огорчить моего брата Маттео, я увёл бы тебя с собой.

— Ещё чего!

— Но когда Маттео вернётся, я расскажу ему всё, как было, и за твою ложь он хорошенько выпорет тебя.

— Посмотрим!

— Вот увидишь... Но слушай: будь умником, и я тебе что-то дам.

— А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете медлить, Джаннетто уйдёт в *маки*, и тогда потребуется ещё несколько таких молодчиков, как вы, чтобы его догнать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, что глаза маленького Фортунато загорелись при виде их, сказал ему, держа часы на весу за конец стальной цепочки:

— Плутишка! Тебе бы, наверно, хотелось носить на груди такие часы, ты прогуливался бы по улицам Порто-Веккьо гордо, как павлин, и когда прохожие спрашивали бы у тебя: «Который час?» — ты отвечал бы: «Поглядите на мои часы».

— Когда я вырасту, мой дядя капрал подарит мне часы.

— Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые, как эти... а ведь он моложе тебя.

Мальчик вздохнул.

— Ну что ж, хочешь ты получить эти часы, племянничек?

Фортунато, искоса поглядывавший на часы, походил на кота, которому подносят целого цыплёнка. Чувствуя, что его дразнят, он не решается запустить в него когти, время от времени отводит глаза, чтобы устоять против соблазна, поминутно облизывается и всем своим видом словно говорит хозяину: «Как жестока ваша шутка!»

Однако сержант Гамба, казалось, и впрямь решил подарить ему часы. Фортунато не протянул руки за ними, но сказал ему с горькой усмешкой:

— Зачем вы смеётесь надо мной?

— Ей-богу, не смеюсь. Скажи только, где Джаннетто, и часы твои.

Фортунато недоверчиво улыбнулся, его чёрные глаза впились в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно верить его словам.

— Пусть с меня снимут эполеты, — вскричал сержант, — если ты не получишь за это часы! Солдаты будут свидетелями, что я не откажусь от своих слов.

Говоря так, он всё ближе и ближе подносил часы к Фортунато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. Лицо Фортунато явно отражало вспыхнувшую в его душе борьбу между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась — казалось, он сейчас задохнётся. А часы покачивались перед ним, вертелись, то и дело задевая кончик его носа. Наконец Фортунато нерешительно потянулся к часам, пальцы правой руки коснулись их, часы легли на его ладонь, хотя сержант всё ещё не выпускал из рук цепочку... Голубой циферблат... Ярко начищенная крышка... Она огнём горит на солнце... Искушение было слишком велико.

Фортунато поднял левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, к которой он прислонился. Сержант сразу понял его. Он отпустил конец цепочки, и Фортунато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он вскочил стремительнее лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижёры принялись тотчас же раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из копны; он попытался стать на ноги, но запёкшаяся рана не позволила ему этого. Он упал. Сержант бросился на него и вырвал кинжал. Его сейчас же связали по рукам и ногам, несмотря на сопротивление.

Лёжа на земле, скрученный, как вязанка хвороста, Джаннетто повернул голову к Фортунато, который подошёл к нему.

— ...сын! — сказал он скорее презрительно, чем гневно.

Мальчик бросил ему серебряную монету, которую получил от него, — он сознавал, что уже не имеет на неё права, — но преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С полным хладнокровием он сказал сержанту:

— Дорогой Гамба! Я не могу идти; вам придётся нести меня до города.

— Ты только что бежал быстрее козы, — возразил жестокий победитель. — Но будь спокоен: от радости, что ты наконец попался мне в руки, я бы пронёс тебя на собственной спине целую милю, не чувствуя усталости. Впрочем, приятель, мы сделаем для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи найдём лошадей.

— Ладно, — молвил пленник, — прибавьте только немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее.

Пока вольтижёры были заняты — кто приготовлением носилок из ветвей каштана, кто перевязкой раны Джаннетто, — на повороте тропинки, ведшей в *маки*, вдруг по-

явились Маттео Фальконе и его жена. Женщина с трудом шла, согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шагал налегке с одним ружьём в руках, а другим — за спиной, ибо никакая ноша, кроме оружия, недостойна мужчины.

При виде солдат Маттео прежде всего подумал, что они пришли его арестовать. Откуда такая мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с властями? Нет, имя его пользовалось доброй славой. Он был, что называется, благонамеренным обывателем, но в то же время корсиканцем и горцем, а кто из корсиканцев-горцев, хорошенько порывшись в памяти, не найдёт у себя в прошлом какого-нибудь грешка: ружейного выстрела, удара кинжалом или тому подобного пустячка? Совесть Маттео была чище, чем у кого-либо, ибо вот уже десять лет, как он не направлял дула своего ружья на человека, но всё же он был настороже и приготовился стойко защищаться, если это понадобится.

— Жена! — сказал он Джузеппе. — Положи мешок и будь наготове.

Она тотчас же повиновалась. Он передал ей ружьё, которое висело у него за спиной и могло ему помешать. Второе ружьё он взял на прицел и стал медленно приближаться к дому, держась ближе к деревьям, окаймлявшим дорогу, готовый при малейшем враждебном действии укрыться за самый толстый ствол, откуда он мог бы стрелять из-за прикрытия. Джузеппа шла за ним следом, держа второе ружьё и патронташ. Долг хорошей жены — во время боя заряжать ружьё для своего мужа.

Сержанту тоже стало как-то не по себе, когда он увидел медленно приближавшегося Маттео с ружьём наготове и пальцем на курке.

«А что, — подумал он, — если Маттео — родственник или друг Джаннетто и захочет его защищать? Тогда двое из нас наверняка получат пули двух его ружей, как письма с почты. Ну а если он прицелится в меня, несмотря на наше родство?..»

Наконец он принял смелое решение — пойти навстречу Маттео и, как старому знакомому, рассказать ему обо всём случившемся. Однако короткое расстояние, отделявшее его от Маттео, показалось ему ужасно длинным.

— Эй, приятель! — закричал он. — Как поживаешь, дружище? Это я, Гамба, твой родственник!

Маттео, не говоря ни слова, остановился; пока сержант говорил, он медленно поднимал дуло ружья так, что оно оказалось направленным в небо в тот момент, когда сержант приблизился.

— Добрый день, брат! — сказал сержант, протягивая ему руку. — Давненько мы не виделись.

— Добрый день, брат!

— Я зашёл мимоходом поздороваться с тобой и сестрицей Пеппой. Сегодня мы сделали изрядный конец, но у нас слишком знатная добыча, и мы не можем жаловаться на усталость. Мы только что накрыли Джаннетто Сапьеро.

— Слава Богу! — вскричала Джузеппа. — На прошлой неделе он увёл у нас дойную козу.

Эти слова обрадовали Гамбу.

— Бедняга! — отозвался Маттео. — Он был голоден!

— Этот негодяй защищался как лев, — продолжал сержант, слегка раздосадованный. — Он убил одного моего стрелка и раздробил руку капралу Шардону; ну, да это беда невелика: ведь Шардон — француз... А потом он так хорошо спрятался, что сам дьявол не сыскал бы его. Если бы не мой племянник Фортунато, я никогда бы его не нашёл.

— Фортунато? — вскричал Маттео.

— Фортунато? — повторила Джузеппа.

— Да! Джаннетто спрятался вон в той копне сена, но племянник раскрыл его хитрость. Я расскажу об этом его дяде капралу, и тот пришлёт ему в награду хороший подарок. А я упомяну и его и тебя в донесении на имя прокурора.

— Проклятье! — чуть слышно произнёс Маттео.

Они подошли к отряду. Джаннетто лежал на носилках, его собирались унести. Увидев Маттео рядом с Гамбой, он как-то странно усмехнулся, а потом, повернувшись лицом к дому, плюнул на порог и сказал:

— Дом предателя!

Только человек, обречённый на смерть, мог осмелиться назвать Фальконе предателем. Удар кинжала немедленно отплатил бы за оскорбление, и такой удар не пришлось бы повторять.

Однако Маттео поднёс только руку ко лбу, как человек, убитый горем.

Фортунато, увидев отца, ушёл в дом. Вскоре он снова появился с миской молока в руках и, опустив глаза, протянул её Джаннетто.

— Прочь от меня! — громовым голосом закричал арестованный.

Затем, обернувшись к одному из вольтижёров, он промолвил:

— Товарищ! Дай мне напиться.

Солдат подал ему флягу, и бандит отпил воду, поднесённую рукой человека, с которым он только что обменялся выстрелами. Потом он попросил не скручивать ему руки за спиной, а связать их крестом на груди.

— Я люблю лежать удобно, — сказал он.

Его просьбу с готовностью исполнили; затем сержант подал знак к выступлению, простился с Маттео и, не получив ответа, быстрым шагом двинулся к равнине.

Прошло около десяти минут, а Маттео всё молчал. Мальчик тревожно поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружьё, смотрел на сына с выражением сдержанного гнева.

— Хорошо начинаешь! — сказал наконец Маттео голосом спокойным, но страшным для тех, кто знал этого человека.

— Отец! — вскричал мальчик; глаза его наполнились слезами, он сделал шаг вперёд, как бы собираясь упасть перед ним на колени.

Но Маттео закричал:

— Прочь!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Подошла Джузеппа. Ей бросилась в глаза цепочка от часов, конец которой торчал из-под рубашки Фортунато.

— Кто дал тебе эти часы? — спросила она строго.

— Дядя сержант.

Фальконе выхватил часы и, с силой швырнув о камень, разбил их вдребезги.

— Жена! — сказал он. — Мой ли это ребёнок?

Смуглые щёки Джузеппы стали краснее кирпича.

— Опомнись, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

— Значит, этот ребёнок первый в нашем роду стал предателем.

Рыдания и всхлипывания Фортунато усилились, а Фальконе по-прежнему не сводил с него своих рысьих глаз. Наконец он стукнул прикладом о землю и, вскинув ружьё на плечо, пошёл по дороге в *маки*, приказав Фортунато следовать за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа бросилась к Маттео и схватила его за руку.

— Ведь это твой сын! — вскрикнула она дрожащим голосом, впиваясь чёрными глазами в глаза мужа и словно пытаясь прочесть то, что творилось в его душе.

— Оставь меня, — сказал Маттео. — Я его отец!

Джузеппа поцеловала сына и, плача, вернулась в дом. Она бросилась на колени перед образом Богоматери и стала горячо молиться. Между тем Фальконе, пройдя шагов двести по тропинке, спустился в небольшой овраг. Попробовав землю прикладом, он убедился, что земля рыхлая и что копать её будет легко. Место показалось ему пригодным для исполнения его замысла.

— Фортунато! Стань у того большого камня.

Исполнив его приказание, Фортунато упал на колени.

— Молись!

— Отец! Отец! Не убивай меня!

«Маттео Фальконе». *Художник А. Зусман*

— Молись! — повторил Маттео грозно.

Запинаясь и плача, мальчик прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец в конце каждой молитвы твёрдо произносил «аминь».

— Больше ты не знаешь молитв?

— Отец! Я знаю ещё «Богородицу» и литанию, которой научила меня тётя.

— Она очень длинная... Ну всё равно, читай.

Литанию мальчик договорил совсем беззвучно.

— Ты кончил?

— Отец, пощади! Прости меня! Я никогда больше не буду! Я попрошу дядю капрала, чтобы Джаннетто помиловали!

Он лепетал ещё что-то; Маттео вскинул ружьё и, прицелившись, сказал:

— Да простит тебя Бог!

Фортунато сделал отчаянное усилие, чтобы встать и припасть к ногам отца, но не успел. Маттео выстрелил, и мальчик упал мёртвый.

Даже не взглянув на труп, Маттео пошёл по тропинке к дому за лопатой, чтобы закопать сына. Не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел Джузеппу, она бежала, встревоженная выстрелом.

— Что ты сделал? — воскликнула она.

— Свершил правосудие.

— Где он?

— В овраге. Я сейчас похороню его. Он умер христианином. Я закажу по нему панихиду. Надо сказать зятю, Теодору Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.

## Размышляем о прочитанном

1. Почему именно так названа новелла, ведь в ней рассказывается и о других героях?
2. Чем интересна земля *маки*? Что сразу может насторожить читателя?
3. Какие качества характера Маттео Фальконе принесли ему необыкновенную известность?
4. Как вёл себя Фортунато с бандитом и с полицейскими? Как отнёсся Маттео к поступку сына? Что его особенно возмутило и почему он произнёс: «Мой ли это ребёнок?»

## Творческое задание

Чем заканчивается новелла? Как бы вы оценили характеры и поступки героев этой новеллы? Сочетается ли романтика, окружающая Маттео Фальконе, с уродливостью сознания, порождённого окружающей дикостью? Свой ответ подтвердите примерами из прочитанной вами новеллы.

Подготовьте устный или письменный развёрнутый ответ на этот вопрос. Свой ответ подтвердите примерами из прочитанной вами новеллы.

### Сравним прозаический и стихотворный тексты

«Проза и стихи требуют различного исполнения.

„Стих нужен человеку, — разъяснял поэт Валерий Брюсов, — потому что у него есть потребность сказать иные речи более выразительно, чем то может разговорный язык. Стихотворная речь достигает этой цели тем, что делит речь на определённые, легко обозримые части. Стих есть некоторое целое... ему дана поэтом обособленная жизнь. Ошибается тот, кто при чтении вслух не отмечает этой целостности стиха".

Действительно, легко заметить, что, как бы стихотворная речь произведения ни приближалась к прозаической, она никогда не может совершенно ей уподобиться и уподобляться не должна.

Вот отрывок из повести Мериме „Маттео Фальконе", в котором рассказывается, как подкупленный жандармом мальчик Фортунато, сын Маттео, выдал спрятанного беглеца и был за то казнён отцом.

Жандарм беседует с родителями Фортунато:

„ — Он так хорошо запрятался, что не будь здесь маленького Фортунато, я никогда бы не нашёл его.

— Фортунато! — вскричал Маттео.

— Фортунато! — повторила Джузеппа.

— Да, Санпьеро спрятался в этой копне сена, но мой племянничек раскрыл эту хитрость. И его и твоё имя будут в рапорте...

— Проклятье! — тихо произнёс Маттео".

Жуковский сделал стихотворный пересказ этой повести, в котором это место изложено так:

„...От нас бы верно
Он ускользнул, когда б не Фортунато,
Мальчишка твой, помог нам". —
„Фортунато!" —
Маттео вскрикнул. — „Фортунато!" — мать
Со страхом повторила. — „Да, Санпьеро

Здесь в сене спрятался, а Фортунато
Его и выдал нам, за это всё вы
Получите спасибо от начальства".
Холодным потом обдало Маттео...

Несмотря на всю близость стихов Жуковского к прозе, отличие стихового рассказа совершенно явно. Мерное чередование ударений, попадающих лишь на чётные слоги, создаёт ритмическую инерцию и заставляет иначе воспринимать те словосочетания, которые в прозаическом контексте не обнаруживали своего „стихового склада"».

*Г. В. Артоболевский. «Художественное чтение»*

## Творческое задание

Найдите полный текст стихотворного переложения новеллы, исполненного В. А. Жуковским. Прочитайте его, сравните с прозаическим переводом новеллы. В чём различие характеров персонажей в стихотворном и прозаическом переводах? Какие способы выражения авторского отношения к персонажу используют поэт и прозаик? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на эти вопросы.

## Антуан де Сент-Экзюпери
## 1900—1944

Антуан де Сент-Экзюпери — выдающийся писатель современности, произведения которого наполнены раздумьями о современном мире: о неповторимости и хрупкости красоты, о беспредельных духовных возможностях человека, о необходимости объединения людей на основе любви, взаимопонимания и уважения, об ответственности каждого человека за свои поступки и за свою планету. Поэтизация подвига, всепоглощающая любовь к жизни во всех её проявлениях, гордость за человека, который является мерилом всех её ценностей, умение раскрыть героическое в будничном, стремление осмыслить своё время и своё место в нём отличают творчество французского гуманиста.

Сент-Экзюпери — выходец из аристократической семьи — с детства увлекался искусством, литературой и техникой. Детские мечты воплотились в реальность. Сент-Экзюпери стал известным лётчиком и писателем с мировым именем. В 20-е годы он учился в Школе изящных искусств, откуда ушёл служить в армию, где приобрёл профессию пилота. Мудрый мечтатель в своих литературных произведениях, Сент-Экзюпери и в реальной жизни не расставался с романтикой. Он прокладывал и осваивал новые воздушные трассы над Сахарой, Атлантикой и Южной Америкой, испытывал новые самолёты, несколько раз терпел аварии, был тяжело ранен, но не потерял веры в свои духовные, физические и творческие силы. Всё своё свободное время Сент-Экзюпери уделял журналистике и литературе. Профессия авиатора накладывала определённый отпечаток на художественное

творчество Сент-Экзюпери. И это касалось не только тематики, вращающейся вокруг лётных тем, но и того особого, отстранённого от обыденности ощущения окружающего мира, которое может испытать только человек, половину жизни проводящий в небе, близкий к звёздам. Первый свой рассказ «Лётчик» (1926) Сент-Экзюпери посвятил любимой авиации, людям, сидящим за штурвалом самолёта, и до конца жизни он не уходил от этой темы. «Для меня летать и писать — одно и то же... Авиатор и писатель сливаются: оба в равной мере познают мир», — писал Сент-Экзюпери. События современности, человеческие поступки писатель рассматривал с точки зрения нравственных общечеловеческих проблем.

Его произведения зачастую соединяют в себе документальный репортаж с философскими размышлениями о человеке, с психологическим анализом его поступков, с поэтическими пейзажными зарисовками. В романе «Ночной полёт» (1931) рассказано о трагической гибели экипажа самолёта почтовой авиации из-за мощного циклона, неожиданно обрушившегося на Южную Америку. Бытовые подробности уступают в нём место рассказу о человеческом мужестве, о духовной силе, побеждающей страх смерти. За этот роман писатель получил премию «Фелина».

Книга «Планета людей» (1939) отмечена Большой премией Французской академии искусств. Произведение наполнено лирическими раздумьями автора о пережитом, мыслями и высказываниями о лётчиках и о земле, которая открывается перед ними в полёте. В небе человек особенно остро ощущает и свою хрупкую уязвимость, и глубокую связь со всем человечеством. Писатель отрицательно относился к современной цивилизации, где машины ценятся больше людей. Человек в таком мире теряет своё лицо, теряет связь с окружающими. Спасение человечества писатель видит в нравственном самоусовершенствовании, в деятельности, направленной на службу людям.

С ненавистью воспринял Сент-Экзюпери пришествие в Европу фашистов. В 1937 году он пишет ряд репортажей с фронтов сражающейся за свою свободу Испании. Он разоблачает фашистский режим, все те неисчислимые бедствия, которые несёт его

идеология. В годы Второй мировой войны Сент-Экзюпери сражается с фашистскими оккупантами как лётчик и как писатель. В «Военном лётчике» (1942) и «Письмах к заложнику» (1943) он с уверенностью предрекает победу демократических сил над фашистской диктатурой.

31 июля 1944 года Сент-Экзюпери трагически погиб, выполняя боевое задание — разведывательный полёт над Средиземным морем.

Всемирную известность принесла Сент-Экзюпери философская сказка «Маленький принц» (1943). Эта мудрая притча обращена и к детям, и к взрослым. С глубоким страданием взирает писатель на пороки окружающего мира, наполненного жестокостью, отсутствием идеалов, непониманием между людьми. Однако Сент-Экзюпери уверен, что красота и чистота человеческих отношений могут победить мировое зло. С грустной, мечтательной улыбкой повествует писатель о радостях и огорчениях своего героя — Маленького принца, хозяина маленькой планеты. Его образ — это средоточие всего лучшего в человеке, особенно отчётливо проявляющегося в душе ребёнка. Сказка «Маленький принц», как и другие произведения Сент-Экзюпери, говорит о важности взаимопонимания между людьми, об ответственности каждого человека за всё добро и зло, что творятся в мире.

### Проверьте себя

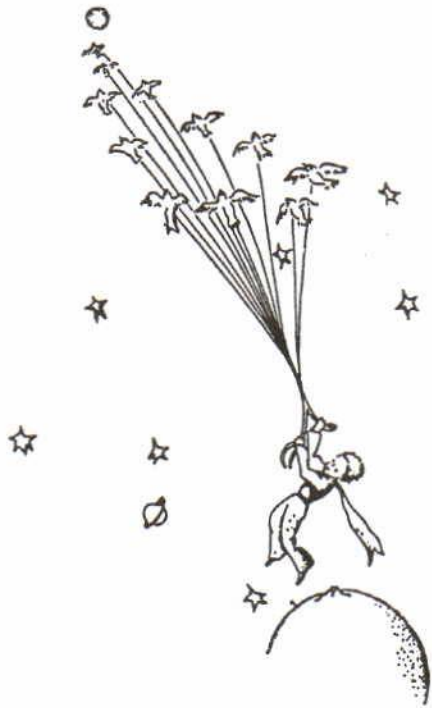
1. Чем интересен и чем необычен французский писатель Сент-Экзюпери? Что было самым главным в книгах этого писателя?
2. Используя материалы статьи учебника и ресурсы Интернета, подготовьте развёрнутое устное сообщение о жизни и творчестве А. де Сент-Экзюпери.

* * *

В учебнике напечатаны отдельные главы сказки. Постарайтесь, готовясь к беседе в классе, прочитать текст «Маленького принца» полностью.

# МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

*Отрывок из сказки с рисунками автора*



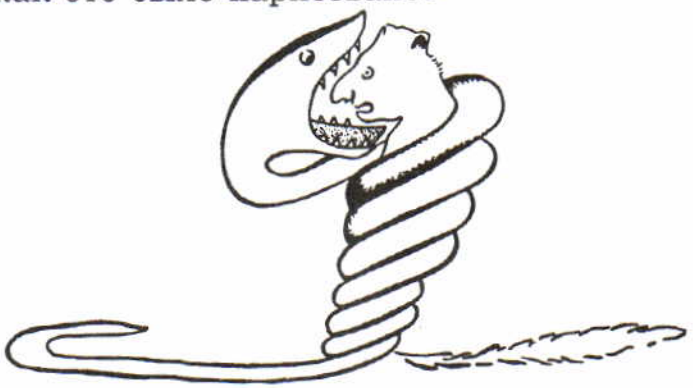
Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:



В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

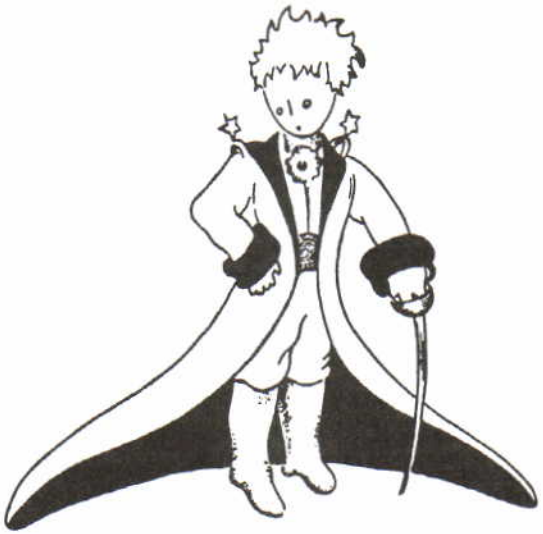
Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумнее и понятливее других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

## II

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хотя это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.



Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и на-

пуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться.

Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что я не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уж совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

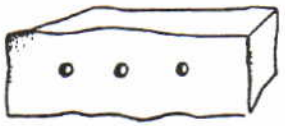
— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался.

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорее разобрать мотор — и нацарапал вот что:



И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нём сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

## III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

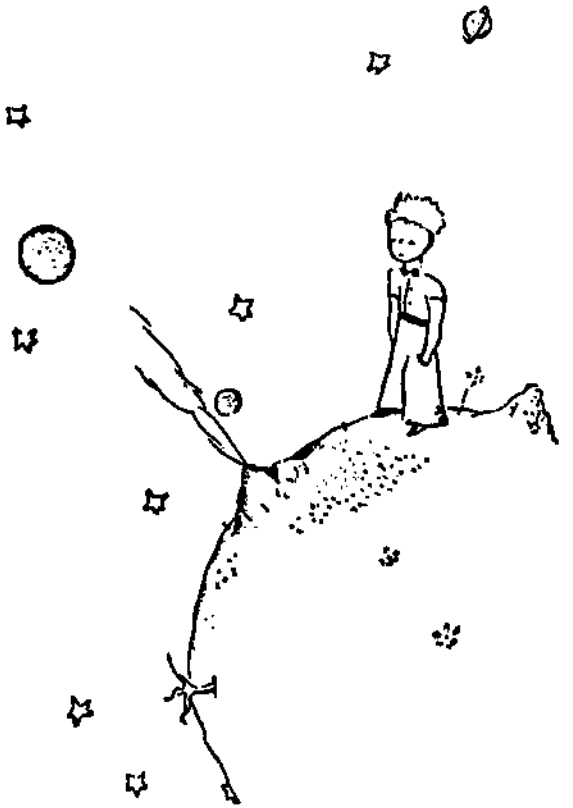
— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.



Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень мало места. — И прибавил не без грусти: — Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

## VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест всё, что попадётся.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение моё становилось серьёзным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьёзным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьёзным делом?!

Он всё смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Всё ты путаешь... Ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьёзный! Я человек серьёзный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьёзное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьёзнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растёт только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмёт и съест его и даже не будет знать, что натворил? И это всё, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой цветок...» Но если барашек съест его, это всё равно как если бы все звёзды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

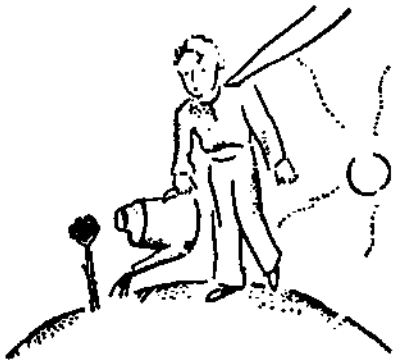
Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете — на моей планете, по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на

руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я не знал, что ещё ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз.

## VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесённого неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нём появился бутон. Маленький принц никогда ещё не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. Аневедомая гостья, ещё скрытая в стенах своей зелёной комнатки, всё готовилась, всё прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрёпанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты! Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днём. И вот наконец однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позёвывая:



— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я ещё совсем растрёпанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У неё было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обиженно заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неуютная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зёрнышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко могут ули-

чить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

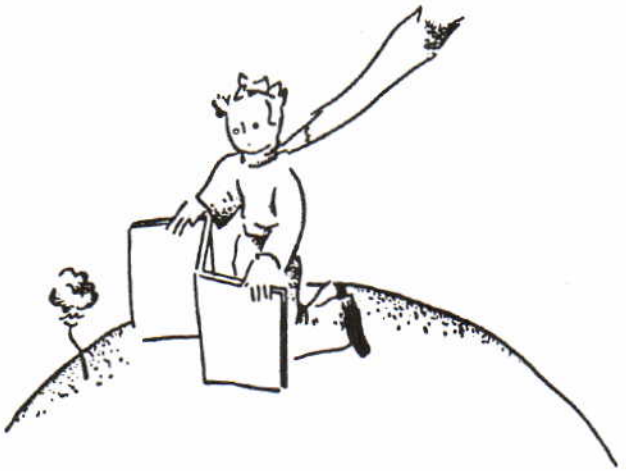
Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я её слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И ещё он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими



хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

## IX

Как я понял, он решил странствовать с перелётными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо почистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — всё равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернётся. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрёка. Маленький принц был очень удивлён. Он застыл, смущённый и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдёт мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

## *Размышляем о прочитанном*

1. Вы прочитали сказку Сент-Экзюпери «Маленький принц». О ком и о чём эта сказка? Кто её герои? Расскажите о каждом из них.
2. Что в этом произведении сказочного и что реального?
3. О чём узнаёт Маленький принц и мы вместе с ним?

## Творческое задание

Сказка напоминает взрослым о том, что и они были детьми, что нельзя забывать о детстве, потому что дети острее чувствуют и иногда глубже, чем взрослые, понимают жизнь. Что же в сказке (слова, поступки героев, взаимоотношения) говорит об этом?

## Проект

Составьте сборник литературных сказок, включите в книгу прочитанные вами сказки. Подготовьте развёрнутую аннотацию к сборнику. Подберите иллюстрации разных художников для художественного оформления книги.

## Фонохрестоматия

(((( СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ))))

### А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»

1. Почему Маленький принц расстроился, когда попал в сад, полный роз? Как это выразилось в чтении актрисы?
2. О чём рассказал Лис Маленькому принцу? Как более точно вы назвали бы то, что Лис называет «приручением»?
3. Как вы считаете, та роза, что выросла на планете Маленького принца, была единственной или такой же, как тысячи других?
4. Понятны ли вам суждения Лиса о том, что «слова только мешают понимать друг друга» и что «самого главного глазами не увидишь»?
5. Согласны ли вы с тем, что «ты всегда в ответе за тех, кого приручил...»? Знакомо ли это чувство вам?
6. Помогает ли музыка и чтение актрисы лучше понять содержание сказки? Каким образом (создаёт настроение, характеризует героя, обращает внимание на важные слова)?

## Литературные места России

### М. М. Пришвин

*Деревня Дунино*

(Одинцовский район Московской области)

Места в окрестностях древнего русского города Звенигорода издавна славятся своей красотой. Здесь провёл последние годы своей жизни писатель Михаил Михайлович Пришвин. Вместе с женой Валерией Дмитриевной Пришвин поселился в Дунине сра-

Дом-музей М. М. Пришвина в д. Дунино

Комната М. М. Пришвина в Дунине

зу после войны, в 1946 году, и прожил здесь до своей кончины в 1954 году. В этой подмосковной деревне писатель работал над романом «Осударева дорога», здесь была написана сказочная повесть «Корабельная чаща», ставшая продолжением сказки-были «Кладовая солнца». В Дунине у Пришвина бывали известные писатели, композиторы, художники.

В 1954 году в Дунине, в доме, где жил писатель, был открыт мемориальный литературный музей, филиал московского Литературного музея. В экспозиции музея — работы Пришвина-фотографа, вещи писателя, его охотничьи принадлежности, личный автомобиль.

Сохранился мемориальный сад, который Пришвин и его жена посадили своими руками, аллеи и тропинки, ведущие к живописным берегам реки Москвы.

Сотрудники музея ежегодно проводят Пришвинские чтения, на которые с сообщениями о результатах своей работы приезжают литературоведы, изучающие жизнь и творчество писателя.

Сайт музея в Интернете: http:www.prishvin.ru/

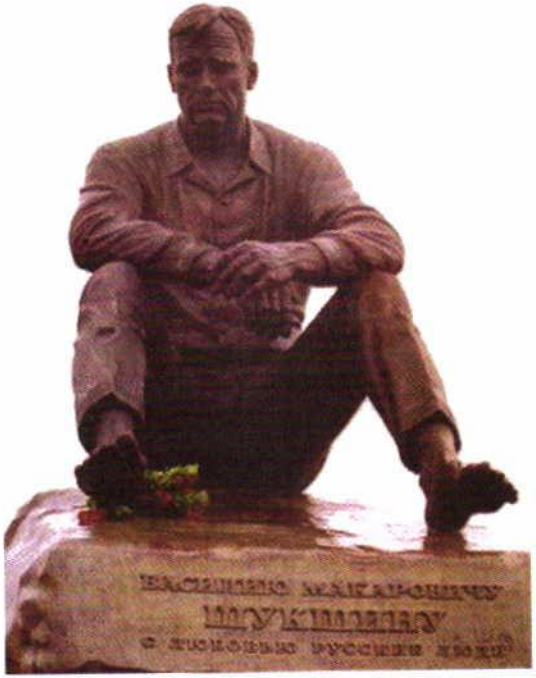
## В. М. Шукшин

### *Село Сростки*

(Бийский район Алтайского края)

Алтайское село Сростки — родина замечательного писателя, актёра и кинорежиссёра Василия Макаровича Шукшина. Сейчас это одно из мест литературного паломничества — сюда приезжают почитатели творчества писателя со всей России. В 1992 году в Сростках открыт Историко-мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина. В состав заповедника входят дом матери писателя (дом был куплен для неё сыном на гонорар за издание романа «Любавины») и здание бывшей школы, где учился, а позднее работал учителем Шукшин. В здании школы размещается экспозиция, посвящённая жизни и творчеству писателя.

Дом-музей В. М. Шукшина в с. Сростки



Памятник В. М. Шукшину в селе Сростки.
*Скульптор В. М. Клыков. 2004*

Ежегодно 25 июля, в день рождения писателя, в Сростках проводятся Шукшинские чтения, конференции, посвящённые его творчеству.

В 2004 году, в 75-летний юбилей писателя, недалеко от села, на горе Пикет, открыт памятник В. М. Шукшину, созданный скульптором В. М. Клыковым.

Сайт музея в Интернете: www:shukshin.museum.ru/history/

## Словарь имён

*известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника*

**Артоболе́вский** Георгий Владимирович (1898—1943) — актёр, чтец, теоретик искусства декламации. Автор книги «Художественное чтение».

**Вампи́лов** Александр Валентинович (1937—1972) — русский драматург, автор пьес «Прошлым летом в Чулимске», «Прощание в июне», «Утиная охота» и др.

**Лансере́** Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график и живописец; книжные иллюстрации художника отличаются затейливой декоративностью, изяществом рисунка, точной передачей настроения.

**Лихачёв** Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — литературовед и общественный деятель, академик Российской академии наук, крупнейший исследователь древней русской литературы, автор работ по истории русской культуры. Возглавлял правление Российского международного фонда культуры.

**Коро́вин** Валентин Иванович (род. в 1932 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о творчестве русских писателей XVIII—XX веков, учебников для школьников и студентов.

**Кузьми́н** Николай Васильевич (1890—1987) — художник-график, народный художник Российской Федерации; иллюстрации художника к произведениям А. С. Пушкина, Н. С. Лескова и других писателей отличает тонкая передача эмоционального состояния изображённых персонажей. Наиболее известны иллюстрации Н. Кузьмина к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

**Кукрыни́ксы** (коллективный псевдоним трёх художников: *Куприя́нова* Михаила Васильевича (1903—1991), *Крыло́ва* Порфирия Никитича (1902—1990), *Соколо́-*

*ва* Николая Александровича (1903—2000). Кукрыниксы — авторы иллюстраций к произведениям Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, М. Горького, мастера́ заострённой карикатуры, сатирического рисунка.

**Кусто́диев** Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, график, театральный художник. Создавал яркие, праздничные картины русского быта (картины «Масленица», «Ярмарка» и др.), иллюстрировал произведения классиков русской литературы.

**Паусто́вский** Константин Георгиевич (1892—1968) — писатель, мастер лирической прозы, передающей красоту среднерусской природы, тончайшие переживания людей. Известны его исторические повести, книги о людях искусства. Автор сказок для детей «Тёплый хлеб», «Похождения жука-носорога», «Дремучий медведь», «Заботливый цветок», «Квакша».

**Сави́цкий** Константин Аполлонович (1844—1905) — художник-живописец, запечатлел драматические стороны жизни русского народа. Наиболее известна картина «Ремонтные работы на железной дороге» (1874).

**Сурко́в** Алексей Александрович (1899—1983) — поэт, участник Великой Отечественной войны. Автор слов известной песни «В землянке» («Бьётся в тесной печурке огонь...»).

**Чалма́ев** Виктор Андреевич (род. в 1932 г.) — литературовед. Автор книг о И. С. Тургеневе, А. П. Платонове, М. А. Шолохове, Е. И. Носове и других писателях. Автор учебников для школьников и студентов.

**Чуко́вский** Корней Иванович (настоящие имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков) (1882—1969) — писатель, литературовед, доктор филологических наук. Автор популярных произведений для детей («Мойдодыр», «Тараканище», «Доктор Айболит» и др.). Исследователь творчества Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, У. Уитмена.

**Шкло́вский** Виктор Борисович (1893—1984) — писатель и литературовед. Автор книг о Л. Н. Толстом,

Ф. М. Достоевском, В. В. Маяковском, воспоминаний о писателях, его современниках.

**Шма́ринов** Дементий Алексеевич (1907—1990) — выдающийся художник-график, широко известны его иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, трагедиям У. Шекспира. Классикой российской книжной графики стали иллюстрации художника к прозаическим произведениям А. С. Пушкина — «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама».

**Аллего́рия** (*гр.* allēgoria, allos — иной и agoreuo — говорю) — иносказательное изображение предмета или явления с целью наглядно показать его существенные черты. Часто аллегория лежит в основе загадки: «Красна девица сидит в темнице, а коса на улице», пословицы: «Чем дальше в лес, тем больше дров», басни.

**Аллитера́ция** (*лат.* littera — буква) — повторение однородных согласных звуков, придающее тексту особую выразительность: «По корням упругим топор застучал».

**Амфибра́хий** (*гр.* amphi — кругом, brachys — краткий) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — безударный, ударный, безударный (— ´ —): «В песчаных степях аравийской земли...»

**Ана́пест** (*гр.* anapaistos — отражённый назад) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — два безударных, ударный (— — ´): «Я такого угла не видал...»

**Анекдо́т** (*гр.* anecdotos — неизданный) — краткий устный рассказ с остроумной концовкой.

**Аннота́ция** (*лат.* annotation — замечание) — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе.

**Антите́за** (*гр.* antithesis — противоречие, противоположение) — противопоставление образов, эпизодов, картин, слов. Антитеза помогает передать мысль и чувство, усиливает эмоциональность речи. Противопоставлены картины солнечного утра и вчерашнего вечера в стихотворении Пушкина «Зимнее утро».

**Балла́да** (*прованс.* ballar — плясать) — стихотворный рассказ на легендарную или историческую тему. Реаль-

ное в балладе нередко сочетается с фантастическим (см., например, «Воздушный корабль» Лермонтова).

**Ба́сня** — краткий иносказательный рассказ поучительного характера. Действующими лицами в басне часто выступают животные, предметы, в которых проявляются человеческие качества. Чаще всего басни пишут в стихах, но бывают и прозаические басни.

**Гекза́метр** (*гр.* hexametros — шестимерник) — античный стихотворный размер. В русском стихотворении гекзаметром называют размер стиха, в строках которого шесть раз повторяется группа из первого ударного и двух безударных слогов (дактиль): «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Этим размером русские поэты переводили поэмы Гомера.

**Геро́й** (литературный) — персонаж, действующее лицо, художественный образ человека в художественном произведении.

**Гипе́рбола** (*гр.* hyperbole — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета: «И растёт ребёнок там не по дням, а по часам».

**Да́ктиль** (*гр.* dactilos — палец) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — ударный и два безударных (´——): «Труд этот, Ваня, был страшно громаден...»

**Диало́г** (*гр.* dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. В пьесах, киносценариях диалог — основная форма раскрытия характеров. Диалог помогает показать человека в эпических произведениях, иногда встречается в лирических произведениях («Железная дорога» Н. А. Некрасова).

**Драмати́ческое произведение,** или **дра́ма** (*гр.* drama — действие), — произведение, предназначенное для постановки на сцене. В драме характеры людей раскрываются в диалогах и монологах и непосредственно в действиях, поступках.

**Жанр** (*фр.* genre — род, вид) — вид художественных произведений: басня, повесть, рассказ и др.

**Зага́дка** — произведение устного народного творчества. В нём содержится иносказательное изображение предмета, по которому надо отгадать предмет: «Висит сито, не руками свито» (паутина).

**Иде́я** (*гр.* idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

**Инве́рсия** (*лат.* inversio — перестановка) — необычный порядок слов, благодаря которому автор достигает особой выразительности речи: «Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!»

**Интона́ция** (*лат.* intonare — громко произносить) — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и собеседнику.

**Ирóния** (*гр.* eirōneia — притворство, насмешка) — выражение насмешки. Употребление слова, под которым подразумевается противоположное значение: «Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него...»

**Киносцена́рий** (*итал.* scenario, *лат.* scaena — сцена) — литературно-драматическое произведение, по которому ставится кинофильм. В киносценарии есть авторские описания, диалоги и монологи героев, авторский текст, звучащий за кадром, и иногда — пояснительные надписи.

**Коме́дия** (*гр.* comóidia — песня весёлой толпы) — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

**Компози́ция** (*лат.* compositio — сложение, состав) — построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь всех его частей, образов, эпизодов.

**Леге́нда** (*лат.* legenda — то, что должно быть прочитано) — произведение, созданное народной фантазией, где сочетаются реальное (историческое событие или лицо) и фантастическое («Легенда об Арионе»).

**Лири́ческое произведе́ние** (*гр.* lyricos — поющийся под звуки лиры) — произведение, в котором автор выражает своё душевное состояние, свои мысли о мире и человеке.

Наряду с лирическими существуют произведения эпические и драматические.

**Мета́фора** (*гр.* metaphora — перенос) — слово или выражение, употреблённое в переносном смысле, вместо другого слова, потому что между обозначаемыми предметами есть сходство. «Тенькает синица меж лесных кудрей» — кудрями названа листва, потому что она похожа на кудри человека. В нашей речи много метафор: *шляпка* гриба, *ручка* двери, *узел* связи.

**Метони́мия** (*гр.* metonymia — переименование) — слово или выражение, употреблённое вместо другого, потому что между обозначаемыми ими предметами есть связь (не сходство): «Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?» «Изорвать мундиры» — вместо «дать бой». «Помнит вся Россия» — помнят люди в России. В нашей речи много метонимий: съел целую *тарелку*, устал с *дороги*, читал *Пушкина*.

**Ми́фы** (*гр.* mythos — слово, предание, сказание) — сказания, передающие представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях. Мифологические образы вошли в сокровищницу мировой культуры и активно используются в литературе и искусстве до нашего времени.

**Моноло́г** (*гр.* monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в произведении. Монолог преобладает в лирических произведениях, употребляется в эпических — когда герой говорит сам с собой. В драматическом произведении это обстоятельное высказывание героя.

**Нове́лла** — малый прозаический жанр (разновидность рассказа). Новелла отличается строгостью композиции, остротой сюжета, отсутствием описательности.

**Олицетворе́ние** — изображение неживых предметов в виде живых существ: «вьюга злилась».

**Описа́ние** — словесное изображение картины (портрет героя, пейзаж, внутренний вид комнаты — интерьер и др.).

**Пейза́ж** (*фр.* paysage, от pays — страна, местность) — картина природы в художественном произведении.

**Повествова́ние** — рассказ о событиях, фактах, действиях, поступках героя.

**По́весть** — один из видов (жанров) эпических произведений. По охвату событий и героев повесть больше, чем рассказ, но меньше, чем роман.

**Поговóрка** — меткое, яркое народное выражение, часть суждения, без вывода, без заключения: «лёгок на помине», «бить баклуши».

**Портре́т** (*фр.* portrait — изображение) — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.

**Послóвица** — краткое мудрое изречение, содержащее законченную мысль: «Век живи, век учись», «Без друга на сердце вьюга».

**Поэ́зия** (*гр.* poiēsis, poieō — делаю, творю) — 1) стихотворные произведения. Это могут быть произведения лирические («Узник» А. С. Пушкина), эпические («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях») и драматические (пьесы в стихах); 2) поэтичность: прекрасное, глубоко действующее на чувство.

**Поэ́ма** (*гр.* poiēma — творение) — один из видов лироэпических произведений: в поэме есть сюжет, события (что характерно для эпического произведения) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).

**При́тча** — небольшой рассказ, в иносказательном виде заключающий религиозное или моральное поучение.

**Про́за** (*лат.* prosa (oratio) — прямая, свободно движущаяся речь) — произведения нестихотворные.

**Прозаи́ческая речь** — речь, свободно движущаяся от предложения к предложению, нестихотворная. Но, как и стихотворная, это тоже художественная речь, в ней есть свой ритм и другие средства художественной выразительности.

**Псевдони́м** (*гр.* pseudōnymos, от pseudos — вымысел, ложь и onoma — имя) — вымышленное имя, под которым автор публикует свои произведения. Антоша Чехонте — один из псевдонимов Чехова.

**Расска́з** — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

**Расска́зчик** — в литературном произведении образ человека, от лица которого ведётся повествование.

**Ритм** (*гр.* rhythmos — такт, соразмерность) — повторение однородных явлений через равные промежутки.

**Ри́фма** (*гр.* rhythmos — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

**Рома́н** (*фр.* roman — романский, романский язык; первоначально — повествование на романском языке) — большое повествовательное произведение, обычно отличающееся многообразием действующих лиц и разветвлённостью сюжета.

**Сати́ра** (*лат.* satira — букв. смесь, всякая всячина) — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни путём изображения их в нелепом, преувеличенном, карикатурном виде. Высмеивая зло, писатель-сатирик утверждает добро.

**Си́мвол** (*гр.* symbolon — условный знак) — предмет, действие или слово, служащее условным обозначением какого-либо явления. Например, хлеб-соль — символ гостеприимства.

**Сказ** — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды. Повествование ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

**Ска́зка** — произведение устного народного творчества, повествование, основанное на вымысле. Различают сказки о животных, волшебные и бытовые. Кроме народных, есть сказки литературные, созданные писателями.

**Сравне́ние** — изображение одного предмета путём сравнения его с другим. У Гоголя «чёрт поджаривал... грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу».

**Стих** (*гр.* stichos — ряд, порядок, строй) — стихотворная строка, наименьшая единица деления стихотворных

произведений. Слово «стихи» часто употребляется в значении «стихотворения».

**Стихотворе́ние** — небольшое произведение в стихах.

**Стихотво́рная речь** — в отличие от прозы речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.

**Строфа́** (*гр.* strophē — поворот) — группа строк (стихов), составляющая единство, с определённым, повторяющимся расположением рифм.

**Сюже́т** (*фр.* sujet — предмет, содержание) — последовательность и связь событий в художественном произведении.

**Те́ма** (*гр.* thema) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; то, о чём говорится в произведении.

**У́стное наро́дное тво́рчество,** или **фолькло́р** (*англ.* folk — народ, lore — мудрость), — словесное поэтическое творчество народа. Виды устного народного творчества: пословица, поговорка, загадка, песня, сказка, легенда и др. Наряду с устным народным творчеством существуют народная музыка, народный танец, резьба по дереву и другие виды народного творчества.

**Фа́була** (*лат.* fibula — басня, рассказ) — изображение событий в художественном произведении в их хронологической последовательности.

**Фанта́стика** (*гр.* phantastikē — способность воображать) — мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением.

**Фее́рия** (*фр.* feerie; от fée — фея) — театральное или цирковое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов.

**Хоре́й** (*гр.* choreios, от choros — хор) — двусложный размер стиха. В строке хорея ударные слоги нечётные, безударные — чётные (´–): «Буря мглою небо кроет...»

**Худо́жественная литерату́ра** — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа, оно служит для изо-

бражения явления, выражения чувства и мысли. Другие виды искусства — живопись, музыка, скульптура, кино и др.

**Эпи́граф** (*гр.* epigraphē — надпись) — краткое изречение (пословица, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю понять главную мысль.

**Эпизо́д** (*гр.* epeisodion — случай) — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

**Эпи́тет** (*гр.* epitheton — приложение) — художественное определение предмета или явления, помогающее живо представить себе предмет, почувствовать отношение автора к нему: «Месяц величаво поднялся на небо...»

**Эпи́ческое произведе́ние** (*гр.* epos — слово, речь, рассказ) — произведение, в котором автор рассказывает о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений — роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др. Кроме эпических, произведения бывают лирические и драматические.

**Ю́мор** (*англ.* humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Смех помогает человеку освобождаться от всего дурного, мелкого, пошлого. В отличие от сатиры юмор — смех весёлый, доброжелательный.

**Ямб** (*гр.* jambos, от названия музыкального инструмента) — двусложный размер стиха. В строке ямба ударные слоги чётные, безударные — нечётные (— ⏑ —): «Мороз и солнце; день чудесный!..»

*О твоих ровесниках*

В. Богомолов. «Иван».
Л. Пантелеев. «Лёнька Пантелеев».
А. Свирский. «Рыжик».
А. Грин. «Бегущая по волнам» и другие повести и рассказы.
Н. Дубов. «Мальчик у моря».
Ю. Нагибин. «Эхо».
А. Маршалл. «Я умею прыгать через лужи».
Р. Погодин. «Сколько стоит долг» и другие рассказы.
В. Железников. «Путешественник с багажом», «Чучело».

*О природе и животных*

В. Бианки. «Одинец», «Аскыр», «Мурзук» и другие рассказы.
Г. Скребицкий. «От первых проталин до первой грозы».
Г. Троепольский. «Белый Бим Чёрное ухо».
Дж. Даррелл. «Моя семья и звери».

*Классики отечественной литературы*

Н. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород».
А. Куприн. «Изумруд» и другие рассказы.
А. Пушкин. «Повести Белкина».
Л. Толстой. «Детство».
А. Чехов. «Налим» и другие рассказы.

*Зарубежные классики*

Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста».

А. Дюма. «Три мушкетёра».

В. Скотт. «Айвенго», «Квентин Дорвард».

М. Твен. «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий».

Ф. Шиллер. «Вильгельм Телль».

Майн Рид. «Всадник без головы».

*Приключения, фантастика*

А. Беляев. «Человек-амфибия», «Ариэль».

Ж. Верн. «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров».

И. Ефремов. «Звёздные корабли», «На краю Ойкумены».

Ф. Купер. «Последний из могикан», «Пионер», «Следопыт», «Зверобой».

Г. Мартынов. «Каллисто», «Каллистяне».

Г. Уэллс. «Человек-невидимка».

К. Булычёв. «Миллион приключений», «Девочка с Земли».

Р. Брэдбери. «Ржавчина» и другие рассказы.

# Содержание


**Произведения русских писателей XX века** . . . . . 3

А. И. Куприн . . . . . —

Чудесный доктор . . . . . 5

Размышляем о прочитанном . . . . . 15

Совершенствуем свою речь . . . . . 16

Обогащайте свою речь . . . . . —

Творческое задание . . . . . —

А. С. Грин . . . . . 17

Проверьте себя . . . . . 19

Алые паруса (Феерия. Глава из феерии) . . . . . —

Размышляем о прочитанном . . . . . 39

Читаем самостоятельно . . . . . 40

Совершенствуем свою речь . . . . . —

*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение . . . . . —

А. П. Платонов . . . . . 42

История создания сказки-были «Неизвестный цветок» . . . . 44

Проверьте себя . . . . . —

Неизвестный цветок (Сказка-быль) . . . . . 45

Размышляем о прочитанном . . . . . 49

Творческое задание . . . . . 50

Развиваем свою речь . . . . . —

Творческое задание . . . . . —

*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение . . . . . 51

**Произведения о Великой Отечественной войне** . . . . . 52

К. М. Симонов . . . . . —

«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» . . . . . 53

Размышляем о прочитанном . . . . . 55

Учимся читать выразительно . . . . . —

*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение . . . . . 56

Д. С. Самойлов ..... 57
Сороковые ..... 58
Размышляем о прочитанном ..... 59
Творческое задание ..... —
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —
Учимся читать выразительно. Художественное чтение и задачи чтеца ..... 60
Проверьте себя ..... 61
В. П. Астафьев ..... 62
Проверьте себя ..... 64
Конь с розовой гривой ..... —
Размышляем о прочитанном ..... 82
Творческое задание ..... —
Будьте внимательны к слову ..... —
Творческое задание ..... 84
Проект ..... —
В. Г. Распутин ..... 85
Уроки доброты ..... —
Проверьте себя ..... 86
Из истории создания рассказа «Уроки французского» ..... —
Уроки французского ..... 87
Размышляем о прочитанном ..... 121
Будьте внимательны к слову ..... 122
Учимся читать выразительно ..... —
Литература и другие виды искусства ..... 123
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —

**Писатели улыбаются** ..... 124
В. М. Шукшин ..... —
«Странные люди» — герои Шукшина ..... 126
В. М. Шукшин и его фильмы ..... —
Проверьте себя ..... 127
Критики ..... —
Размышляем о прочитанном ..... 137
Творческое задание ..... —
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... 138
Ф. А. Искандер ..... 139
Тринадцатый подвиг Геракла ..... 140
Размышляем о прочитанном ..... 156
Творческое задание ..... 157

**Родная природа в стихотворениях поэтов XX века** ..... 158
А. А. Блок ..... —
Летний вечер ..... 159
«О, как безумно за окном...» ..... 160
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —
С. А. Есенин ..... 161
«Мелколесье. Степь и дали...» ..... —
Пороша ..... 163
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —
А. А. Ахматова ..... 164
«Перед весной бывают дни такие...» ..... —
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —
Н. М. Рубцов ..... 165
Звезда полей ..... —
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... 166
Размышляем о прочитанном ..... 167
Проект ..... —
Учимся читать выразительно. Элементы интонации .. 168
Учимся читать выразительно ..... —

**Из литературы народов России** ..... 169
Г. Тукай ..... —
Родная деревня ..... 170
Книга ..... 171
Размышляем о прочитанном ..... 172
Творческое задание ..... —
К. Кулиев ..... —
«Когда на меня навалилась беда...» ..... 173
«Каким бы малым ни был мой народ...» ..... 174
Размышляем о прочитанном ..... 175
Творческое задание ..... —

**Из зарубежной литературы** ..... 176
Мифы Древней Греции ..... —
Проверьте себя ..... 177
Подвиги Геракла. *В переложении Н. Куна* ..... —
Скотный двор царя Авгия ..... 178

Яблоки Гесперид ..... 180
Размышляем о прочитанном ..... 183
Читаем самостоятельно ..... 184
Творческое задание ..... —
Обогащайте свою речь ..... —
Литература и изобразительное искусство ..... —

Легенда ..... 185
Легенда об Арионе ..... 186
Размышляем о прочитанном ..... 187
Творческое задание ..... —

**Произведения зарубежных писателей** ..... 188
Гомер ..... —
Гомер и его поэмы «Илиада» и «Одиссея» ..... —
Значение поэм Гомера ..... 191
Несколько слов о содержании поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» ..... 192
Проверьте себя ..... 193
Творческое задание ..... —
Илиада (Песнь восемнадцатая. Отрывок из песни). *Перевод с древнегреческого В. Вересаева* ..... 194
Размышляем о прочитанном ..... 201
Творческое задание ..... —
Одиссея ..... 202
Одиссей на острове циклопов. Полифем *(в сокращении). Перевод с древнегреческого В. Жуковского* ..... —
Размышляем о прочитанном ..... 216
Учимся читать выразительно ..... 217
Литература и другие виды искусства ..... —

М. де Сервантес Сааведра ..... 218
Читаем самостоятельно ..... 220

И. Ф. Шиллер ..... 221
Перчатка. *Перевод М. Лермонтова* ..... 222
Перчатка. *Перевод В. Жуковского* ..... 224
Размышляем о прочитанном ..... 226
Учимся читать выразительно ..... 227
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —

П. Мериме ..... 228
Проверьте себя ..... 229

Маттео Фальконе. *Перевод О. Лавровой* ..... 230
Размышляем о прочитанном ..... 244
Творческое задание ..... —
Сравним прозаический и стихотворный тексты ..... 245
Творческое задание ..... 246

А. де Сент-Экзюпери ..... 247
Проверьте себя ..... 249
Маленький принц. *Отрывок из сказки с рисунками автора. Перевод Н. Галь* ..... 250
Размышляем о прочитанном ..... 264
Творческое задание ..... 265
Проект ..... —
*Фонохрестоматия.* Слушаем актёрское чтение ..... —

**Справочный раздел** ..... 266
Литературные места России ..... —
М. М. Пришвин. Деревня Дунино ..... —
В. М. Шукшин. Село Сростки ..... 268
Словарь имён ..... 270
Краткий словарь литературоведческих терминов ..... 273
Что читать летом ..... 281

Учебное издание

**Полухина** Валентина Павловна, **Коровина** Вера Яновна,
**Журавлев** Виктор Петрович, **Коровин** Валентин Иванович

**ЛИТЕРАТУРА**
**6 класс**

**Учебник для общеобразовательных учреждений**
**с приложением на электронном носителе**

В двух частях

Часть 2

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*
Редакторы *М. С. Вуколова, Е. И. Правоторова*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Технический редактор и верстальщик *Н. В. Лукина*
Корректор *В. Г. Голуб*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с оригинал-макета 16.04.12. Формат $70 \times 90\ ^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 14,46 + 0,50 форз. Доп. тираж 50 000 экз. Заказ № 32403 (П Гз).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат». 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.